
Издательство
Библиофил

ПР

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ

ЗАЧАРОВАННАЯ СТЕПЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „БИБЛІОФИЛЪ“
РЕВЕЛЬ

Право перевода на иностранные языки сохраняется за авторомъ.
Copyright by „Bibliophile" Ltd., Reval (Estonia).

Печатано въ типографіи Эд. Бергмана въ Юрьевѣ-Tartu

Отъ автора.

Повѣсть „Зачарованная степь“, дающая заглавіе этой книжкѣ, написана въ 1918 году. Въ основу ея легъ разсказъ одного весьма извѣстнаго революціонера недавнихъ временъ о дѣйствительномъ происшествіи въ ихъ ссыльной колоніи. Я только перенесъ дѣйствіе съ сѣвера Сибири на югъ, такъ какъ сѣверная Сибирь мнѣ незнакома, а Минусинскія степи я имѣлъ удовольствіе познать лично. Писать же природу и бытъ, которыхъ я не видалъ, я не умѣю.

„Зачарованная степь“ еще не была въ печати. Я лишь нѣсколько разъ читалъ ее въ Петроградѣ публично, что нынѣ замѣняетъ этому угрюмому городу печать. Съ грѣхомъ пополамъ замѣняетъ — и даже съ большимъ... смертнымъ грѣхомъ!

Первая серія разсказовъ цикла „Бабы и дамы“ знакома моимъ постояннымъ читателямъ по нѣсколькимъ изданіямъ прошлаго десятилѣтія. Четыре разсказа второй серіи, включенные въ эту книжку, также возникли изъ анкеты, произведенной мною лѣтъ двадцать тому назадъ на тему о „междусословныхъ парахъ“. Они еще не входили ни въ одинъ изъ прежнихъ моихъ сборниковъ.

Александръ Амфитеатровъ.

1921. VI. 15.
Петроградъ.

Зачарованная степь

Дѣло было въ 1917 году, лѣтомъ. Февральская революція успѣла уже отойти въ область преданій. Временное правительство доживало свой короткій чахлый вѣкъ и дышало на ладанъ. Настроеніе въ Петроградѣ было напряженное, свирѣпое. Революція раскаивалась въ своей первоначальной безкровности — и „боги жаждали“: надъ городомъ повисли тучи, чреватыя краснымъ дождемъ. Множились митинги на углахъ улицъ, и ораторы ихъ походили на живыя скорострѣльныя ружья, которыя, покуда что, зловѣще палятъ на воздухъ, но не сегодня, такъ завтра найдутъ себѣ другую мишень — страшную, брызжущую кровью и мозгомъ человѣческими. По ночамъ небо пятналось заревомъ пожаровъ, а въ открытыя окна долеталъ сухой трескъ далекихъ за-невскихъ залповъ, знаменуя, что одурѣлые отъ праздности и своевольства люди обрѣли гдѣ то чей то винный погребъ и ломятся въ него; а другіе люди стрѣляютъ въ нихъ изъ винтовокъ, чтобы, убивъ нѣсколькихъ, помѣшать остальнымъ перепиться до смерти или, пьяными до потери сознанія, утонуть въ выпущенномъ изъ бочекъ винѣ и пивѣ.

Въ одинъ изъ такихъ пріятныхъ лѣтнихъ вечеровъ собрались у меня, на Петроградской сторонѣ, старые товарищи, бывшіе ссыльные, недавніе поворотники изъ

сибирскихъ медвѣжьихъ угловъ. Много новыхъ мыслей, чувствъ и разсказовъ привезли они съ собою. Народъ, въ большинствѣ, очень хорошій и, что удивительно, нисколько не озлобленный. Напротивъ, въ тѣ тяжелые дни у нихъ приходилось занимать кротости и снисходительности къ тому, что происходило предъ глазами нашими.

Разговоры шли невеселые.

Кровь, измѣна, провокація, избіенія, уличныя драки, чудовищные самосуды, повсемѣстное торжество кулачнозахватнаго права . . . жутко! Такъ поглядѣлъ, этакъ повернулъ, — нѣтъ тебѣ ни просвѣта, ни вздоха: помираетъ культура, — и все тутъ! Заѣдаетъ ее звѣроподобіе человѣческое, — и шабашъ. Такъ вотъ этими самыми словами и говорили — отпѣвали:

— Помираетъ культура!

Ну, и, слѣдовательно, — восплачемъ, братіе!

А одинъ сибирячекъ, пожилыхъ уже лѣтъ, солидный и почтенной извѣстности мужчина, съ каторжнымъ и поселеннымъ прошлымъ, вдругъ, встрялъ на перерѣзъ:

— Да стоитъ ли плакать то?

— Что—о—о?

— Можетъ быть, ей естественное и положенное время пришло помирать — культурѣ то нашей? Состарилась она очень? а? . . .

— Ну, батюшка, вы какую то толстовскую гиль несете . . . Не вы бы намъ говорили, не мы бы васъ слушали. Додумался, на Енисеѣ то сидя: культуру зачеркнулъ!

— Да, нѣтъ, товарищи и граждане, я то лично культуру не зачеркиваю и не отрицаю. А, что касается Енисея, то, наоборотъ, тамъ-то именно я и научился любить культуру и высоко цѣнить всѣ культурныя блага, потому что стосковался по нимъ неистово. Чего ужъ тамъ! Какъ сѣлъ на прямой сибирскій поѣздъ,

такъ въ вагонѣ-ресторанѣ французскую горчицу на столѣ увидалъ, — обрадовался, точно родную сестру встрѣтилъ. Но не скрою отъ васъ, что даже и тамъ, гдѣ вотъ именно самое отсутствіе культуры должно было бы развивать страстную по ней, голубушкѣ, тоску и ея вожделѣніе, я зналъ людей, которые проникались къ ней — кто презрительнымъ равнодушіемъ, а кто и прямо таки злобою, ненавистью, отвращеніемъ . . . Именно отрекались отъ нея, какъ отъ дьявола, и зачеркивали ее всю цѣликомъ, — до такого опрощенія, которое покойному Льву Николаевичу и не грезилось . . .

— Это правда, — подтвердилъ другой сибирякъ, — у насъ въ колоніи этакъ двое совершенно объякутились и въ улусы жить ушли . . .

— Вотъ видите. Да — развѣ рѣдкость? Почитай, что каждая колонія примѣры такіе имѣла . . .

— Ну, что же? — возразилъ я, — не новость . . . во всѣхъ фазисахъ культуры бывало . . . Байронъ въ смѣшеніи съ Руссо, — угрюмый Алеко, предпочитающій „неволѣ душныхъ городовъ“ бродить съ цыганскимъ таборомъ и водить ручного медвѣдя.

— Да, вотъ, именно, что такъ . . . И замѣтьте: всѣ подобные бѣглецы были изъ лучшихъ нашихъ людей — самыхъ образованныхъ, дѣльныхъ, симпатичныхъ . . . Но, вотъ, что-то, вдругъ, точно лопнетъ у нихъ въ головѣ: все опротивѣло — товарищи, книги, идеи . . . ушелъ! . . Вотъ, считаютъ насъ, сколько вернулось, а хорошо бы посчитать и — сколько осталось, не захотѣло вернуться . . . И между этими незахотѣвшими — увѣряю васъ: весьма большой процентъ — именно по этой самой причинѣ. По недоброй памяти о культурѣ, по боязни вновь встрѣтиться съ ней и сдаться въ ея лапки, — перчаточки бархатныя, коготки стальные . . . А, что вы напомнили — Алеко, то я вамъ скажу: болѣзнь эта нынѣ бросилась не только на муж-

чинъ, но и на женскій полъ ... И, напримѣръ, въ селѣ, гдѣ я отбывалъ поселеніе, Алекою оказалась дѣвица ... да еще и какая!.. Краса и гордость колоніи!.. Это довольно любопытная и незаурядная исторія. Хотите, разскажу?

— Пожалуйста.

I.

Я то засталъ Алю Павлову уже на отъѣздѣ ея изъ колоніи, такъ что не успѣлъ близко узнать ее лично. Но память о ней осталась самая лестная и завидная, — до нѣжности. И могу засвидѣтельствовать, какъ очевидецъ, была она чудо, какъ хороша собой. Этакая настоящая бѣлокурая волжская красавица, изъ купеческой семьи съ Верхняго Плеса, откуда и была она родомъ. Еще отъ гимназическихъ товарокъ прозвана была „Церерочкой“ за раннюю крупичатую пышность свою. На семнадцатомъ году кончила курсъ провинціальной гимназіи съ золотою медалью. До двадцати въ Питерѣ мѣшала во едино три бездны премудрости: высшую математику, какъ слушательница женскихъ курсовъ; эстетическое богоискательство, какъ участница тогдашняго религіознаго движенія; и полемику съ марксистами, какъ революціонерка. И на всѣхъ трехъ путяхъ была замѣчена, какъ натура недюжинная и много обѣщающая. Умъ свободный и острый, любопытства дѣльныя, наблюдательность мѣткая, широкая, убѣжденія глубоко продуманныя и дѣятельныя, — простое чувство, прямое слово, горячее сердце. По революціонной службѣ, Аля побывала не то, что въ смѣлыхъ, — въ отчаянныхъ передѣлкахъ, которыя инымъ, менѣе удачливымъ, ея подругамъ стоили безсрочной каторги. Да и она то сама только чудомъ вышла сравнительно суха изъ воды:

всего лишь на пять лѣтъ улетѣла въ Восточную Сибирь и даже, хотя въ отдаленную отъ городовъ, но не въ очень гиблую трущобу. Матеріально она была довольно обезпечена. Сурова, но дешева жизнь въ глухомъ поселѣ, въ шестистахъ верстахъ отъ губернскаго города и ста двадцати трехъ отъ уѣзднаго, на границѣ степи, гдѣ, вплоть до тайги южныхъ предгорій, осѣдлаго жилья уже нѣтъ. А есть только могильники милліоновъ инородцевъ, Богъ вѣсть въ кои вѣка вымершихъ, да кочевья нѣсколькихъ тысячъ инородцевъ, обреченныхъ вымирать еще въ нашъ вѣкъ. Маленькихъ денегъ, которыя Аля привезла съ собою изъ Россіи, ей вполнѣ доставало, даже съ избыткомъ, такъ что она и товарищамъ помогала, откликаясь на каждый спросъ почти что безотказно. Ужъ если Аля говорила нуждающемуся — „нѣтъ“, то, значитъ, дѣйствительно, не было, и самой негдѣ взять. А то скорѣе себя обездолитъ, но товарища изъ бѣды выручитъ.

Чистое было существо, свѣтлое существо. Предъ спокойнымъ цѣломудріемъ этой серьезной неулыбчивой „Церерочки“ конфузливо отступали вспять, почти вспоминая совѣсть, самые безпардонные „Санины“, оргіасты Діонисовыхъ дѣйствъ и прочіе тогдашніе „революціонеры духа и освободители плоти“. Мало того: даже въ тюрьмахъ начальственные нахалы, среди которыхъ кишѣли Аврамовы и Ждановы, — помните еще имена этихъ господъ, — мучителей Маріи Спиридоновой? — невольно сдерживали похабный языкъ свой и подлыя привычки предъ лицомъ этой дѣвственницы, кроткой, мудрой, прекрасной.

Влюблялись въ Алю часто, рѣчей любовныхъ слышала она много, но, какъ несокрушимая льдина мурманская, ничуть не таяла отъ обаяній, которыми чаровали ее интереснѣйшіе люди въ обѣихъ столицахъ обновлявшейся Россіи. А въ числѣ брачныхъ предложе-

ній, отвергнутыхъ Алей, одно было отъ господина литератора такой важности и славы, что иные поклонницы и поклонники не лѣнились пріѣзжать изъ-за сотенъ верстъ, чтобы лишь хоть однимъ глазкомъ взглянуть, каковъ онъ, голубчикъ, на свѣтѣ живетъ — этакій полубогъ въ блузѣ, затыкающій за поясъ сегодня Байрона, завтра Гете, послѣзавтра „Книгу Іова“ и категорически отрицающій таблицу умноженія и Пиѳагоровы штаны.

Хороша была Аля на волѣ — еще краше въ ссылкѣ. Въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ, она ласковымъ солнцемъ свѣтила на ссыльную колонію, заброшенную въ чалдонскую глушь. И, — своею спокойною бодростью и безграничною, казалось, вѣрою въ прекрасное будущее Человѣка, котораго въ то время взяли обычай писать, по Горькому, съ большой буквы, — остановила не мало рукъ, уже готовыхъ было подняться съ бритвою къ горлу, съ револьверомъ къ виску, или, того проще, съ петлею къ гвоздю въ стѣнѣ либо къ отдушнику въ печкѣ. Это не преувеличеніе и не предположеніе, а прямое утвержденіе изъ товарищескихъ устъ:

— Кабы не Аля Павлова, то было бы намъ тамъ всѣмъ съ ума посойти — отъ мертвящей тоски среди инородцевъ и чалдоновъ и отъ колоніальнаго „варенія въ собственномъ соку“...

Однако, гиблая глушь взяла свое: къ концу второго года ссылки, на солнце колоніи стали какъ будто набѣгать тучки. И безъ того всегда задумчивая и не говорливая, Аля теперь задумалась какъ то особенно — глубже и постояннѣе прежняго и почти совсѣмъ примолкла.

II.

Началась эта перемѣна въ Алѣ, по замѣчанію колоніи, съ того времени, какъ застрѣлился Александръ

Ивановичъ Прямоглазовъ. Не предположите, что былъ между ними романъ. Напротивъ, изъ политическихъ ссыльныхъ Александръ Прямоглазовъ былъ единственнымъ, который, что называется, щетинился противъ Али и держался отъ нея далеко, какъ, впрочемъ, и отъ всего ссыльнаго кружка. А и кружокъ то былъ такой крохотный, что въ немъ не успѣвали развиваться даже обычныя партійныя дѣленія и ссоры. Наоборотъ, люди жались другъ къ другу, словно экипажъ съ разбитаго корабля на утломъ плоту среди необъятнаго моря, враждебнаго и бездоннаго. Но Александръ Прямоглазовъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, о которыхъ, когда хочешь сказать о нихъ хвалебное, — первымъ и, по правдѣ сказать, единственнымъ, приходитъ въ голову: вотъ человѣкъ-сокровище для одиночной тюрьмы. Онъ ей и отдалъ долгую дань. Но тюрьма не только не отучила его отъ любви къ уединенію, а, напротивъ, укрѣпила и развила ее въ настойчивую потребность, которая, и въ ссылкѣ, сдѣлала Прямоглазова добровольнымъ отшельникомъ, молчальникомъ и почти затворникомъ. Въ рѣдкихъ выступленіяхъ своихъ предъ товарищами онъ выказывалъ себя опять таки настолько обособленнымъ... даже не симпатичнымъ, что, не будь за нимъ ужъ очень большихъ революціонныхъ заслугъ, его давно ославили бы провокаторомъ. Онъ самъ понималъ, что непріятенъ, и не годится для общества. А потому очертилъ себя парень заколдованнымъ кругомъ и засѣлъ въ немъ одинъ-одинешенекъ. А, сквозь одиночество, непрестанно смотрѣлъ въ душу свою — зорко, взыскательно и неумолимо.

Самоубійство Прямоглазова никого въ колоніи не удивило: давно ждали, что не миновать ему лихого конца. Но вечеромъ передъ ночью, когда ему застрѣлиться, Прямоглазовъ зашелъ къ Алѣ Павловой и передалъ ей небольшую тетрадь, которую просилъ спря-

тать, говоря, что имѣетъ основанія опасаться обыска. По смерти Прямоглазова Аля, конечно, прочитала тетрадь и нашла въ ней нѣчто вродѣ завѣщанія. Самоубійца поручалъ ей свои записки. — „По правилу", писалъ онъ, „контрастовъ: вы, Аля, Человѣка любите и по головкѣ гладите, а я чувствую къ нему отвращеніе и боюсь его — и въ другихъ, и въ самомъ себѣ. Ну, такъ вотъ — почитайте мое рукописаньице, — каковъ онъ есть душка, этотъ самый Человѣкъ, во всей своей натуральной правдѣ. Сами насладитесь и другихъ порадуйте. За слогъ и содержаніе извините, но, за то, ужъ не найдете словечка солганнаго: все — до дна — на чистоту!"

Интимную часть Прямоглазовскихъ признаній Аля уничтожила, согласно его волѣ въ той же завѣщательной запискѣ, а общую дала читать въ колоніи. Ее переписывали, разсылали въ другія колоніи. Я имѣлъ такой списокъ. Проповѣдь глубочайшаго пессимизма, пожалуй, въ тонѣ любимыхъ Андреевскихъ героевъ, но еще того вѣрнѣе будетъ сказать — въ духѣ именно Алеко и прочихъ байроническихъ бродягъ, отвергавшихся „неволи душныхъ городовъ". Потому что, по разуму и культурѣ, старался Прямоглазовъ ближняго любить и думать о немъ хорошо и — что дальше — все къ лучшему и лучшему. А, по чувству и лукавому шепоту совѣсти, часто сдавалось ему, что все это неправда, и ближняго онъ совсѣмъ не любитъ и не уважаетъ, а, напротивъ, истинная основа его натуры — глубокое презрѣніе. Презрѣніе къ людямъ вообще, которое переходило, какъ тайное предубѣжденіе, и на каждое отдѣльное знакомство.

Когда человѣкъ презираетъ свысока — гордо и самодовольно, это не опасно для него — можетъ быть даже источникомъ житейскаго благоденствія и душевнаго равновѣсія. Плюю, молъ, на все и берегу свое здоровье.

Но для того надо быть очень отраднаго о себѣ мнѣнія. А Прямоглазовъ Александръ былъ о себѣ мнѣнія безотраднаго. Среди его товарищей было не мало такихъ, которые ставили себя въ кругѣ жизни своей нѣкимъ самодовлѣющимъ божествомъ, а прочее человѣчество понимали за козявокъ. Но Александръ Прямоглазовъ успѣлъ усвоить эту формулу только на половину — и притомъ невыгодную. То есть, что человѣчество — козявки, это убѣжденіе онъ тайно питалъ чуть не отъ дѣтскихъ лѣтъ своихъ, хотя и тщательно скрывалъ. Но себя вообразить богомъ никакъ не могъ и нисколько не исключалъ себя изъ козявнаго человѣчества. Напротивъ, почиталъ себя въ немъ не только не крупнѣе, а, можетъ быть, даже и мельче многихъ другихъ козявокъ. И, кажется, имѣлъ къ тому нѣкоторую причину — быть можетъ, менѣе основательную, чѣмъ она ему представлялась, но многихъ и многихъ юношей погубившую тоскою самогрызенія. Опять спѣшу оговориться, что рѣчь идетъ не о какомъ либо позорящемъ политическомъ дѣяніи или хотя бы промахѣ. Нѣтъ, просто, одинокое существованіе скверно отозвалось на его половой жизни. Это отравляло его дни постояннымъ стыдомъ и страхомъ, въ мнительности, будто порокъ его всѣ за нимъ примѣчаютъ, и вотъ-вотъ кто нибудь снагличаетъ и его громко обличитъ. И этого своего будущаго обличителя онъ подозрѣвалъ во всѣхъ и, заранѣе его презирая и ненавидя, частицу той же предубѣжденности переносилъ на каждаго изъ „всѣхъ“. Поэтому его презрѣніе было унылое, полное тоски и отчаянія, все густѣвшихъ, какъ злыя сумерки, и, наконецъ, въ послѣднее время, почти безпросвѣтныхъ. Человѣкъ пришелъ въ уголъ и, какъ клинъ въ себя забилъ, жилъ однимъ разсужденіемъ:

— Человѣкъ — безсиліе, ничтожество, слякоть, смрадъ, заразный микробъ. Слѣдовательно, и я безсиліе, ничтожество, смрадъ и слякоть заразы. А, слѣдо-

вательно, зачѣмъ же мнѣ и существовать? Пусть другіе, если имъ люба жизнь, несутъ трусливый и глупый позоръ ея, — я гордъ, я сознателенъ, не хочу, — предпочитаю умереть. Смерть — великая дезинфекція вселенной. Поклонимся же ей и поступимъ честно: очистимъ землю отъ своего заразнаго присутствія. Уволимъ жизнь отъ себя, а себя отъ жизни.

И такъ-вотъ Александръ Прямоглазовъ влюбился въ смерть и возлелѣялъ мечту самоубійства. И, такъ какъ былъ онъ человѣкъ серьезный, характера твердаго и — что надумалъ, то сдѣлалъ, то эту грозную мечту свою онъ давно уже осуществилъ бы, еслибы не полагалъ неконченными кое-какіе свои земные счеты. Не раздѣлавшись же съ ними, почиталъ уходить въ небытіе — не то, чтобы непозволительнымъ, а... ну, неловкимъ, что ли. Какія то полученныя письма изъ Россіи, которыя онъ передъ смертью сжегъ, развязали его съ этими счетами. И, уже въ слѣдующую ночь, Александръ Прямоглазовъ „уволилъ жизнь отъ себя, а себя отъ жизни".

Похоронили Александра Прямоглазова. Потолковали о немъ, поволновались, послали некрологи въ легальную и нелегальную печать. Забыли. Но — записки ли покойнаго, вся ли совокупность пережитого событія — сильно потрясли Алю Павлову и оставили въ душѣ ея глубокій и опасный слѣдъ. Опять таки прошу не мечтать о посмертной влюбленности, которая постигаетъ порою романтически настроенныя дѣвичьи души. Во первыхъ, я забылъ вамъ сказать, что Александръ Прямоглазовъ былъ очень некрасивъ собою и совершенно не годился въ герои чьихъ либо любовныхъ мечтаній даже и живой, а не то, что изъ-за гроба. Во вторыхъ, содержанія интимной части его манускрипта, уничтоженной, Аля никому не сообщила, но выражалась о ней — въ общихъ чертахъ — болѣе чѣмъ неодобрительно. Говорила, что никогда не позволила бы себѣ предположить

и раньше не допускала даже возможности, чтобы человѣкъ, а въ особенности человѣкъ такой, казалось бы, чистой, почти аскетической, жизни и дѣятельности, могъ тайно носить въ душѣ своей столько трагической нечисти. Къ счастію, безсильной, потому что дикія помышленія, въ которыхъ онъ признавался, никогда не переходили въ дѣйствія и, даже въ самомъ смѣломъ случаѣ, только изливались чернилами на бумагу.

А, между тѣмъ, несомнѣнно, что какая то психическая зараза перелетѣла съ этого трупа на Алю Павлову. Вскорѣ всѣ ея ближайшіе друзья зашептались между собою, что́ съ Алею творится что то неладное, и она едва ли не скользитъ на прямоглазовскую дорожку. Перестала читать, начала замѣтно отстраняться отъ товарищескаго круга, а, бывая въ немъ, не принимала никакого участія въ обычныхъ принципіальныхъ спорахъ. Иной разъ она даже врядъ ли ихъ, слушая, слышала, вся захваченная не то тайною работою какой то, черезъчуръ ужъ сосредоточенной, мысли, не то властною мечтою, замкнутая страсть которой стремитъ все ея существо къ близкому экстазу. Когда въ эту ея оторванность отъ дѣйствительности проникали, вдругъ, чьи либо слова, къ ней обращенныя или хотя бы просто очень громко произнесенныя, Аля, положительно, имѣла видъ проснувшейся и, притомъ, проснувшейся непріятно. Вынужденная къ вниманію, она слушала нетерпѣливо, скучливо, точно она заранѣе знала все, что ей могутъ сказать, и ничего того она въ грошъ не цѣнитъ. Даже, — когда въ воздухѣ, полномъ крика и папироснаго дыма, носились имена и завѣты, ради которыхъ она недавно подставляла себя подъ пули и безтрепетно шла на висѣльный рискъ. А теперь, — замѣчала колонія съ негодующимъ изумленіемъ, — красивыя губы Али безмолвно слагались такъ странно, что, — не будь это губы кроткой и, всѣмъ вѣдомо, свято убѣжденной Али, — право, ихъ

выраженіе можно было бы иногда принять за язвительную улыбку невѣрующаго превосходства. И превосходства весьма надменнаго, чуть ли не презирающаго.

III.

По мѣрѣ того, какъ отставала отъ колоніи, Аля прилѣплялась къ степи. Она безграничнымъ просторомъ своимъ, — бурымъ въ раннюю весну, голубымъ и желтымъ въ весну настоящую, зеленымъ въ лѣто, глиняно-желтымъ въ осень, брильянтово-бѣлымъ въ сверкающую зиму, — замѣнила теперь Алѣ всѣ книжные и разговорные интересы. Не то, что ссыльные, но и изъ крестьянъ не всѣ знали окрестности такъ хорошо, какъ изучила ихъ, вѣчно блуждавшая теперь степною скиталицею, Аля. А, когда не блуждала, то почти всегда можно было застать ее на высокомъ крыльцѣ избы, ею обитаемой. Совсѣмъ, какъ Ярославну на забралѣ, полную той же вдаль летящей, сосредоточенной мысли, съ туманно устремленнымъ не вѣсть куда за горизонтъ взглядомъ ясновидящей . . .

Завелись у нея и степныя знакомства. То къ ней приходили въ гости инородки изъ ближнихъ улусовъ и кочевій, то она къ нимъ уѣзжала — особенно на праздники. Выучилась очень бойко говорить на ихъ тарабарскомъ нарѣчіи и принялась записывать степной фольклоръ. По крайней мѣрѣ, такъ сказывала, когда ее спрашивали, что любопытнаго она находитъ въ обществѣ степныхъ пріятельницъ, безобразныхъ, глупыхъ, чудовищно грязныхъ, которыя наносили къ ней въ квартиру, извините за выраженіе, вошь и вонь неистребимую. Чортъ ихъ знаетъ, какъ эти почтенные гражданки и граждане вольной степи способны продушить комнату: и рыбой то тухлой, и саломъ то бараньимъ, и собственною то какою то потною псиною . . . брр! . .

А, между тѣмъ, представьте себѣ: чрезвычайно поэтическій народъ. Жилъ я на берегу Абакана. Такъ тамъ сказочники — первые люди въ кочевьяхъ. И странно: днемъ этакого сказителя ни за что не уговоришь разсказывать, — развѣ бутылку водки ему выставишь: за водку тамъ — что хочешь, то и купишь. За то ночью — сдѣлайте одолженіе, и просить не надо. Чуть палъ вечеръ, сказочникъ сидитъ уже на кожѣ либо на кошмѣ передъ очагомъ. Въ рукахъ у него чаттыганъ: это вродѣ арфы или гуслей, что ли, только о шести струнахъ. Смотритъ въ огонь и декламируетъ или поетъ. А татарва сидитъ кругомъ и слушаетъ, какъ зачарованная. Вечеромъ, въ сумерки, начнутъ — къ бѣлому утру кончатъ, — глядь, никто то въ долгую ноченьку и глазъ не сомкнулъ. Не успѣли дослушать сказку, — сходятся на другой вечеръ. Такъ иногда говорятъ по три ночи, если сказка слишкомъ длинна. И все стихами. Сказка въ прозѣ, безъ аккомпанимента на чаттыганѣ, скрипкѣ или балалайкѣ, — половина удовольствія. Есть сказки твердыя, переходящія изъ рода въ родъ, но почти въ каждую пѣвецъ вплетаетъ свои импровизаціи либо какіе нибудь новенькіе, подслушанные имъ отъ другого, стишки. Теперь они стали много перенимать отъ русскихъ. Не помню, съ кѣмъ — то ли съ Радловымъ, то ли съ другимъ русскимъ ученымъ, — былъ случай. Записалъ онъ на Енисеѣ сказку, какъ два ворона искали обѣда и нашли подъ ракитой трупъ убитаго витязя. Анъ, сказка то оказалась точнѣйшимъ переводомъ пушкинской баллады:

Воронъ къ ворону летитъ,
Воронъ ворону кричитъ...

Но гораздо чаще они импровизируютъ. Потребность говорить или, вѣрнѣе, пѣть стихами у нихъ — пуще, чѣмъ у всѣхъ русскихъ декадентовъ и футуристовъ, вмѣстѣ взятыхъ. Что ни увидитъ, въ какое об-

стоятельство жизни ни попадетъ инородецъ, — сію же минуту готовы стихи. За парня, не умѣющаго слагать стихи, тамъ дѣвушку замужъ не выдадутъ: все сватовство, вся свадьба — потокъ импровизаціи. На свадьбахъ гостя, не умѣющаго сказать комплиментъ стихами, терпятъ только два дня: на третій женщины мажутъ ему лицо сажей. Дѣвушки усердствуютъ въ стихотворствѣ еще искуснѣе парней. Даже пословица такая есть: „На тридцать стиховъ нуженъ умъ мужчины, на сорокъ стиховъ — умъ дѣвушки".

Столь очевидное уваженіе къ женскому уму не препятствуетъ, однако, тому, что въ представленіи какого нибудь бельтира или сагайца женщина стоитъ никакъ не выше, а скорѣе ниже лошади. Даже ласковыя прозвища для возлюбленной онъ выбираетъ по примѣтамъ кобылъ своего табуна — по мастямъ: „каурая", „соловая", „голубая", „бурая" ... „Соловая" и „рыжая" считаются наивысшимъ комплиментомъ. Потому что, видите ли, „лишь молоко отъ рыжей кобылы подносится къ столу для угощенія начальника, лишь молоко отъ соловой кобылы достойно быть налитымъ въ фаянсовый сосудъ" ... Дамы бельтирскія не только не оскорбляются подобными лошадиными комплиментами, но и сами встрѣчаютъ ухаживателей пѣснями, вродѣ того, что:

— Черный парень! Любимый савраско! Что такъ долго не ѣхалъ? Ужели не сильно скучалъ ты? Твоя возлюбленная уже заржала по тебѣ!

Конская психологія когда-то нравилась Свифту настолько, что онъ, въ укоръ человѣчеству, создалъ утопію четвероногаго царства благородныхъ гуингмовъ. Правду сказать, у бельтировъ, сагайцевъ, качинцевъ чувствуешь себя немножко въ этомъ счастливомъ царствѣ. Потому что они благородны, добродушны, мягки нравомъ и обычаями, но, все таки, какъ будто, немного двуногія лошади.

Ну, фольклоръ, такъ фольклоръ. Ладно. Можетъ быть, и вправду было такъ. По крайней мѣрѣ, вѣрно было одно: Аля ни во что ставила проскакать верхомъ пятьдесятъ и больше верстъ, если ей сулили изъ которагонибудь улуса показать сильнаго шамана или шаманку.

Надо, впрочемъ, признаться, господа, что это, дѣйствительно, чрезвычайно интересно. Описывать вамъ, какъ шаманы и шаманки, по тамошнему „камы", „камлаютъ", я не буду, потому что, вѣроятно, вы читали о томъ у Сѣрошевскаго, Тана и другихъ изобразителей Сибири. Притомъ всѣ они описывали шамановъ крайняго сѣвера, а тѣ считаются сильнѣйшими нашихъ южныхъ. Тѣмъ не менѣе, и нашъ южный „камъ", если хорошо угощенъ, то творитъ такія чудеса гипнотизма и чревовѣщанія, что у непривычнаго, свѣжаго человѣка, умъ за разумъ заходитъ. Чувствуешь себя въ бреду, худшемъ, чѣмъ кухня вѣдьмы въ „Фаустѣ". А иной разъ, что скрывать, и волосъ дыбомъ подымается. Меня, какъ стараго гимнаста, всегда поражала физическая выносливость этихъ людей: иные изъ нихъ способны „камлать" ночь за ночью, покуда выставляется угощенье. Даже и пословица гласитъ: „Если есть водка, шаманъ радъ ночевать трое сутокъ; если нѣтъ водки, онъ, свирѣпый, уходитъ домой". А вѣдь камланье — это — сплошная падучая: то притворная, взвинчивающая, то настоящая, навинченная, — въ перемежку.

Но я лично предпочитаю всѣмъ спиритическимъ страстямъ и фокусамъ, которыми блещутъ наши „камы", то, что въ нихъ дѣйствительно есть и лишено всякой примѣси шарлатанства. Это ихъ могущественная поэзія. Дикая, въ преувеличенныхъ гигантскихъ образахъ отражающая всю природу ихъ необозримыхъ степей, поднебесныхъ горъ, непроходимой тайги, великановъ-рѣкъ. Камы — самые совершенные пантеисты, какихъ когдалибо видѣли солнце и луна. По ихъ понятіямъ, Боже-

ство разлито во всей природѣ, какъ всепроницающій тонкій эфиръ, и нѣтъ, для нихъ, веши не одухотворенной. Все у нихъ чувствуетъ, знаетъ, дышетъ, говоритъ, все имъ родня и другъ или врагъ. Все шепчетъ, вѣщаетъ, колдуетъ, превращается, родитъ, женится, плодится, множится, умираетъ, возрождается, — опять живетъ, чтобы умереть, опять умираетъ, чтобы жить. Огонь, для шамана, „мать или теща, вооруженная острыми зубами, скачущая верхомъ на рыжей кобылицѣ, еще не имѣвшей жеребятъ, разукрашенная красными лентами". Горный духъ мчится на чернобуромъ конѣ, плеть его — черная выдра, шапка на немъ — черная лисица. Кружатся русалки-албысъ, — таинственныя любовницы вѣщаго „кама", съ волосами, заплетенными въ сто и больше косъ, съ пальцами, острыми, какъ копья, съ грудями, подобными великой горѣ, съ органами пола, подобными пропасти земной до глубины ада, одѣтыя въ штаны, на каждые изъ которыхъ идетъ шестьдесятъ маральихъ шкуръ, и — „по переду ихъ одежды течетъ Абаканъ, а по заду одежды извивается Енисей" . . .

Гдѣ родился ты, камъ? На крутомъ берегу Абакана.
Гдѣ ты выросъ, камъ? Въ степи, ковылемъ покрытой.
Куда кочевалъ ты, камъ? Къ истокамъ Аскыса.
Гдѣ ты силу впервые явилъ? Въ городѣ Аба-турѣ (Кузнецкъ).
Гдѣ стоянка твоя? На владычномъ хребтѣ Туруша.
Гдѣ лежанка твоя? На владычномъ хребтѣ Чалыма.
О, владыко, извилистый Томь!
О, владыко, Енисей, вольно-водный!
Размечитесь по горамъ! разсѣйтесь по рѣкамъ!
Летите, летите, какъ быстрыя перепелки!
О, земля моя! заднюю полу одежды твоей
Пересѣкъ Енисей!
А переднюю полу одежды твоей
Придавили сѣдые Саяны.

Вотъ какъ понимаютъ эти люди самихъ себя и свою возлюбленную страну. Можно подумать, что у нихъ, вмѣсто глазъ, вставлены микроскопы: такъ тонко и глубоко видятъ они все, непроницаемое для простого зрѣнія, и такъ могуче преувеличиваютъ все видимое... Ну, и кто понимаетъ весь бредъ ихъ величія, того онъ невольно захватываетъ. Вѣдь уже бубенъ шамана — цѣлый міръ. Чего-чего только нѣтъ на этой лосиной кожѣ, которой гудѣніе, подъ колотушкой изъ заячьей лапки, собираетъ подъ власть шамана духовъ міра прошлаго, настоящаго и будущаго. Тутъ и млечный путь, и семь планетъ, и солнце съ луною, и вечерница и денница, и двѣ небесныя „богатыя березы", изъ которыхъ одна Адамъ, а другая Ева. И 14 желтыхъ дѣвъ-русалокъ, знаменующихъ Китай, подданныхъ „хранителя коней"; и девять всадниковъ, знаменующихъ устья великихъ рѣкъ и демоновъ лихорадки. Козы, лоси, орлы, вороны, змѣи, жабы, ящерица, волкъ, медвѣдь, щука и всенепремѣнная кукушка. Безъ нея нельзя и камлать, потому что кукушечій голосъ есть втора голосу шамана, когда онъ возноситъ молитву къ горамъ и водамъ; безъ помощи кукушки онъ не въ состояніи былъ бы ихъ перечислить. Ни одной черточки безъ значенія — цѣлая система символовъ, сложно и стройно сплетавшихся въ теченіе неисчислимыхъ вѣковъ. Это цѣлая гіероглифическая алгебра. Разобраться въ ея кажущейся безсмыслицѣ значитъ открыть для себя глаза на мѣстный міръ и увидать его природу и людей въ новомъ преображенномъ свѣтѣ. А затѣмъ уже вы читаете всю инородческую степь, какъ открытую книгу, со всѣмъ хорошимъ и дурнымъ, что въ ней есть... Вотъ, именно, какъ алгебра даетъ языкъ для физики и химіи... И, насколько это заманчиво и увлекательно, можете судить изъ того, что знавалъ я въ Сибири даже и православныхъ поповъ, которые, втихомолку, пришаманивали и ужъ какъ не

прочь были, если не сами постучать, то хоть послушать стука въ волшебный бубенъ. Тѣмъ болѣе, что, вѣдь, — если христіанство воспрещаетъ шаманить, то шамануто совсѣмъ не запретно отъ его „черной вѣры“ быть христіаниномъ или какой ему угодно религіи. Его вдохновенный пантеистическій даръ выше религій и вѣроисповѣданій. Ибо онъ „Царь Челбиръ, ѣздящій верхомъ на звѣрѣ изюбрѣ и живущій на вершинѣ высочайшей изъ горъ“. Вѣдь, какъ бы ни былъ нищъ и жалокъ „камъ“, онъ — безмѣрное величіе и земное, и загробное. Душа шамана на томъ свѣтѣ нигдѣ не принимается, ни въ земляхъ злыхъ духовъ, ни въ земляхъ боговъ. Она вселяется только въ камни и деревья.

Такъ вотъ, говорю я, и пристрастилась Аля Павлова изучать этихъ самыхъ царей Челбировъ, разъѣзжающихъ на изюбряхъ. И настолько, что даже всѣ ея маленькія деньжонки стали уходить въ улусы, по которымъ она гостила. Тамъ, въ улусахъ, она одѣвалась, какъ инородческія дѣвушки, и заплетала свои великолѣпные золотистые волосы такимъ же множествомъ мелкихъ косичекъ, какъ онѣ носятъ. Въ день свадьбы всѣ эти косички расплетаются и затѣмъ заплетаются уже въ двѣ косы, символъ замужней женщины. Но въ колоніи Аля ни за что не хотѣла показаться въ инородческомъ одѣяніи, какъ ни просили ее, — даже для святочныхъ вечеринокъ, когда и наша ссыльная братія веселится, сколько можетъ, и рядится, кто во что гораздъ.

IV.

Изъ поѣздокъ своихъ по улусамъ Аля возвращалась еще болѣе задумчивой и разсказывала о томъ, что въ нихъ видѣла и слышала, очень неохотно, лишь въ общихъ блѣдныхъ чертахъ. Колонисты приписывали это чудаковатой, но частой въ русскомъ обществѣ ревности,

которою рядовой россійскій интеллигентъ, когда увлечется какимъ-либо научнымъ или общественнымъ вопросомъ, весьма обычно начинаетъ пылать къ другимъ, ему подобнымъ, интеллигентамъ, дерзающимъ браться за тотъ же научный или общественный вопросъ. Это ужъ такая болѣзнь у насъ, русскихъ. Сейчасъ — на все — монополія. „Не тронь: мое!... Монополія!..."

И лишь изрѣдка ее, что называется, прорывало. Одинъ разъ, помню, на моихъ глазахъ. Есть у тамошнихъ инородцевъ вешній праздникъ или, по ихнему, „тайгъ" — „богатой березы". Выкапываютъ въ долинной рощѣ березу — такъ, чтобы не повредить ни корешка, — и пересаживаютъ ее на самую высокую гору, какая есть въ окрестности, съ разными торжественными обрядами и жертвоприношеніемъ. Одинъ изъ нашихъ что то сострилъ на счетъ „богатой березы". Аля вдругъ вспыхнула:

— А первомайское дерево свободы вамъ тоже смѣшно?

— Александра Павловна! Что же общаго?

— Все общее.

— Впервые слышу, что мы, соціалисты, идолопоклонники!

— А я удивляюсь, что вы принимаете за идолъ символъ свободной природы въ чудномъ образѣ молодой березки, убранной, какъ невинная невѣста. . .

— Да, помилуйте, они свою березку молокомъ поливаютъ и окуриваютъ богородицкой травой!

— А вы у первомайскаго дерева опустошаете пивныя бутылки и отравляете воздухъ скверными папиросами и сигарами.

— Наше первое мая — культурный праздникъ товарищескаго общенія. . . Какія рѣчи льются! Какіе гимны поются!

— А у нихъ — вы думаете, нѣтъ? То-то, вотъ, зубоскальство русское: смѣяться надъ чужою вѣрою мы охотники, а какое въ ней существо — не трудимся узнать. . .

— Ну, такъ просвѣтите насъ, невѣждъ, если у нихъ тамъ, въ самомъ дѣлѣ, таится какая то чумазая премудрость.

— Пожалуйста.

И, закрывъ глаза, Аля прочитала намъ:

— Во имя жизни, — да вѣчно будетъ жизнь!
Во имя общества, — да вѣчно будетъ общество!
Во имя жилища, — да имѣютъ кровъ люди народа!
Во имя травы и хлѣба, — да ѣдятъ скотъ и люди!
О, небо!
Во имя силы, — да не умираетъ сила на землѣ!
Во имя полнаго счастья, — да придетъ оно на землю!
Великіе научили насъ мольбѣ, а мы продолжаемъ!
Подъ синѣющимъ небомъ, на кружащейся землѣ,
Мы приносимъ жертву великимъ богамъ,
И молимъ за каждую тварь на землѣ,
Да не прерывается довременно жизнь
Ни богатыря съ головой, черной, какъ смоль,
Ни красноголoваго червя въ навозѣ,
Потому что и онъ созданъ Богомъ!
О, небо!. .

Замолчала.

— Гмъ . . . довольно сильно, — согласился спорщикъ. Это что же такое у нихъ будетъ?

— А это, — говоритъ торжествующая Аля и вся даже пылаетъ отъ восторга, — это именно заклятіе надъ богатою березою, которая вамъ такъ смѣшна. И произносится оно именно тогда, когда поливаютъ ее молокомъ, чтобы она, растущая корнями въ землѣ, верхушкою въ воздухѣ высокой горы, была посредницею между

человѣкомъ и Богомъ и несла въ небо моленія земныхъ нуждъ.

— Такъ-съ . . . Значитъ, въ нѣкоторомъ родѣ, ихнее „Отче нашъ“, что ли?

— Если хотите.

— Ну, а признайтесь, Александра Павловна, по чистой совѣсти: вы это, часомъ, не сами ли сочинили?

На это Аля даже и отвѣтить не захотѣла, а только отвернулась съ презрѣніемъ, великолѣпно поведя прекрасными своими плечами.

Помню еще, какъ вернулась она однажды изъ дальней поѣздки — въ южну́ю тайгу, почти къ кордону, вся взволнованная и трепещущая, такъ что сама не могла удержаться отъ разсказовъ — о томъ, какъ нѣкій Ангыштай, кочующій скойотъ съ китайской стороны, возилъ ее смотрѣть какой-то священный могильникъ.

Мы на нее диву даемся:

— Да что вы, право, Александра Павловна? Нашли диво! Ихъ, могильниковъ этихъ, по степи накружены десятки тысячъ. Кругъ побольше, кругъ поменьше, — все одно и то же. Скучища. Иной разъ даже гнетущую тоску нагоняетъ. Куда ни глянь до горизонта, — кладбище. Живешь, молъ, ты, любезный человѣкъ, въ странѣ смерти: была она таковою искони, такова теперь и впредь таковою же пребудетъ до скончанія вѣковъ . . .

На это она отвѣчала:

— Да, тѣмъ, кто думаетъ, что, если человѣкъ зарытъ въ землю, то это уже и смерть, степные могильники и не могутъ давать иныхъ впечатлѣній . . . Но, вѣдь надо понимать этотъ постоянный каменный кругъ, огибающій центральный камень. Это же вѣчность, въ союзѣ всѣхъ вокругъ одного. Это — непрерываемый человѣческій „міръ“ съ своимъ символическимъ избранникомъ — Богомъ . . . Это свидѣтельство и напоминаніе, что всѣ, здѣсь похороненные за тысячи лѣтъ

безвѣстной степной исторіи, живы и — въ воздухѣ, землѣ, водѣ — разлиты постояннымъ обмѣномъ и преявленіемъ вещества . . .

— Если и такъ, что же тутъ радостнаго? Обмѣнъ вещества есть и въ томъ лопухѣ, которымъ Базаровъ смущался, что вотъ молъ помру, выростетъ изъ меня лопухъ, только и было смысла въ существованіи.

— Да Базаровъ то лопухомъ смущался, а „камъ" лопухъ этотъ знаетъ не хуже Базарова, но нисколько имъ не смущается... Потому что для него одна душа — во всей природѣ, а смерти — нѣтъ вовсе. Есть только перемѣщеніе изъ міра призрачнаго въ „міръ правды". А въ немъ ли, камѣ, является она, правда и тайна міровой души, въ лопухѣ ли, — не все ли равно предъ великою вѣчностью міра?... Смерть для нас ъ только экономія, которую время нагоняетъ въ пространствѣ...

Еслибы у лося
Не падали рога —
    до облаковъ бы они выростали;
Если бъ воскресали
Всѣ изъ міра правды —
    Земля и море ихъ бы не вмѣстили.
Если бъ у марала
Не падали рога, —
    Выростали бы они до восьмнадцатаго неба!
Если бъ возвращались
Всѣ изъ міра правды,
    То земля кипѣла бы, словно муравейникъ!

Это я отлично помню, какъ Аля обмолвилась словечкомъ: „для нас ъ" . . . И очень тогда удивился: она то тутъ при чемъ? . . . А, впрочемъ, въ то время, изъ нашей революціонной среды, многіе сдѣлали уклонъ къ спиритуализму и мистицизму . . . По всей вѣроятности, каждый изъ васъ, сибирскіе товарищи, знавалъ

недавнихъ террористовъ, которые увѣшивали свои комнаты образами и ставили передъ ними свѣчи, либо увлекались буддизмомъ, теософіей.... Такъ почему же и Алѣ Павловой было не углубиться въ шаманскій пантеизмъ, хотя бы даже до сліянія съ нимъ въ нѣкоторое „мы"? Однако, ни у кого изъ насъ не было тогда ни даже слабѣйшаго подозрѣнія, какъ далеко уже завело ее это „мы". А должно было завести — еще дальше.

V.

Срокъ ссылки для Али, по чьему то предстательству, котораго она вовсе не просила и нисколько не желала, былъ сокращенъ. Однако, получивъ разрѣшеніе возвратиться въ Россію, Аля не только не воспользовалась имъ съ тою стремительною поспѣшностью, которую, въ подобныхъ счастливыхъ случаяхъ, обычно проявляютъ ссыльные, но, видимо, колебалась даже, про себя, уѣзжать ли ей вообще то. Конечно, когда товарищи спрашивали, говорила, что уѣзжаетъ, и даже назначала сроки. Но затѣмъ откладывала отъѣздъ со дня на день, съ недѣли на недѣлю, протянула всю весну, лѣто и осень.

Мы ее пугаемъ:

— Этакъ вы пропустите всѣ пароходы. Какъ потомъ поѣдете?

— Ничего, — говоритъ, — горами и по Енисею.

— Очевидно, вамъ боковъ своихъ не жалко и въ наледяхъ вы давно не купались. Подумайте: вамъ придется сдѣлать больше ста верстъ до Минусы, да отъ Минусы почти пятьсотъ до желѣзной дороги, что на Красноярскъ, что на Ачинскъ.

А она уже откровенно признается:

— Да, — говоритъ, — зимній путь не радость. Но что дѣлать? Покуда степь живетъ, я просто, не

въ силахъ съ нею разстаться. Авось, когда она ляжетъ подъ снѣгъ, легче будетъ...

Пароходные рейсы прекратились. Затрещали морозы. Степь, еще безснѣжная, закаленѣла отъ нихъ и, въ буромъ видѣ своемъ, сдѣлалась не только не прекрасна, но довольно даже отвратительна. Наконецъ, установился зимній путь. Аля начала пріискивать попутчиковъ, но очень лѣниво. Съ колонистами, въ это время, она уже почти перестала видаться и, когда заходили къ ней, бывала суха и почти откровенно недовольна. Инородческія знакомства ея тоже сократились, рѣдко кто наѣзжалъ къ ней, а она ужъ и вовсе не выѣзжала. И объ этомъ мы ее спрашивали:

— Что значитъ? Охладѣли? Поссорились?

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ, — и не охладѣла, и не поссорилась. А я нарочно не ѣзжу въ кочевья и друзей своихъ просила бывать у меня порѣже, чтобы пріучить себя къ разлукѣ. А то мнѣ безъ нихъ, на первыхъ порахъ, будетъ ужъ очень несносно тоскливо.

— Вотъ полюбили! И что только, право, вы въ нихъ хорошаго нашли, что такъ плѣнились?

— Это святой народъ.

— Ну, ужъ и святой! Мужчины поголовно пьяницы и конокрады, а женщины распутницы.

— Неправда. Я знаю десятки инородческихъ женщинъ и между ними ни одной распутной.

— Извините, Аля, но это уже пристрастіе. Вы прикрываете ихъ противъ очевидности. Всѣмъ извѣстно, что въ кочевьяхъ держится и религіозная проституція, и гостепріимная. Наѣдетъ лама, — его дѣвушкой угощаютъ, ночуетъ шаманъ — тоже, каждый китайскій дзанга или русскій урядникъ, каждый купецъ, наѣзжающій въ степь, пользуется этими прелестными привилегіями . . .

— Религіозная проституція не доказываетъ безнравственности народа, а только — что культура его другого корня, чѣмъ наша, и не успѣла изжить своей древней морали. А то, что вы называете гостепріимной проституціей, — совсѣмъ не обычай, но уступка слабаго дикаго народа насилію народовъ сильныхъ и культурныхъ. Тутъ надо русскихъ и китайцевъ стыдить, что у нихъ такая, безобразно насильничающая, власть, а не инородцевъ.

— Однако, подъ видомъ той же религіозной и гостепріимной проституціи, ваши бельтирки, сагайки и прочія предаются весьма усердно и самой обыкновенной. Любую можно купить. Не за деньги, такъ за шубейку, крытую какимъ нибудь яркимъ шелкомъ, либо за отрѣзъ красной бязи.

На это Аля спокойно возразила:

— Вы сами покупали?

— Конечно, нѣтъ. Странно даже спрашивать.

— Тогда на какомъ же основаніи вы обвиняете такъ увѣренно?

— Спросите крестьянъ. Они инородцевъ знаютъ получше, чѣмъ мы съ вами.

— Чалдоны то? Будто?

— Съ ними вѣкъ живутъ.

— И вѣкъ ненавидятъ и презираютъ ихъ, потому что вѣкъ грабятъ и обманываютъ. Ничего они не знаютъ ваши чалдоны. И не хотятъ, и не могутъ знать, потому что захватчики и хищники. А что степной народъ — святой, въ томъ мнѣ вѣрьте. Сколько они, бѣдняги, терпятъ и маются, — это еще ни одна книга не разсказала, и счетъ имъ ведетъ одна статистика — смерть. Тамъ, гдѣ сотни тысячъ кочевали, теперь насчитываются едва тысячи. Цѣлыя племена уложили подъ могильники голодъ, холодъ, русская водка, русскій сифилисъ. А они все спокойны, мягки, кротки, улыбаются, поэты, миѳотворцы, искатели Божества въ

каждой букашкѣ, въ каждой травинкѣ. Послушайте, какой у нихъ смѣхъ чудесный. Мы, навозные русскіе, не смѣемся, потому что мы жалкіе невольники, прикованные насиліемъ къ чужбинѣ. Чалдоны тоже не смѣются, потому что они потомки завоевателей и захватчиковъ, — наслѣдники поколѣній съ руками въ крови и тяжелою омраченною совѣстью. Смѣются хорошо только чистые духомъ. Оттого я и люблю такъ инородческій смѣхъ. И они сами свой смѣхъ любятъ. Если мужчина хочетъ приласкать словечкомъ свою возлюбленную, за что онъ ее хвалитъ? — Ахъ, ты, моя всегда хохочущая! Ахъ, ты, моя звонко смѣющаяся! Ахъ, ты, мой рѣзво прыгающій, веселый козленокъ! . . . Если женщина грустна, это уже безпокоитъ, это неестественно, это значитъ — въ нее вселилась русалка, албысъ . . . Потому что люди рождены для радости, мира и счастья. Если ихъ нѣтъ, если міръ испорченъ зломъ и смертью, если человѣчество отравлено грѣхомъ, нуждою и ложью, — что дѣлать? Надо ждать, уповать, не вѣшать головы, съ веселымъ спокойствіемъ встрѣчая жизнь и смерть . . . Пронести такое свѣтлое міровоззрѣніе чрезъ вѣка истинно истязующей жизни — это ли не святость народа, это ли не сила народнаго духа? . . .

Заперлась Аля на одинокую зимовку и дичала въ ней, возбуждая въ колонистахъ серьезныя опасенія, что другихъ то Аля отъ сумасшествія спасала, но теперь сама не съ ума ли сходитъ?

А одинъ изъ насъ, тотъ самый, который раньше поспорилъ съ Алей изъ-за „богатой березы", малый, по существу, очень хорошій и добрѣйшаго сердца, но совершеннѣйшій неотеса, такъ и бухнулъ ей однажды, съ простоты душевной:

— Вы, Александра Павловна, съ инородцами своими до того отатарились, что для полной азіатчины вамъ не достаетъ одного: чтобы вы „замерячили". . .

О „меряченьи“ вы всѣ, господа, вѣроятно, слыхали, но врядъ ли многіе изъ васъ видали эту болѣзнь въ дѣйствіи. Это особый видъ истеріи, выражающійся подражательными движеніями, которыми больная отвѣчаетъ рѣшительно на всякое движеніе, ею видимое. Какое то зеркальное кликушество. Врачи говорятъ, будто недугъ этотъ развивается на почвѣ недостаточнаго питанія. Когда инородки голодаютъ и холодаютъ мѣсяцами, ихъ ослабѣвшій организмъ теряетъ способность сопротивляться собственными волевыми движеніями зрительнымъ впечатлѣніямъ чьей либо воли внѣшней. Большинство „мерячекъ“, дѣйствительно, таково, и я противъ мнѣнія ученыхъ не спорю. Однако, я долженъ возразить, что видывалъ также „мерячекъ“ отнюдь не истощенныхъ, а, напротивъ, здоровенныхъ, кровь съ молокомъ, бабищъ, которыя ворочали домашнею и полевою работою, что твой добрый мужикъ. Но — стоило громко крикнуть, хлопнуть въ ладоши, щелкнуть кнутомъ, чтобы этакая Бобелина мгновенно обратилась въ живое зеркало, повторяя каждый вашъ шагъ, каждый жестъ, каждую гримасу, превращаясь въ истинный вашъ двойникъ; — но двойникъ ужасный, потому что рабскій и карикатурный, на который глядя — и смѣшно, какъ на обезьяну, и „за человѣка страшно“. „Мерячатъ“ бабы почти исключительно зимою. Я позволяю себѣ, поэтому, смѣлость мнѣнія, что голоданіе голоданіемъ, истощеніе истощеніемъ, но главнымъ источникомъ недуга является зрительная причина. По моему, „меряченье“ есть не иное что, какъ хроническій гипнозъ, развиваемый постояннымъ зрѣлищемъ бѣлой снѣжной степи. И понятно, что, какъ всякій гипнозъ, оно овладѣваетъ легче организмами истощенными и слабыми. Но это далеко не условіе непремѣнное, — гораздо важнѣе истерическое предрасположеніе. Это чисто женская болѣзнь. Настолько опредѣленная, что, если мужчина замерячитъ,

то это событіе катится по степи волнующимъ слухомъ: не къ добру — вродѣ того, какъ еслибы пѣтухъ снесъ яйцо. А у сѣверныхъ племенъ, — я самъ ихъ не знаю, но слыхалъ и читалъ, — такого истерическаго мужчину считаютъ перемѣнившимъ полъ. Переодѣваютъ его въ женское платье, даютъ ему женское имя, приставляютъ его къ женскимъ работамъ, и онъ можетъ даже, если пожелаетъ самъ и найдетъ согласнаго мужчину, выйти замужъ. Извѣстный Танъ-Богоразъ видѣлъ такія пары у чукчей и описалъ ихъ. Въ нашей южной степи ихъ нѣтъ.

Для русскихъ женщинъ истерическій недугъ снѣжной тайги и степи явленіе рѣдкое. Инородки же болѣютъ имъ привычно. Инородецъ легко узнаетъ женщину, одержимую демономъ меряченья, даже когда она не въ припадкѣ, по страннымъ глазамъ ея, какъ бы отчужденнымъ отъ дѣйствительности въ созерцаніи далекаго нездѣшняго. Говорятъ, будто на сѣверѣ, у якутовъ, остяковъ, тунгусовъ, меряченье настолько распространено, что не выдѣляетъ мерячку изъ общей женской среды и чуть ли даже не принижаетъ ее, въ общемъ мнѣніи, какъ безотвѣтное существо съ ограниченною волею и, слѣдовательно, неспособное ни къ самозащитѣ, ни къ вмѣняемости поступковъ. Не то на югѣ, гдѣ мерячки часты, но не заурядны. Признаки меряченья почитаются здѣсь предвѣстіемъ демонической одаренности, предуказываютъ будущую шаманку. Такая женщина приноситъ счастье въ родъ и семью, потому что приводитъ вмѣстѣ съ собой своего духа-покровителя, свою, какъ говорятъ инородцы, „грудь“ (тӧс). Поэтому дѣвушка-мерячка — цѣнная невѣста. Настолько, что сойотская пословица говоритъ: „За то, чтобы остаться наединѣ съ дѣвицей, обвѣшанной лентами шамана, не жаль заплатить и смертью“.

Выслушавъ грубый намекъ товарища на счетъ Алина „меряченья“, мы очень смутились, что парень хватилъ черезъ край, и ждали, что Аля жестоко оборветъ его.

Но, къ общему нашему удивленію, она смолчала и только — на минутку — поблѣднѣла мертвенно.

Но вотъ однажды, среди довольно уже лютой зимы, Аля обошла всѣхъ товарищей съ рѣшительнымъ прощаніемъ, — на этотъ разъ совсѣмъ прежняя, ласковая и сердечная — до умиленныхъ слезъ. Была отвальная вечеринка, на которой колонисты въ послѣдній разъ полюбовались на свою красавицу — уже не Церерочку, но цѣлую Цереру, потому что Алѣ только что минуло тогда двадцать четыре года. Но проводить ее въ путь-дорогу товарищамъ не удалось, такъ какъ назначила она отъѣздъ на утро, а ускакала въ ночь, оставивъ записку, что проситъ извинить ее и не обижаться: поступаетъ такъ нарочно, чтобы не слишкомъ расчувствоваться при разставаньи, которое, ей безмѣрно тяжело, — нервы гудутъ, гудутъ, хочется ревѣть, ревѣть...

Уѣхала Аля одна, безъ попутчика. Это обстоятельство нѣсколько тревожило насъ, потому что зимнія дороги въ Восточной Сибири не бѣдны приключеніями и для сильныхъ мужчинъ, не то, что для одинокой дѣвушки. Но повезъ ее человѣкъ надежный, хорошо извѣстный въ колоніи, изъ лучшихъ хозяевъ на селѣ. Въ скоромъ времени изъ Ачинска пришла отъ Али телеграмма, извѣщавшая объ ея благополучномъ прибытіи въ этотъ городъ, — значитъ, уже къ желѣзной дорогѣ. „Дружокъ", который увезъ Алю, возвратился гораздо скорѣе, чѣмъ его ожидали. Сказывалъ, что дорогу до уѣзднаго города они сдѣлали легко и хорошо. Но затѣмъ съ его лошадьми ли, съ проходнымъ ли экипажемъ попритчилась какая то бѣда. Такъ что везти барышню дальше онъ не могъ, и Аля продолжала путь уже не съ нимъ, но очень счастливо нашла себѣ попутчиковъ — городскую татарскую семью, очень извѣстную, даже громкую по степи своимъ богатствомъ и вліяніемъ. Люди эти путешествовали, конечно, съ гораздо большими удобствами,

чѣмъ могла бы доставить себѣ одинокая и небогатая поворотница изъ ссылки. Недѣли три спустя, нашу глушь посѣтилъ, по своимъ торговымъ дѣламъ, одинъ изъ попутчиковъ Али и привезъ отъ нея всѣмъ — запоздалые къ передачѣ — поклоны.

Съ того времени объ Алѣ Павловой надолго пропали слухи. Мы считали, что она гдѣ то въ Россіи. Однако, вновь прибывавшіе ссыльные опровергали, говоря, что, должно быть, она эмигрировала заграницу, потому что въ русскихъ партійныхъ кругахъ о ней ничего не слыхать. День за днемъ, годъ за годомъ, составъ ссыльной колоніи раза два перемѣнился въ корень — такъ, что въ селѣ не осталось ни одного изъ былыхъ Алиныхъ товарищей. А потомъ ссылка въ эти края и вовсе была упразднена. Такимъ образомъ, имя Али Павловой погасло безпамятно, словно ея никогда тамъ и не бывало.

VI.

Минуло семь лѣтъ. Наступили уже почти наши дни. Революціей еще не пахло, но война уже кипѣла — то-есть здѣсь, у васъ, на границахъ Россіи и Европы. Тамъ же, въ нашихъ забвенныхъ глубинахъ, вѣковая тишина и не шелохнулась. Мы, ссыльные, узнали о войнѣ почти мѣсяцъ спустя послѣ манифеста, а инородческая степь, конечно, и того позже. И вотъ, господа, любопытная подробность. Престижъ Идегетъ, то есть, Россіи, тамъ былъ огроменъ. Она считалась искони непобѣдимой, непоколебимой, недосягаемо-могущественной. Репутаціи этой не сломила даже японская война. Ее степь принимала, пожалуй, не безъ затаеннаго расоваго удовольствія и злорадства по нашему адресу, но считала случайною удачею, вродѣ временнаго божескаго наказанія, что ли, на русскихъ. О нѣмцахъ степь не имѣла ни малѣйшаго представленія. Однако, едва сдѣлалась

извѣстною въ кочевьяхъ эта нынѣшняя война, степь прониклась какимъ то инстинктивнымъ предчувствіемъ, до увѣренности, что мы будемъ жестоко побиты, и ненавистной Идегетъ чуть ли не приходитъ злой конецъ. А такъ какъ Идегетъ, все таки, могуча и легко не сдастся, но будетъ сопротивляться всѣми страшными силами своихъ народовъ, то ея царь будетъ брать въ солдаты всѣхъ своихъ подданныхъ безъ разбора и льготъ. А потому, покуда это бѣдствіе не нагрянуло, то степные народы начали усиленно перекочевывать подъ руку Эдзенъ-Хана, то есть въ Китай. Благо Саянская граница Небесной имперіи съ Россіей мѣстами совершенно неуслѣдима, по трудной проходимости, и теряется въ полной неопредѣленности, гдѣ Россія, гдѣ Китай.

Незадолго до этихъ паническихъ перекочевокъ, по бывшей ссыльной степи бродилъ, въ научной экскурсіи, начатой какъ разъ весною въ самый канунъ войны, нѣкій извѣстный ботаникъ, во времена оны знавшій Алю Павлову. Поднимался онъ, идя противъ теченія могучей сибирской рѣки, все дальше и дальше къ югу, пока не уперся въ предѣльную глушь, гдѣ степь переходитъ въ дремучіе лѣса, предгорье великаго хребта, а инородцы, въ ней кочующіе, уже сами не знаютъ, чьего они государства, нашего или китайскаго, и подати платятъ, смотря по тому, на чьей территоріи и чей налетитъ на нихъ чиновникъ. На этотъ счетъ они — золото для изобрѣтателей налоговъ: лишь бы не совсѣмъ до живого мяса драли съ нихъ шкуру, а то ихъ платежной покладистости нѣтъ предѣла. „Кто заплатилъ подать Эдзену, тотъ подобенъ орлу, свившему гнѣздо на скалѣ“, — говоритъ сойотская пословица. Быть можетъ, Аля была и права, когда звала степной народъ святымъ. Потому что именно святое добродушіе надо имѣть, чтобы считать себя орломъ послѣ того, какъ китайскій джурганъ выщиплетъ съ тебя всѣ перья.

Мѣстному языку ботаникъ хотя и подучился, однако, плохо: до того состоянія, когда тебя туземцы, съ грѣхомъ пополамъ, понимаютъ, да ты то въ ихъ стремительномъ гортанномъ трескѣ, ничего не смысля, тонешь, какъ въ горной рѣкѣ. А съ русскимъ языкомъ тутъ ботанику пришлось туго. Онъ былъ радъ-радехонекъ, когда въ одномъ кочевьѣ обрѣлъ наконецъ инородца, съ достаточнымъ запасомъ ходовыхъ русскихъ словъ, способнаго посредничать между пришельцомъ изъ Идегетъ и своими чумазыми соплеменниками. Звали этого инородца, вѣроятно, Эмиръ или Амиръ, но звучало въ ухѣ Мамыръ, что спутники ботаника сейчасъ же превратили въ Мамырку. А, можетъ быть, это даже и не имя его было, потому что на тамошнемъ языкѣ „амыръ“ значитъ „покой“, и такъ привѣтствуютъ хозяевъ, когда входятъ въ юрту. Вообще, это привѣтствіе младшихъ старшимъ, подчиненныхъ начальникамъ. Всѣмъ, кому нельзя сказать просто — „мэндэ“: здравствуй, — говорятъ „амыръ“, а „мэндэ“ получаютъ уже въ отвѣтъ отъ нихъ. Инородецъ былъ какъ инородецъ. Малорослый, тощій, съ лицомъ, какъ бурый ржаной блинъ, густо вымазанный масломъ и едва прорѣзанный косыми щелками узенькихъ глядѣлокъ, какъ пуговки-костяшки, и черными дырками ноздрей. Вообще, красками своими, какъ нельзя лучше оправдывалъ пѣсню-пословицу своего народа:

Смѣется только тотъ,
Кто имѣетъ глаза
На лицѣ краснобураго цвѣта!
Хохочетъ только тотъ,
Кто имѣетъ глаза
На лицѣ темнобураго цвѣта!

И, покуда не смѣялся, былъ возраста неопредѣленнаго, а, засмѣявшись, обнаруживалъ морщинами, что

ему никакъ не меньше пятидесяти лѣтъ. Кочевье мамыркино было малолюдное, — можетъ быть, и не бѣдное, но грязное. Самъ Мамырка тоже имѣлъ такой видъ, будто только что сейчасъ — вотъ въ этихъ самыхъ халатахъ, что на немъ, — выдержалъ отчаянный бой съ дикой кошкой, польстившейся на сало, ихъ пропитавшее. А затѣмъ покоптился малую толику въ дыму очага своего, подвѣсившись надъ нимъ на тотъ манеръ, какъ степныя хозяйки коптятъ здѣсь коневьи ребра. Зрительная иллюзія закопченности поддерживалась обонятельной, такъ какъ Мамырка усвоилъ себѣ запахи всего варева и жарева, который когда либо на очагѣ стряпались. Человѣкъ онъ былъ веселый, расторопный и, замѣтно, не дуракъ выпить. Говорилъ, какъ истое дитя степи, все пѣснями да пословицами. Ботаникъ сообразилъ, что не худо было бы взять этого Мамырку проводникомъ и переводчикомъ въ дальнѣйшее странствіе, и предложилъ хорошую плату. Глядѣлки Мамыркины весьма просіяли, однако рѣшительнаго согласія онъ не далъ, потому что:

— Надо спрашивать баба, какъ баба...

Ботаникъ очень удивился: для этихъ краевъ, гдѣ женщина цѣнность гораздо меньшаго значенія, чѣмъ любая лошадь въ табунѣ, а съ лошадей здѣсь охотно деруть шкуру за три цѣлковыхъ, инородецъ, спрашивающій совѣта у своей бабы, птица рѣдкая, необыкновенная. Мамырка же былъ притомъ инородецъ некрещеный, даже не магометанинъ, а, какъ говорятъ чалдоны, степной или кумирской вѣры. То-есть идолопоклонникъ и, какъ всѣ таковые въ тѣхъ мѣстахъ, по записи и поборамъ ламаитъ, но, по существу, приверженецъ шамановъ и священнаго бубна, обожатель духовъ природы и безчисленныхъ „тӧсовъ“, странныя изображенія которыхъ торчали у входа въ его юрту.

Мамыръ ушелъ совѣтоваться съ женою. Покуда ходилъ, другіе инородцы усердно втолковывали ботанику что то на своемъ тарабарскомъ нарѣчіи. Онъ ничего не понялъ, но, по тыканью пальцами въ сторону ушедшаго Мамырки, заключилъ, что рѣчь идетъ о его женѣ, а, по частому повторенію слова „ӧрусъ“, — что жена эта либо русская, либо хорошо говоритъ по-русски.

Мамыръ возвратился и отказался, опечаленный:

— Нѣтъ, начальникъ, не хочетъ баба, нельзя.

И затѣмъ уже не возымѣли на него дѣйствія никакія ухищренія огорченнаго ботаника. Ни уговоры, ни соблазны. Ни даже стыженіе, что такой солидный мужчина смотритъ изъ бабьихъ рукъ. Упрекъ, въ степной ордѣ весьма не безопасный, потому что за него отъ иного вспыльчиваго батыря можно получить и ножъ въ брюхо. Видя, что инородецъ уперся, какъ оселъ, и, значитъ, ничего съ нимъ не подѣлаешь, ботаникъ повернулъ на сердитую шутку:

— Ты бы ее побилъ хорошенько, такъ она у тебя была бы сговорчивѣе.

Мамырка равнодушно возразилъ:

— Я уже билъ. Шибко билъ. Нѣтъ, нельзя. Не хочетъ . . . Желаешь, еще буду бить?

Ботанику стало ужасно стыдно.

— Говорятъ, она у тебя русская? — спросилъ онъ, задабривая Мамырку папиросой.

Мамырка папиросу взялъ, но взглянулъ на ботаника хорекъ хорькомъ.

— Кто говоритъ?

Ботаникъ догадался, что онъ опять какъ то промахнулся мимо такта, и сконфузился.

— Да вотъ они говорятъ, — указалъ онъ на туземцевъ.

Мамырка обвелъ сородичей свирѣпымъ взглядомъ и заговорилъ что то скоро-скоро на ихнемъ языкѣ, отъ

чего сородичи, замѣтно, смутились. Потомъ закланялись головами, захлопали глазами, зацокали языками, всѣмъ тѣмъ выражая рѣшительное отрицаніе.

— Твоя не понимала, — объяснилъ Мамырка ботанику по-русски, среди гортаннаго ихъ бормотанія. — Они тебѣ говорили, что мы всѣ живемъ подъ китайской рукой, а жену я взялъ изъ орды, которая подъ рукой русской.

— Вотъ что... А откуда взялъ?

— Со степи взялъ, — отрѣзанъ былъ краткій отвѣтъ, кладя конецъ разговору.

Но отъ ботаника было не такъ то легко отдѣлаться Человѣкъ онъ былъ упрямый, молодой, воображеніемъ — романтикъ. Объясненію Мамырки онъ нисколько не повѣрилъ, чувствуя, что инородцы предъ нимъ сперва проболтались, а потомъ, когда Мамырка на нихъ нарычалъ, они спохватились поддерживать своего и пошли на попятную.

— А можно повидать твою жену? — спросилъ онъ

Мамырка мотнулъ головой снизу вверхъ, щелкнулъ горломъ:

— Нѣтъ.

— Жаль. Законъ не позволяетъ?

— Нѣтъ. У насъ не запрещено.

— Такъ почему же?

Мамырка помолчалъ немного и сказалъ учительно:

— Великій чиновникъ! Ты молодой человѣкъ. Зачѣмъ тебѣ смотрѣть на чужую жену?

— Вотъ ты какъ... — протянулъ ботаникъ, весьма осѣкшись.

А Мамырка, подумавъ, продолжалъ:

— Да она къ тебѣ и не выйдетъ.

— Почему?

— Русскихъ очень не любитъ.

Когда Мамырка преподнесъ ботанику эту послѣд-

нюю отповѣдь, недвижный бурый блинъ его плосконосаго лика умудрился, не дрогнувъ ни малѣйшей улыбкой, выразить сарказмъ преоскорбительный.

— Ахъ, ты, мартышка гнусная! — внутренне весь вскипѣлъ молодой человѣкъ. — Вотъ стукнуть тебя, за эту скверную рожу, сверху внизъ, кулакомъ по темени, и останется отъ тебя только сальное пятно . . . Ну, погоди ты! Я же тебя . . .

А мартышка поучаетъ:

— Наши женщины, вообще, остерегаются русскихъ. Потому что — извини, чиновникъ, одинъ на другого не походитъ и ты, конечно, не такой, — но пословица дѣдовъ нашихъ гласитъ: „изъ двоихъ русскихъ — три злодѣя“. А бабушки и матери наши недаромъ сложили пѣсню:

— Если пріѣдетъ къ намъ русскій начальникъ,
Прячьтесь, красотки, въ осину и въ тальникъ;
Если пріѣдетъ къ намъ русскій купецъ,
Быть степному народу безъ женщинъ, коровъ
и овецъ! . .

А это, граждане, увы, надо правду сказать, — Мамырка говорилъ съ полнымъ правомъ и опытною основательностью. Мы, русскіе, по стараніямъ нашей почтенной администраціи, коммерціи и духовенства, заслужили себѣ въ степяхъ такую дивную репутацію, что для урянхайца или бельтира даже во снѣ нехорошо видѣть русскаго „тойона“ (начальника) или священника: это, по ихъ соннику, значитъ — на яву встрѣтиться съ дьяволомъ.

VII.

Разыгравшееся воображеніе окончательно дорисовало ботанику картину, которая смутно мелькнула еще, когда инородцы твердили ему свое „ӧрусъ“: русская плѣн-

ница, уведенная въ орду, приневоленная и оберегаемая паче ока, одалиска въ жалкомъ степномъ сералѣ этого обезьяноподобнаго вшиваго старичишки.

Когда — на завтра — онъ увидѣлъ жену Мамырки, что, безъ позволенія и случаемъ, оказалось гораздо легче, чѣмъ съ позволеніемъ и нарочно, — то уже одинъ видъ склоненной головы ея убѣдилъ его прежде, чѣмъ онъ увидалъ ея лицо, что его подозрѣнія на половину оправдались: женщина съ такимъ свѣтлымъ цвѣтомъ волосъ не могла быть инородкой тюрко-финскаго племени. Встрѣтилъ онъ ее въ мѣстѣ весьма поэтическомъ — у ручья, шумною узенькою полоскою стремившагося по широчайшему каменистому руслу, саженяхъ въ пятидесяти отъ становища. Но въ позѣ и занятіи предполагаемой плѣнницы не было уже ровно ничего поэтическаго. Сидя на широкомъ сѣромъ камнѣ, свѣтловолосая женщина держала на колѣняхъ своихъ голову чумазой дѣвченки лѣтъ четырехъ и, поворачивая ее противъ солнца, внимательнѣйше очищала ее отъ насѣкомыхъ.

Шаги ботаника заставили свѣтловолосую женщину поднять голову, и ботаникъ увидѣлъ ея лицо. Она вскочила на ноги, выпрямилась... Ботаникъ, своимъ глазамъ не вѣря, узналъ, не могъ не узнать — несмотря на густой коричневый загаръ сожженнаго солнцемъ лица, несмотря на двѣ инородческія косы и вычерненные зубы въ изумленно раскрытомъ рту, — узналъ Алю Павлову!

И она его узнала. Онъ видѣлъ, что узнала. Но не радость, даже не изумленіе, — дикій ужасъ выразили мгновенно исказившіяся черты ея... И прежде, чѣмъ ботаникъ успѣлъ разинуть ротъ, чтобы ее окликнуть, она, схвативъ на руки свою дѣвочку, ринулась бѣжать поперекъ ручья къ становищу, прыгая по камнямъ босыми, коричневыми ногами, точно вспугнутая дикая оленица.

— Аля... Александра Павловна... Постойте... Я узналъ васъ... Куда же вы?... Позвольте... Я же ничего...

Такъ вопилъ ботаникъ, стремясь за нею, убѣгающей.

Крикъ его достигъ ея ушей и, — подумалъ онъ, — ее образумилъ. Потому что она пріостановилась, спустила дѣвочку съ рукъ и тѣмъ дала ботанику нагнать ее довольно близко. Но, когда онъ настигъ ее уже настолько, что совершенно явственно видѣлъ огромно расширенные бѣлые глаза на темномъ лицѣ и весь желтосиній кожаный узоръ ея рубахи, женщина, вдругъ, молнійнымъ движеніемъ, сунула дѣвочку, взвывшую благимъ матомъ, позадь себя. А сама нагнулась, разогнулась... и — бухъ! бухъ!... Бѣдный ботаникъ едва успѣлъ увернуться головою отъ одного булыжника, какъ другой попалъ ему въ животъ и заставилъ его перегнуться пополамъ отъ жестокой боли, ажъ потемнѣло въ глазахъ... И нѣсколько секундъ онъ ничего не видѣлъ, только слышалъ немолчный ревъ стремительно уносимой дѣвченки... А когда опамятовался, женщина съ ребенкомъ уже вошла въ становище...

Ботаникъ поплелся къ своимъ лошадямъ и повозкѣ, больной отъ ушиба, потрясенный и взволнованный встрѣчей, въ которой онъ — нѣтъ! не могъ ошибиться... Это была Аля Павлова. Аля Павлова его узнала. Аля Павлова бѣжала отъ него именно потому, что узнала. Аля Павлова швыряла въ него камнями, когда онъ погнался за нею. Да! да! швыряла камнями не просто въ человѣка, который испугалъ преслѣдованіемъ, а именно въ него, вотъ, въ этого самаго ботаника, котораго она узнала... Метала булыжники, мѣтя — на смерть — въ голову и животъ. Метала — именно потому, что узнала... Онъ съ содроганіемъ вспоминалъ, какъ коричневое лицо Али, столь странное отъ свѣтлыхъ волосъ и бѣлыхъ глазъ, сдѣлалось темно-

сѣрымъ въ блѣдномъ испугѣ. Какъ она, пихнувъ за спину своего дѣтеныша, сдѣлалась, вдругъ, огромнаго роста, будто великанша изъ старой сказки. И, когда взвилась въ воздухѣ крѣпкая рука ея, швыряя убійственные камни, все: — бѣлые глаза, темносѣрое лицо, движеніе бронзовой руки, сжатіе камня въ мощныхъ пальцахъ, рабочія мозоли которыхъ теперь вставали предъ глазами ботаника съ особою выразительностью, точно въ нихъ и была вся суть, — все сливалось въ свирѣпый образъ ненависти сознательной и непримиримой. Точно даже не человѣка она передъ собой видѣла, а бѣса какого то, существо чуждой, враждебной породы...

VIII.

Покуда ботаникъ, въ охахъ и стонахъ, размышлялъ о всемъ томъ, къ нему шасть нежданный гость: Мамырка. Нѣсколько сконфуженъ, но весь свѣтится самодовольствомъ и злорадствомъ, — торжествуетъ, подлецъ! И сотъ меду несетъ.

— Тебя, — говоритъ, — русскій, моя жена зашибла. Ты не сердись. Возьми медъ, кушай. Прости.

И сейчасъ же нравоученіе читаетъ:

— Я же говорилъ, что не надо тебѣ ее видѣть. Теперь все равно. Что скрывать правду? Сама она русская, — наши сказали тебѣ истину, — но не любитъ русскихъ. Какъ бѣшеная дѣлается.

— Какъ зовутъ твою жену? — перемогая боль, спросилъ ботаникъ.

— Мы зовемъ ее Алымъ. По вашему ее звали Александра.

— Значитъ, не ошибся, она самая, — подумалъ ботаникъ, и еще спросилъ:

— Давно она у тебя?

— Семь лѣтъ.

— Гдѣ взялъ?

— На ярмаркѣ.

Мамыръ назвалъ большое торговое село близь сліянія Енисея съ Абаканомъ, отсюда, отъ кочевья, удаленное верстъ на шестьсотъ.

— Купилъ или укралъ? — безцеремонно допрашивалъ ботаникъ.

— Зачѣмъ? — съ гордостью пріосанился Мамырка, — позвалъ, — сама пошла.

— Это за тебя то? — не выдержавъ, съ невольною злобою воскликнулъ ботаникъ.

Мамырка понялъ взглядъ, досказавшій смыслъ презрительнаго восклицанія, и обидѣлся:

— Не вѣришь, — поди, спроси ее самое.

— Спасибо! — чтобы опять подъ камни попасть?

— Въ этомъ, начальникъ, я ужъ не отвѣчаю.

И опять обезьянья рожица инородца приняла столь язвительное выраженіе, что ботанику крѣпко восхотѣлось ухватить его, каналью, за косу. Но онъ воспомнилъ, что находится въ глухой степи, въ 500—600 верстахъ отъ ближайшей русской власти, неизвѣстно даже, на русской ли территоріи, и всего лишь съ двумя казаками среди почти дикаго племени. И не только сдержалъ досаду, но даже какъ бы извинился слегка:

— Я удивился потому, что ты уже въ тѣхъ почтенныхъ лѣтахъ, когда мужчины вашего народа не тратятъ времени на ухаживаніе за дѣвицами, а пріобрѣтаютъ ихъ.

На это Мамыръ улыбнулся съ пріятностью и „пропѣлъ“:

Когда мужчина подобенъ птицѣ-орлу,
Развѣ онъ можетъ состариться?
Красны румяныя щеки мои,
Развѣ онѣ могутъ состариться?

Ботаникъ едва не фыркнулъ: такъ мало похожъ былъ на птицу-орла, сидѣвшій передъ нимъ, чумичка.

— Однако, согласись, Мамыръ, что это не частый случай, чтобы человѣкъ твоего племени имѣлъ русскую жену.

Мамыръ щелкнулъ языкомъ отрицательно.

— Здѣсь не часто. Поѣдешь за Саяны, въ землю Эдзена, увидишь многихъ. Потому что русскіе нехорошо обращаются съ женами. Мы лучше. Когда русская баба не можетъ болѣе терпѣть жестокости мужа, она бѣжитъ въ землю Эдзена и ищетъ пріюта у степного народа.

— Да, но это крестьянки, простолюдинки... А знаешь ли ты, что твоя нынѣшняя жена была, въ своемъ народѣ, барышня, госпожа или, какъ у васъ тутъ говорится, дочь чиновника?

Мамыръ съ удовлетвореніемъ закрылъ глаза:

— Очень знаю, молъ.

— Я самъ хорошей кости, — сказалъ онъ съ важностью.— А женщины всѣ равны передъ лицомъ мужчины. Степь принадлежитъ тому, кто по ней ѣдетъ. Мужчина принадлежитъ племени, которое его родило. Женщина — мужчинѣ, который взялъ ее на кошму. И —

Если бѣлая лебедь одиноко ночуетъ въ просторѣ широкой степи,
Неужели черный воронъ степной не слетитъ ночевать вмѣстѣ съ нею?
Если юная гуска отбилась отъ стада на поймѣ текучей рѣки,
Неужель побоится ее потрепать степная ворона?

И опять зачесались ладони у ботаника — щелкнуть его, хвастуна. Но, со смѣха ли, съ досады ли, ушибленный животъ жестоко заболѣлъ, и, чѣмъ подняться, бѣдный ботаникъ безсильно повергся ничкомъ на одръ свой.

— А жена твоя, Мамыръ, все-таки, сумасшедшая, — сердито огрызнулся онъ, пристанывая.

— Зачѣмъ сумасшедшая? — искренно изумился Мамыръ.

— Да какъ же — въ человѣка, ни за что, ни про что, камнями?

— Не надо долго помнить обиду, начальникъ, — мягко возразилъ Мамыръ. — Не сердись и прости. Я уже побилъ Алымъ за твою обиду.

— Только этого не доставало! — взволновался ботаникъ. — Просилъ я тебя, что ли?

— Это ничего, — успокоилъ Мамыръ, — я не очень больно билъ. А небитою оставить бабу нельзя, когда она виновата. Баба — не лошадь. Это лошади вредно, а бабѣ полезно быть битой. Вѣдь, и отцы наши совѣтовали намъ: „Чѣмъ бить своего коня, побей лучше свою бабу: вѣдь, не баба, а конь разбудитъ тебя, спящаго, когда придетъ непріятель!"

— Удивительный вы народъ, право! Все то у васъ отъ лошадей!

— А какъ же иначе, начальникъ? Вѣдь, бабу кормить надо, а лошадь сама меня кормитъ. Но про мою бабу ты сказалъ напрасное слово. Ничего не сумасшедшая. Здоровая. Всякому бы хорошему человѣку такую бабу. Смирна и послушна, какъ старая кобыла, знающая своего хозяина.

— Развѣ же она старая? — удивился ботаникъ.

— Годами — нѣтъ, разумомъ — да.

— Тогда за что же ты о ней говоришь такъ худо?

— Зачѣмъ худо? — озадачился Мамыръ. — Хорошо, а не худо. Въ нашемъ степномъ народѣ такъ хвалятъ только самыхъ хорошихъ женъ. Развѣ ты не знаешь, что жена есть старшая кобылица въ табунѣ хозяина?

— До сихъ поръ не зналъ, теперь буду знать. . . А она у тебя — одна жена, Мамыръ?

Мамыръ обидѣлся.

— Я не нищій, — гордо сказалъ онъ и поднялъ два пальца.

— Двѣ.

И, вдругъ сдѣлавшись сердитымъ, прибавилъ:

— Но другая старая дрянь. Кончилась женщина, не рожаетъ. Я давно прогналъ бы ее, если бы не жаль было возвращать калымъ. За Алымъ я не платилъ калыма, потому что она безродная въ нашихъ мѣстахъ, но Алымъ предъ тою — царица. Хозяйство ведетъ хорошо, работаетъ хорошо. Шубу чинитъ, чулки штопаетъ, какъ новые. Айранъ кваситъ чисто, арагу гонитъ лучше всѣхъ бабъ въ народѣ, а саламатъ и пызылакъ ея приготовленія съ наслажденіемъ ѣлъ бы и руку свою потомъ лизалъ бы самъ Эдзенъ-ханъ. Рожаетъ хорошо — все мальчиковъ... Что годъ, то и сынъ, — отцу подмога. А прошлый годъ принесла двойни. Дѣвченкой только одинъ разъ ошиблась.

— Это на берегу — я ее съ дочкой видѣлъ?

— Да...— улыбнулся всею сѣтью морщинокъ Мамыръ. — Ростимъ скотинку. Красавица будетъ. Истинно черный козленокъ горъ. Выростетъ, большой калымъ принесетъ родителю.

— У тебя есть дѣти и отъ другой жены?

— Три сына, двѣ дочери.

— Ого! Семья твоя, какъ вижу, не малая.

— Да, но дочери уже замужъ повышли, и зятья откочевали, а сыновей я повыдѣлилъ, когда взялъ женою Алымъ, чтобы въ юртѣ не было свары... Они тоже давно переженились, — если хочешь, милости просимъ, начальникъ, сдѣлай честь — посѣти ихъ юрты...

— Ну, а какъ же твои жены — живутъ въ ладу между собою?

— А за что имъ ссориться?

— Да — хоть бы за тебя, Мамыръ? Вонъ, я замѣчаю, ты любишь Алымъ гораздо больше другой. Той, поди, обидно?

Старикъ удалецки передернулъ плечами.

— А мнѣ какое дѣло? Мужчина не мѣшается въ бабьи дрязги:

Пусть дуры лягаютъ другъ дружку, — мнѣ все равно!
Пусть дуры пинаютъ другъ дружку, — мнѣ все равно!

— Вотъ ты какой бравый! Однако, лягаясь да пинаясь, можно, вѣдь, и покалѣчить другъ дружку.

— Э! Алымъ себя въ обиду не дастъ. Она сильная.

— Это я испыталъ... Нѣтъ, Мамыръ, какъ ты меня ни увѣряй, а на нее находитъ!

Мамырка уставился на него удивленными глазами.

— А, конечно, находитъ... Такъ развѣ это у васъ называется — сумасшедшая?

— Гм... Во всякомъ случаѣ, не въ полномъ разсудкѣ...

— Какъ, начальникъ? Значитъ, вы, русскіе, всѣхъ своихъ бабъ считаете сумасшедшими?

— Совсѣмъ нѣтъ, Мамыръ. Откуда ты выдумалъ? Почему же?

— Да потому, что есть ли гора, которую не переходила дикая коза? есть ли рѣка, которую не переплывала утка? есть ли мужчина, который прожилъ вѣкъ безъ непріятностей? есть ли женщина, на которую не дулъ бы злымъ дыханіемъ черный Айна? Мужчина — святое тѣло, очищенное Пурханомъ, а женщина — сосудъ горя. Эрликъ-ханъ соблазнилъ обѣихъ Евъ: жену перваго человѣка Адама и жену праведнаго Ну. Когда Ну спасалъ въ ковчегѣ людей и животныхъ отъ потопа всей земли, жена его спасла своего любовника, Эрлика. И съ тѣхъ поръ женщины обречены страдать отъ Эрлика и его слугъ, которые стараются сдѣлать ихъ во всемъ себѣ подобными. И, если бы женщины не очи-

щались ежемѣсячно, то давно всѣ были бы бѣсовками. Вся жизнь женщины есть битва съ айнàми и албысами, нападающими на нее, чтобы поселиться и жить въ ней. И чѣмъ женщина умнѣе и красивѣе, тѣмъ яростнѣе нападаютъ на нее албысы, тѣмъ горячѣе хочетъ Эрликъ-ханъ сдѣлать ея тѣло своимъ дворцемъ. Алымъ прекрасна и мудра. Удивительно ли, что ея албысъ сильнѣе многихъ другихъ? Среди людей она — какъ всѣ бабы, но, служа предъ богами, падаетъ въ черную немочь. И тогда полезно внимать ей, потому что албысъ говоритъ ея устами рѣчи великаго разума.

— Кликуша, значитъ, истеричка, — отмѣтилъ ботаникъ. — Ну, это все-таки кое-что объясняетъ... Но погоди, Мамыръ: ты говоришь, — падаетъ передъ богами? — Какіе же это у нея боги?

— Какъ — какіе? — изумился инородецъ, — наши боги.

— Это... болванчики-то?! — озадачился ботаникъ.

Мамырка обиженно сверкнулъ глазами.

— Тебѣ — болванчики, а мнѣ — боги... Я твою вѣру не браню, ты мою не обижай.

— Извини, если нехорошо сказалъ, — смутился ботаникъ, — но... какъ же это, братъ Мамыръ? Значитъ, попросту говоря, она у тебя пришаманиваетъ?

— А что дурного? — напряженно не понималъ Мамыръ. — Каждая женщина и каждый мужчина должны быть счастливы, если на нихъ нисходитъ даръ созывать духовъ стукомъ въ священный бубенъ...

— Да въ тебѣ то я понимаю это: ты родился и выросъ въ своей черной вѣрѣ... Но Алымъ твоя? Пусть она перекачнулась отъ насъ къ вамъ и даже такъ, что за что то возненавидѣла всѣхъ насъ, русскихъ...

— Она и по-русски то почти позабыла, — вставилъ Мамыръ. — Когда случается обмѣняться словомъ, говоритъ трудно, не лучше меня...

— Но, какъ бы то ни было, вѣдь, она же крещеная, христіанка, значитъ, нашей вѣры то, русской...

Мамыръ опять замоталъ головой отрицательно, кивая жиденькимъ клинушкомъ семиволосой бороденки:

— Развѣ у бабы можетъ быть своя вѣра? — презрительно возразилъ онъ. — Спроси ламу, — онъ скажетъ тебѣ: „Женщина есть подстилка мужчины". Съ кѣмъ баба спитъ, та у нея и вѣра. Алымъ моя жена, — значитъ, моей и вѣры... Хорошая баба. Послушная и любитъ нашихъ боговъ. Не оставляетъ ихъ голодать, и они у нея всегда чисты и въ порядкѣ. Знаетъ всѣ праздники и моленія, которые справляютъ женщины; и никогда не переступитъ нечистыми женскими ногами черезъ священную кошму покровителя мужчинъ.

IX.

Ушелъ Мамыръ, а на мѣсто его пришли встревоженные оба казака, сопровождавшіе ботаника въ путешествіи. Сообщили, что встрѣтили въ степи китайскаго „дзангу", скачущаго въ городъ Улясутай къ тамошнему цзянь-цзюню съ эстафетою, что русскіе объявили войну „джерманамъ" и по всей Сибири будетъ мобилизація.

— Теперь, ваше высокородіе, орда зашевелится, и на степи будетъ неспокойно. Однако, надо ворочать въ городъ.

На завтра же и поворотили, дружелюбно провоженные кочевьемъ, а Мамыркою — любезнѣе всѣхъ. Аля ботанику такъ и не показалась. А онъ, уже извинивъ ей свои ушибы, на отъѣздѣ, крѣпко о ней пораздумался. Хотѣлъ разсмѣшить себя представленіемъ, какъ она, православная по паспорту, вольнодумка по образованію и революціи, теперь куритъ въ обонѣ богородичною травою предъ „хайрханомъ" — медвѣдемъ, праотцемъ людей, падаетъ ницъ предъ „субургою" — головою жерт-

венной овцы на шестѣ, и мажетъ войлочному идолу — „тöсу“ губы саламатомъ. Но, вмѣсто смѣха, жутко стало.

— Кой чортъ таится въ этой степи, что могла она такъ перевернуть человѣка? Ну, хорошо, — кликуша, истеричка. Ну, затянулась въ какое-нибудь тамъ опрощеніе и самоотреченіе, пересолила, зарвалась и — ослабѣвъ, сама ко дну пошла: вмѣсто совершенства, нашла одичаніе. Бываетъ. Намъ, русскимъ, больше, чѣмъ какому-либо иному народу, опасно якшаться съ дикарской средой, опускаться въ дикарскіе нравы. У насъ культура — что позолота на деревѣ — яркая да не крѣпкая, плохо держится, легко выцвѣтаетъ и осыпается. Англичанинъ — тотъ сорокъ лѣтъ безвыѣздно живетъ среди какихъ-нибудь негровъ суданскихъ и бѣлаго лица не видитъ, а самъ остается неизмѣннымъ, будто онъ изъ мрамора вытесанъ — со своими твердокаменными воротничками, со своею библіей, гладкимъ бритьемъ, воскреснымъ днемъ — и съ глубочайшимъ презрѣніемъ ко всему, что не онъ или не въ точности ему подобно. А о насъ, горемычныхъ, еще Наполеонъ сострилъ: „Поскреби русскаго, — выглянетъ татаринъ“. Да и скрести не надо, а только забрось въ татарву, — и сами не замѣчаемъ, какъ совершеннѣйше отатариваемся, становимся татарами пуще самихъ татаръ. Ну, что Алымъ теперь русскихъ ненавидитъ и показываться имъ не хочетъ, — тоже понимаю: стыдно ей, въ дикарской долѣ, видѣть своихъ. Не можетъ же она не сознавать, что, низведя себя на уровень самки чумазаго степного дикаря и слившись съ племенемъ низшей человѣческой породы, оскорбила въ себѣ самую расу свою. Ну, и стыдъ, а изъ стыда — горечь, досада, гнѣвъ, озлобленіе, ненависть. Но... отъ Христа съ Толстымъ и Владиміромъ Соловьевымъ — къ войлочнымъ бурханчикамъ?! Но... отъ соціальной религіи и теософической

мечты — къ жертвенному помазыванію идольскихъ губъ сметаною?! Но отъ женскаго равноправія — къ роли наложницы и родильнаго аппарата въ дикарскомъ кочевомъ гинекеѣ?! Но отъ революціи — къ рабству, въ которомъ „женщина — подстилка мужчины“, и бабу бьютъ головней съ очага охотнѣе, чѣмъ лошадь плетью!?

X.

Ушибы, нанесенные ботанику мощною рукою Алымъ, оказались серьезнѣе, чѣмъ казалось по первому впечатлѣнію. Въ городѣ онъ, бѣдный, разболѣлся и пролежалъ съ недѣлю — въ дому какъ разъ той самой татарской купеческой семьи, которая когда то переняла Алю Павлову отъ „дружка“, на пути ея въ Ачинскъ. Когда ботаникъ разсказалъ гостепріимнымъ хозяевамъ свое степное приключеніе, его выслушали очень внимательно, но — онъ замѣтилъ — его исторія не была для нихъ новостью. А затѣмъ пришелъ къ нему и попросилъ разговора съ глазу на глазъ младшій хозяйскій сынъ, молодой человѣкъ лѣтъ подъ тридцать, почти обрусѣлый, даже немножко съ гимназическимъ образованіемъ, хотя и не кончилъ курса.

— Позвольте васъ спросить, — началъ онъ, — это ваше приключеніе вы уже разсказывали кому-нибудь въ городѣ?

— Нѣтъ, я прямо къ вамъ въѣхалъ и никого еще не видалъ.

Молодой человѣкъ замялся.

— Видите ли... Мой отецъ... Мы всѣ... семьею... были бы чрезвычайно признательны вамъ, если бы вы нашли возможнымъ... промолчать объ этой Алымъ, пока вы будете въ городѣ... и потомъ въ Красноярскѣ...

Ботаникъ насторожился.

— А почему вы въ этомъ заинтересованы? — спросилъ онъ довольно сухо.

Татаринъ улыбнулся успокоительно.

— Мы — нисколько. Но ваша огласка можетъ принести большія непріятности и самой Алымъ, и ея мужу, котораго вы напрасно зовете Мамыромъ. . . Его имя — Ангыштай. . .

— Въ чемъ именно могутъ выразиться непріятности?

— Въ томъ, что ваше приключеніе привлечетъ къ Ангыштаю вниманіе мѣстныхъ властей. . .

— А что? развѣ онъ преступникъ какой-нибудь?

— Ни мало. Но, когда степной инородецъ попадаетъ въ кругъ вниманія русской власти, это обходится ему ничуть не дешевле, чѣмъ самое тяжелое преступленіе.

— По-моему, тамъ и власти то никакой нѣтъ. А если и есть, то скорѣе китайская, чѣмъ русская. . .

— Вы совершенно правы, но то-то и страшно. Русскія власти, любопытствуя объ Алымъ, снесутся съ китайскими. А китайцы — народъ, который совершенно не понимаетъ, зачѣмъ какой-либо власти можетъ быть нуженъ человѣкъ, если онъ не недоимщикъ или не преступникъ. На каждый подобный запросъ они смотрятъ, какъ на требованіе о выдачѣ, а въ затребованномъ человѣкѣ заранѣе видятъ разбойника. И такимъ вотъ образомъ — изотрутъ эти два жернова, русская и китайская администрація, бѣднаго Ангыштая съ его Алымъ, понемногу, въ мельчайшую муку. На степи у насъ, знаете, такая пѣсня поется:

Пріѣхалъ къ намъ русскій урядникъ:
И сивку, и бурку угонитъ, злодѣй, у меня!
Пріѣхалъ китайскій начальникъ:
Ну, значитъ, готовь на угонъ и гнѣдого коня!

Простится бѣдняга Ангыштай съ своими конями, овцами, козами, деньгами. А не ровенъ часъ, и съ

самою Алымъ, если она приглянется какому-нибудь „джургану", не говоря уже о самомъ цзянь-цзюнѣ. Да и насидится старикъ въ черномъ домѣ, то есть тюрьмѣ. А вы знаете, что такое китайскій „кынданъ"? Тамъ — семиствольныя колодки: бревно вдоль расколото, въ немъ четырнадцать дыръ выдолблено. Семь арестантовъ просовываютъ въ выемки ноги, бошко (тюремщикъ) заклепываетъ бревно... готово! никто не убѣжитъ. И въ такомъ то веселомъ положеніи люди часто живутъ пять и больше лѣтъ, только ожидая суда надъ собою... А — битье „манзою" (лопатка) и пытка „сапсыгылою" (распорки для пальцевъ)?... Уже одинъ слухъ о поимочной бумагѣ изъ Улясутая наводитъ ужасъ на степь, и люди степного народа откочевываютъ — куда глаза глядятъ, въ непроходимѣйшія дебри, лишь бы не встрѣтить „дзангу", везущаго приказъ.

— Странно, однако, что, за семилѣтній срокъ своего сожительства, столь оригинальная пара, какъ Мамыръ и Алымъ, уже раньше не привлекла опаснаго вниманія, о которомъ вы говорите?

— Что же страннаго? Степь велика, тайга непроницаема. Въ нихъ не ищутъ людей зря. Безъ опредѣленной указки это все равно, что искать булавку въ сѣнѣ. На то, вѣдь, и вся надежда урянхайскаго народа противъ начальства. За то и пѣсни ихъ хвалятъ свои мѣста:

Хорошо соленое озеро, —
Русскій чиновникъ не объѣдетъ его въ годъ;
Хорошъ хребетъ Чага, —
Ни цзянь-цзюнь, ни джурганъ не объѣдутъ
его въ годъ;
Хороша рѣка Еликемъ, —
Русскій начальникъ не объѣдетъ ее въ годъ;
Хороши горы Эзимъ, —
Ни цзянь-цзюнь, ни джурганъ не объѣдутъ
ихъ въ годъ.

Видите: даже въ природѣ все оказывается хорошо лишь постольку, поскольку оно недоступно для русскихъ и китайскихъ властей. А семья Ангыштая — люди смирные, спокойные, подати платятъ всѣмъ, кто спроситъ, — и ламы ими довольны, и шаманы удовлетворены, а православные попы отъ нихъ далеко, — не знаютъ... Да, если бы и прознали, — кто въ далекой степи, невѣсть чьего подданства, мѣшается въ дѣла чужой вѣры? Муллы наши тамошними мѣстами тоже мало интересуются. . . Однимъ словомъ, если объ Алымъ не будетъ возбуждено здѣсь вопроса, она съ мужемъ можетъ быть увѣрена въ мирномъ существованіи до конца своихъ дней. Китайцы не любопытны и не суютъ своего носа въ жизнь кочевниковъ, если не вызваны къ тому справками изъ Россіи. . .

— Я, конечно, не имѣю ни малѣйшаго намѣренія разрушать ихъ благополучіе и буду нѣмъ, какъ рыба харіусъ. Но, въ награду, не объясните ли вы, повидимому, хорошо ихъ знающій, по крайней мѣрѣ, ту психологическую загадку, непостижимую для меня, какъ эта курьезная семья сложилась?

Молодой татаринъ отвѣтилъ неопредѣленнымъ движеніемъ головы.

— Очень немного сказать могу я вамъ... Нынѣшнюю Алымъ, а въ то время Александру Павловну Павлову, мы узнали здѣсь, въ городѣ, когда она ѣхала въ Ачинскъ, возвращаясь изъ ссылки. Мы взяли ее попутчицей до Ачинска. Но, проѣхавъ три станка по Енисею, мы, за Абаканомъ, нашли ярмарку, на которой Александра Павловна встрѣтила знакомыхъ саянскихъ инородцевъ съ мѣхами. Между ними былъ и Ангыштай, котораго вы зовете Мамыромъ. Онъ оказался старымъ пріятелемъ и проводникомъ Александры Павловны. Мы тоже его хорошо знали. Онъ честный человѣкъ, хорошей кости, съ зажиткомъ, очень умѣренный, сравнительно

съ одноплеменниками, пьяница, и совершенно не воръ. Ангыштай укланялъ Александру Павловну погостить въ его кочевьѣ, обѣщая затѣмъ отвезти ее въ Ачинскъ въ своей кибиткѣ. Она согласилась и осталась, а мы, своей семьей, продолжали путь на Ачинскъ. Я лично тогда ѣхалъ въ Уфу, гдѣ затѣмъ прожилъ цѣлый годъ, потому что задумалъ было поступить въ духовное званіе, а тамъ нашъ ахунъ. Но это у меня не вышло: отецъ вызвалъ меня обратно для торговъ. Когда я пріѣхалъ сюда, въ городъ, старшій братъ говоритъ мнѣ подъ секретомъ:

— Алчакъ, хочешь ли слышать удивительное дѣло? Эта русская, которую мы везли въ Ачинскъ, не уѣхала въ Россію, кочуетъ здѣсь въ степи. Она тогда осталась въ кочевьѣ Ангыштая, и теперь его жена.

— Не можетъ быть! Ты шутишь?

— Я самъ былъ у нихъ въ лѣтникѣ! Она ходитъ, какъ урянхайка, приняла степной законъ и недавно родила мальчишку!

Вотъ, собственно, и все, что я могу вамъ по этому случаю показать. . .

— Но какъ же это, все-таки, приключилось? Чѣмъ вы объясняете? Не могу же я вообразить, чтобы она плѣнилась этой обезьяной... Похищеніе, можетъ быть? насиліе?

— Ничего не могу знать. . . Однако, сомнѣваюсь... Ангыштай не такой человѣкъ, да и дѣло было на русской землѣ, не въ вольной степи, гдѣ украсть женщину — только молодецкая штука. . . Не посмѣлъ бы. . . Нѣтъ, скорѣе онъ ее закамлалъ. . .

— То есть?

— Братъ сказывалъ, что они — Александра Павловна съ Ангыштаемъ — ѣздили вмѣстѣ къ одному святому мѣсту... Тамъ это, вѣроятно, и нашло на нее...

вродѣ приворота или ворожбы. . . Вѣдь, у нея припадки объявились, вродѣ падучей болѣзни, — вамъ это извѣстно?

— Нѣтъ, не зналъ. . . Хотя — послѣ того, что претерпѣлъ отъ нея, — нисколько не удивляюсь. . .

— Вотъ, то-то и есть! Дѣло обычное. Во всякой вѣрѣ нѣтъ опаснѣе этого, когда мужчина и женщина вмѣстѣ молятся... А ужъ особенно, если камлаютъ. Вѣдь тутъ для человѣка самое главное — разумъ потерять и безумiе почитать за счастiе.

XI.

Такъ оно и было.

Спрòсите, — откуда знаю?

Да почти что отъ самой этой Альмъ или, если вамъ больше нравится, то, по старой памяти, отъ Али Павловой. И черезъ особу, которая, господа, въ своемъ родѣ, не менѣе примѣчательна, чѣмъ Аля Павлова, потому что являетъ собою полярную ей противоположность. Ушла какъ разъ оттуда, куда Аля Павлова пришла, и пришла туда, откуда Аля Павлова ушла.

Это уже совсѣмъ недавняя моя встрѣча. Когда телеграфъ принесъ въ наши поселенныя норы вѣсть о революцiи и распахнулъ предъ нами двери въ Россiю, берлоги наши быстро опустѣли. Мы, гурьбами, такъ и бросились къ желѣзнодорожнымъ центрамъ. До того торопились, что, въ спѣхѣ, отказывали себѣ даже въ удовольствiи обругать, на прощанье, струсившую и притаившуюся администрацiю. Въ Красноярскѣ насъ набралось изрядно. Принималъ насъ городъ съ великою помпою, чествовалъ и угощалъ по-сибирски, до зѣла. Что мы пельменей съѣли, что наливокъ и винища всякаго выглотали, что рѣчей и тостовъ наслушались и сами наговорили, — теперь, право, даже вспо-

минать конфузно. Не обошлось, конечно, безъ прощальнаго банкета. Ну, и, какъ репортеры въ газетахъ пишутъ, „дружеская бесѣда затянулась далеко за полночь". Лишняя посторонняя публика посхлынула, остались мы въ своей компаніи, — человѣкъ десять, двѣнадцать. Досушиваемъ недопитыя бутылки, толкуемъ по душамъ. И, конечно, не обошлось безъ того, чтобы — вотъ, какъ сегодня же, — не коснулись культуры . . . Это же, господа, нашъ фатумъ. Гдѣ хоть трое русскихъ сойдутся, ужъ никакъ имъ не минуть, чтобы, черезъ четверть часа, не кипѣлъ между ними споръ о культурныхъ надобностяхъ и возможностяхъ. А насъ было не трое, а, по крайней мѣрѣ, десятеро, — такъ, сами понимаете, сколько мы успѣли тутъ накультурить. Что подѣлаешь? Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Зданьице то культурное у насъ больно непрочно: дунь — и разсыплется! — вотъ и топчемся, вѣкъ свой, подлѣ него недоумѣлымъ кружкомъ, въ затылкѣ чешемъ да руками машемъ: то ли ему подпорки ставить, то ли сломать его вровень съ землей и начать строить новое? . . . Ну, ужъ и не помню, съ какой именно стати, при семъ удобномъ случаѣ, разсказалъ я почтенному собранію ту же самую исторію, что теперь разсказываю вамъ, и остановился на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и сейчасъ пріостанавливаюсь.

— Вотъ-съ, — говорю, — какъ кто то у Чехова выражается, не угодно ль этотъ финикъ вамъ принять? Фактъ — и человѣческій документъ. Судите и рядите.

Одинъ рѣшаетъ:

— Что же? Загадочнаго тутъ ничего нѣтъ. Сумасшедшая. Ясное дѣло.

Другой:

— Ну, нѣтъ. Это вы ужъ очень скоро и просто. Такъ нельзя. Тутъ сложнѣе. Это, батюшка, изъ области „странностей любви" . . . Психопатія психопатіей, —

это такъ... да какая?... Тутъ, сударь мой, Краффтъ-Эбингъ нуженъ, Достоевскій требуется... Потому что съ этими эротичками...

— Нѣтъ, — говорю, — ужъ это вы оставьте. Какая тамъ эротичка? Довольно мы знали нашу Алю. Самая чистая и цѣломудренная дѣвица была, какую встрѣчать случалось.

Возражаютъ:

— Это ровно ничего не значитъ. Прекрасныхъ качествъ ея никто у нея и не отнимаетъ, но чистота, цѣломудріе — это качества культурной выработки, значитъ, дѣло условное, а натура — абсолютъ. Натуры же своей она, можетъ быть, и сама не знала, покуда не захватилъ ее эротическій дурманъ. А тогда культурныя качества сразу спали, какъ ветхая чешуя чуждыхъ красокъ, и обнажился и восторжествовалъ натурный абсолютъ... Пусть ваша Аля, по этической дисциплинѣ своей, будетъ хоть святая и разсвятая, но въ натурной то основѣ она изъ карамазовской семейки... да-съ!... „Насѣкомыхъ сладострастье“... вотъ оно что!

И пошли, и пошли... Слова все такія вѣскія... Садизмъ... Мазохизмъ... Имена... авторитеты... Краффтъ-Эбингъ, Шарко, Маньянъ, Тарновскій, Мержеевскій... Я въ этихъ областяхъ круглый невѣжда, заставить меня молчать легко... Сижу, слушаю, ни съ однимъ словомъ не согласенъ, а возражать не могу, потому что сейчасъ же затыкаютъ тебѣ ротъ — этотъ отъ науки, тотъ отъ художества... Краффтъ-Эбингъ! Достоевскій! Кнутъ Гамсунъ! — шутка ли сказать?

Однако, среди шумящихъ и спорящихъ, я безмолвствовалъ не одинъ. Дѣлала мнѣ компанію еще нѣкоторая миніатюрная дамочка, — существо молодое, такъ, лѣтъ на двадцать на пять, и наружности... вы, господа, въ качествѣ культурныхъ европейцевъ, можетъ быть, и не весьма одобрили бы, но, по тамошнимъ

восточно-сибирскимъ понятіямъ, — самый, что называется, первый сортъ. Сразу видно, что мѣстное произведеніе — инородческихъ кровей, съ папенькой либо маменькой изъ „братскихъ“. Личико пріятное, но цвѣтомъ вродѣ сапожнаго голенища, скулы разъѣхались широко, глазки разставлены далеко и изъ узенькихъ косыхъ щелокъ сверкаютъ, будто смѣющіеся раскаленные угольки. Словомъ, типичная „карымочка“, какъ ласкательно зовутъ въ тѣхъ мѣстахъ этакихъ крохотныхъ брюнетокъ, отъ которыхъ, хоть ты ихъ въ семи щелокахъ вымой, дышетъ степнымъ вѣтромъ, кумысомъ, кизякомъ и прочей родной Азіей. Зато одѣта карымочка была уже совсѣмъ не по-азіатски, а въ какіе то черные шелка, на видъ какъ будто простые и скромные, но, должно быть, предорогіе, чортъ ихъ побери, потому что ужъ очень они къ ея маленькой фигуркѣ были ловко и стройно прилажены. По Минусинскамъ и Красноярскамъ такъ не шьютъ, да и у васъ въ Питерѣ мимо такого туалета, не замѣтивъ, не пройдешь, оглянешься . . .

Я эту карымочку еще во время банкета, за столомъ, примѣтилъ, потому что она какъ то особенно умно и весело слушала наши рѣчи и розсказни. Спросилъ о ней сосѣда, мѣстнаго обывателя, адвоката.

— Ахъ, — отвѣчаетъ, — это очень любопытная госпожа. Она здѣсь у насъ проѣздомъ въ Россію, а сама — кузнецкая . . . Родители ея . . . вѣроятно, слыхали?

И называетъ очень извѣстную фамилію крупныхъ купцовъ изъ Кузнецка. Я удивился:

— Какъ? развѣ они инородцы? Я ихъ считалъ за чистокровныхъ русаковъ.

— Да они таковы и есть, а это ихъ пріемная дочка, найденышъ. Однако, усыновлена — и старики въ ней души не чаютъ. Только вотъ теперь между ними пробѣжала

черная кошка. Наденька то, какъ видите, съ нами, на платформѣ революціи, а старики — черносотенцы, горой стоятъ за старый режимъ... Богачи же несмѣтные!

— То-то она одѣта такъ, что фу ты, ну ты, прочь поди!

— Какъ же ей хорошо не одѣваться, ежели нѣтъ и трехъ мѣсяцевъ, что она вернулась изъ Парижа? Барыни наши по ея туалетамъ помираютъ...

— Порастрясла, поди, родительскія денежки по заграницамъ то?

— Ой, нѣтъ, что вы, не изъ такихъ. Она же у насъ умница. Въ Парижѣ не попусту проживала, училась. Медичка, съ отличіемъ курсъ кончила, диссертацію защитила — что то объ аномаліяхъ пищеваренія у эхинококковъ или еще того мудренѣе, оставлена ассистенткою при какомъ то свѣтилѣ, — настолько ею тамъ дорожатъ... Да вотъ, съ революціей, отдумала возвращаться. Летитъ въ Москву и Петроградъ — понюхать вольнаго воздуха... Теперь, говоритъ, будетъ въ Россіи дѣла — конца краю нѣтъ, мы, культурные работники, здѣсь нужнѣе...

Когда заполуночная бесѣда наша начала увядать, а участники ея стали поглядывать на часы и браться за шапки, — карымочка, вдругъ, подходитъ ко мнѣ и говоритъ густымъ-прегустымъ голосомъ, который у дамъ, изъ вѣжливости, называютъ контральто, а на дѣлѣ то это самый настоящій басъ.

— Вы, кажется, на одной со мною улицѣ живете. Не выйдемъ ли мы вмѣстѣ? Будьте такъ любезны, проводите меня до дому. А то у нашихъ сосѣдей собаки прорыли дыру подъ заборомъ, вылѣзаютъ на улицу и бросаются на прохожихъ. Вчера онѣ меня чуть-чуть не изорвали. Вы то какъ? собакъ не боитесь?

— Что вы, — говорю, — какъ можно? Жандармовъ не трусилъ, собакъ ли мнѣ робѣть.

— Ахъ, — споритъ, — это ничего не значитъ. Два совершенно разные страха. У меня есть подруга, — даже на генералъ-губернатора въ одиночку ходила, а какъ увидитъ мышь или таракана, такъ вся и затрепещется, вскочитъ на столъ либо подоконникъ и крикомъ кричитъ. Такъ проводите?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.

Пошли съ Богомъ по морозцу. Стучимъ-шагаемъ по безснѣжнымъ, закаленѣлымъ улицамъ. Ночь звонкая, лунная . . . Болтаемъ о томъ, о семъ, выдыхая столбы пара, инеемъ осѣдающаго . . . Карымочка моя оказалась превеселая и преумненькая, — нисколько ужъ не „синій чулокъ"! Идетъ — и все что то лукаво и таинственно посмѣивается, хитро поглядывая на меня косенькими своими глазенками . . . Право, я даже началъ было приходить въ смущеніе и нѣкоторое самодовольство: ужъ не плѣнилъ ли, на склонѣ лѣтъ, я, старый чортъ, Мазепа этакій, сію легкомысленную Марію? . . А она еще, вдобавокъ, какъ довелъ я ее до дому, предлагаетъ:

— Не зайдете ли? Я васъ чаемъ напою и коньяку къ чаю дамъ отмѣннаго.

— Помилуйте, — говорю, — да который теперь часъ то?

— Это ничего, часъ дѣтскій, а я дѣвица-безсонница . . . Идемте-ка, идемте . . .

— А вы не опасаетесь, что того . . . домашніе не одобрятъ и сосѣди прокомментируютъ празднотолкованіями?

— А на это, — говоритъ, — я вамъ по-нашему, по парижскому, отвѣчу: je m'en fiche, а по-русски: плюньте съ высокаго, но зеленаго дуба . . .

Ну, что ты будешь дѣлать съ такой юлой? Пошелъ.

А она, какъ вошли, одобряетъ:

— Вотъ умница, вотъ паинька. А за то, что вы умница и паинька, получите отъ меня награду: я доскажу вамъ исторію вашей Али Павловой.

— Вотъ такъ такъ! Вы ее знаете?

— Какъ же мнѣ ее не знать, если Ангыштай, о которомъ вы такъ непочтительно повѣствовали, приходится мнѣ двоюроднымъ дядей? Очень знаю. И въ прошломъ году, лѣтомъ, ѣздила къ нимъ въ степь, за китайскій кордонъ, гостила двѣ недѣли ...

За чаемъ она разсказала мнѣ свою собственную біографію, тоже достаточно замысловатую. Въ голодный 1902-й годъ, ее, девятилѣтнюю дѣвочку, подобралъ въ полувымершемъ урянхайскомъ кочевьѣ жалостливый приказчикъ ея будущихъ благодѣтелей и увезъ съ собой въ Кузнецкъ — взялъ въ дочки. Въ Кузнецкѣ бойкая, смышленая дѣвочка полюбилась хозяевамъ сострадательнаго приказчика. Ее выкрестили, обучили порусски, отдали въ гимназію. Ну, а потомъ — понятно: блестящія способности, золотая медаль, жажда высшаго образованія ... И вотъ, десять лѣтъ спустя послѣ тифозной то степной юрты, урянхайская карымочка — студентка парижскаго медицинскаго факультета, работаетъ въ Сальпетріерѣ, работаетъ въ институтѣ Пастэра ... И такъ далѣе — до настоящаго ея блистательнаго состоянія.

— Однако! — говорю.

— Не ожидали?

— Да помилуйте, еще бы, этакое у васъ семейное ...

Ищу слова, а она смѣется:

— Chassez-croisez. Культурная тетушка — въ дикарскую юрту, а дикарка племянница — на самую маковку европейской культуры ... Это доказываетъ, во первыхъ, что долгъ платежомъ красенъ, а, во вторыхъ, что природа не терпитъ пустоты, а культура не допускаетъ, чтобы нарушали ея равновѣсіе ...

Окультурилась карымочка всесовершенно, но родственныя связи, въ степи, святое дѣло — при всякихъ условіяхъ и до самыхъ отдаленныхъ колѣнъ. Такъ что, когда, по окончаніи курса, карымочка явилась въ свои алтайскія палестины, въ ней загорѣлось романтическое желаніе поближе извѣдать широкую вольную степь и счесться съ нею роднею. Тѣмъ болѣе, что смутные слухи объ Ангыштаѣ и Алымъ доходили до Кузнецка и внушали карымочкѣ большое любопытство. Тотъ же самый приказчикъ, который когда то увезъ ее изъ тифозной юрты, теперь помогъ ей совершить очень интересную поѣздку по Сойотіи и найти Ангыштаево кочевье. Карымочкѣ Алымъ оказала гораздо лучшій пріемъ, чѣмъ бѣдному ботанику, очень съ нею подружилась и охотно посвятила ее въ тайну своего страннаго романа, который карымочка и разсказала мнѣ подробно, съ жаромъ и увлеченіемъ, свидѣтельствуя тѣмъ, что волшебство степи и для нея не осталось безъ колдовского своего чарованія.

XII.

Выѣхала Аля Павлова въ Россію неохотно, ѣхала въ тяжелой тоскѣ по степи, прощаясь глазами въ снѣжномъ ея просторѣ съ каждой вѣхой, съ каждымъ могильникомъ. Про себя радовалась, какъ дитя, каждой остановкѣ, каждому препятствію, которое замедляло путь. На станкѣ, гдѣ застали ярмарку, вышла долгая задержка съ лошадьми. Въ ожиданіи, Аля бродила по ярмаркѣ, разглядывая толпы инородцевъ, понаѣхавшихъ изъ южной степи, съ Енисея, Абакана, Аксыка, Кемчика, съ мѣхами и кустарнымъ товаромъ. Годъ тогда былъ урожайный, денежный, ярмарка вышла щедрая, инородцы хорошо расторговались, всѣ поголовно были веселы и почти всѣ пьяны. Аля бродила, какъ по живой этнографической

выставкѣ, экзаменуя себя каждымъ желтымъ и узкоглазымъ лицомъ:

— Вотъ этотъ койбалъ съ праваго берега Абакана.

— Этотъ сагаецъ — съ лѣваго.

— Это наши южане, бечьтиры, „съ прожженною спиною". Если крикнуть „Чеды-Пюрю", кто-нибудь изъ нихъ обернется, потому что у нихъ въ каждой семьѣ есть это имя.

— Этотъ — качинскій татаринъ.

— Этотъ — карагасъ съ Уды.

— Эти, съ косами, урянхайцы или даже чистые сойоты. Приплелись изъ-подъ далекихъ Саянъ.

Очень скоро, на отлетѣ отъ села, она нашла конусообразныя юрты инородцевъ изъ улусовъ и кочевій мѣста своей ссылки. Веселая, пестрая группа, двѣнадцать человѣкъ, мужчины и яркоцвѣтныя женщины въ перемежку, играли въ „тайлы" (деревянныя карты). Издали слышались громкія восклицанія:

— Пурдожанъ-тола! (Семь очковъ).

— Манданъ! (Четыре очка).

— Кана! (Восемь очковъ).

— Шында! (Фигура).

— Касъ! (Главная фигура).

— Тайлы! (Двѣнадцать очковъ, — выигрышъ).

Другіе стояли, наблюдая игру, хохотали надъ неудачами, щелкали языками, одобряя удары.

Въ сторонѣ кучка сагайцевъ окружила пѣвца съ гармоникой. Онъ сидѣлъ на кошмѣ и заставлялъ неистово скрипѣть свой незатѣйливый инструментъ, а сагайцы хлопали въ ладоши и подпѣвали, между тѣмъ, какъ одинъ изъ нихъ, медвѣдь медвѣдемъ, топтался въ кругу тяжеловѣсною пляскою. Всѣ они были пьяные и голосили пѣсню-игру верхняго Енисея:

Сколотили мы плотъ — десять бревенъ:
Поѣдемъ до города Томска,
Возьмемъ за себя томскихъ дѣвицъ!
Ой, народъ мой! ой, владыка мой!
Сколотили мы плотъ — двадцать бревенъ!
Поѣдемъ до города Красноярска,
Возьмемъ за себя красноярскихъ дѣвицъ!
Ой, народъ мой! ой, владыка мой!
Сколотили мы плотъ — тридцать бревенъ:
Поѣдемъ до города Иркутска,
Возьмемъ за себя иркутскихъ дѣвицъ!
Ой, народъ мой! ой, владыка мой!
Сколотили мы плотъ — сорокъ бревенъ:
Поплывемъ назадъ въ родную землю,
Возьмемъ за себя своихъ степовыхъ дѣвицъ!
Ой, народъ мой! ой, владыка мой!

Двѣ группы — одна мужская, другая женская, яркоцвѣтная, — кокетничали между собою насмѣшливою перебранкою:

— Вы, дѣвицы, откуда?

— Сперва, парни, скажите, вы откуда?

— Мы салджаки изъ-подъ горы Кербисъ.

— А мы съ рѣки Ирбека.

— Ха-ха-ха! Въ Ирбекѣ харіусы питаются водяными пауками, а дѣвицы съ Ирбека питаются русскими!

— Ха-ха-ха! Салджакскіе парни пропили русскимъ свои кочевья подъ горою Кербисъ.

— Эй вы, женщины, спавшія съ русскими, какъ вы посмѣете вступить въ Урянхайскую землю?

— Эй вы, парни, соблазняющіе телеутокъ, развѣ васъ пустятъ назадъ въ поднебесную страну?

— Намъ не надо телеутокъ: найдемъ невѣстъ и въ своемъ Телегеѣ (отечествѣ).

— И мы не гонимся за русскими: богатъ женихами и нашъ Телегей.

— Не браните русскихъ: если бы не они, откуда бы вы брали красную бязь и черный бархатъ?

— Они были бы хорошій народъ, если бы не носили шапокъ съ проваломъ.

— Охъ, чернобровыя, ужъ больно вы умны: не сойти бы вамъ съ ума!

— За то вамъ, парни, достался какъ разъ тотъ умъ, котораго не хватаетъ овцѣ.

— Дѣвочки, идите съ нами водку пить; дадимъ вамъ шелку — чинить козлячью шкуру.

— Мальчики, идите съ нами табакъ курить: мы вамъ дадимъ стали на ружейный кремень.

И такъ безъ конца хохочутъ, гогочутъ, визжатъ, гикаютъ и свистятъ они, „распарывая животъ нежеребой кобылы", то есть болтая пустяки и споря, кто кого превзойдетъ въ быстротѣ и шутливой обидности отвѣтовъ. Устали острить, — перебрасываются комплиментами и нѣжностями:

— Сыргапай, дочь Пойбы! Ты не серпъ ли для моего сердца?

— Чернобровая Сабыячыкъ! За тебя я отдамъ и арканъ мой, и стремена!

— Дѣвицы нашей земли подобны цвѣткамъ, выросшимъ на степи. Дѣвицы чужихъ земель подобны сору, оставленному на степи откочевавшимъ народомъ!

И, помирившись на любезностяхъ, мирно сходятся въ общей любовной игрѣ — на два голоса. Парни наступаютъ и заигрываютъ, дѣвушки жестоко кокетничаютъ, отнѣкиваются, притворствуютъ, обороняются. Гремитъ и звенитъ двухорная пѣсня-перекличка:

Выходи, краса-дѣвица, выходи,
Не стыдися, свою спинку покажи!
— Ой, зачѣмъ тебѣ спины моей узоръ?
Ты не гладилъ развѣ шелковый коверъ?

Выходи, краса-дѣвица, выходи,
Не стыдися, свои груди покажи!
— Ой, зачѣмъ те мои груди дались?
Не видалъ ты, что ль, какъ булки пеклись?
Выходи, краса-дѣвица, выходи,
Не стыдись, свое лицо мнѣ покажи!
— Ой, зачѣмъ бы ты лицо мое смотрѣлъ?
Не видалъ ты, что ли, зеркала, пострѣлъ?
Выходи, краса-дѣвица, выходи,
Свои черныя мнѣ косы покажи!
— Ой, зачѣмъ? какой тебѣ въ нихъ, парень, толкъ?
Аль не видывалъ, каковъ бываетъ шелкъ?

Звучитъ скрипка, и козлиный голосъ подпѣваетъ речитативъ:

Пьянаго сковать, — велика ли честь?
Коль привязанъ конь, эко диво сѣсть!

Аля знаетъ: это изъ предсмертной пѣсни богатыря „Канза-Пега съ шестиграннымъ ружьемъ", который не хотѣлъ признавать надъ собою власти Бѣлаго царя и самостоятельно княжилъ въ степи. Такъ пѣлъ онъ, издѣваясь надъ побѣдителями, когда русскіе захватили его, мертво пьянаго, и вздернули на висѣлицу, прицѣпивъ ребромъ на желѣзный крюкъ. . .

А другой козлиный голосъ, подъ дребезжанье балалайки, передаетъ другой кучкѣ внимающихъ богатырское раздумье женщины-бродяги, разбойницы Астачакъ:

Шестьдесятъ коней угнать не обидно,
Да владѣльца разорить мнѣ стыдно.
Шесть коней угнать ничуть не стыдно,
Да самой то мнѣ, бѣдняжкѣ, обидно.
Угнать сорокъ коней — прогнѣвать Бога,
А четыре коня — угонъ убогой!

Внезапно, въ быстрой смѣнѣ инородческихъ лицъ, Алѣ привѣтно мелькнуло знакомое жидко- и козлобородое

лицо, улыбающагося всѣми своими морщинками, Ангыштая.

— Ягоды черной смородины — на голову мою! Ягоды красной смородины — на голову мою! — воскликнулъ онъ, — тебя ли я вижу, о, дочь чиновника? Какимъ счастливымъ случаемъ ты здѣсь? Не пролилась ли ты на землю дождемъ, принесенная въ облакѣ вѣтромъ?

Аля узнала Ангыштая давно — еще въ первыхъ своихъ поѣздкахъ по улусамъ. Въ свое время онъ былъ ей очень полезенъ для записи пѣсенъ, сказокъ и обрядовъ, въ которыхъ былъ весьма свѣдущъ, ибо и самъ немного пришаманивалъ. Притомъ, онъ говорилъ по-русски, что на первыхъ порахъ степныхъ увлеченій Али было для нея великимъ подспорьемъ, пока она сама не овладѣла мѣстнымъ языкомъ. Но въ степи мѣстный тюркскій языкъ дробится на множество нарѣчій, въ зависимости отъ сосѣдства племенъ и кочевій съ Монголіей или Россіей и отъ количества остатковъ въ этихъ нарѣчіяхъ древняго общаго перво-языка, который, по мнѣнію ученыхъ, былъ самоѣдскій. Ангыштай же на всѣхъ діалектахъ степи изъяснялся съ такимъ же совершенствомъ, какъ на своемъ собственномъ. Человѣкъ онъ былъ бойкій, по улусамъ его принимали всюду хорошо. Аля Павлова была обязана его рекомендаціи многими интересными знакомствами и посѣщеніями, которыхъ, безъ такого вліятельнаго провожатаго, русской путешественницѣ никогда не получить бы.

Аля обрадовалась Ангыштаю, какъ родному. А онъ, узнавъ, что „дочь чиновника“ попала на ярмарку только случаемъ и проѣздомъ, передъ тѣмъ, какъ покинуть степной край навсегда, очень огорчился.

— Ахъ, и не говори уже, Ангыштай! — отвѣчала Аля на выраженныя имъ сожалѣнія, — я и сама не могу высказать, какъ тяжко мнѣ разставаться съ любимыми мѣстами. Конечно, тамъ въ Идегетъ моя родина, но

кто знаетъ, что я въ ней теперь найду и буду ли счастлива? Уже одно ожиданіе, что я опять буду жить въ городѣ, приводитъ меня въ ужасъ. Я отвыкла отъ городскихъ нравовъ, я не люблю городскихъ людей. Никто меня не ждетъ тамъ такъ страстно, чтобы я стремилась на встрѣчу къ тоскующему по мнѣ сердцу. Родители мои давно умерли, я одинока на свѣтѣ, жениха или возлюбленнаго у меня не было и нѣтъ. Иногда мнѣ кажется, что, покидая свой любимый край для тамошней неизвѣстности, я исполняю только ненужный обрядъ, въ который сама не вѣрю. И, конечно, буду за то наказана несчастіемъ и тоскою, какъ промѣнявшая вѣрное на невѣрное... друзей любимыхъ и любящихъ на... какъ знать, кто и какъ тамъ меня встрѣтитъ?

Ангыштай слушалъ Алю съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ.

— Если такъ, о, дочь чиновника, — сказалъ онъ, — то зачѣмъ же осуждаешь ты себя тосковать по степи, а степь — по тебѣ?

— Затѣмъ, Ангыштай, что я русская, а каждый человѣкъ долженъ жить съ своимъ народомъ.

Ангыштай мотнулъ мохнатымъ треухомъ, въ знакъ несогласія.

— Мужчина — да, — возразилъ онъ, — но женщина находитъ свой народъ тамъ, гдѣ живетъ народъ ея мужа. Мало ли нашихъ саянскихъ женщинъ сдѣлалось русскими потому, что вышли замужъ за казаковъ „Населенной земли“ и купцовъ изъ Аба-Туры (Кузнецка) и Кòрая (Минусинска). А въ Улясутаѣ не меньше женщинъ, которыя русской крови, но нашли свою судьбу въ Урянхайскомъ народѣ. . .

Аля засмѣялась и сказала:

— Вотъ еще не доставало того, Ангыштай, чтобы я послѣдовала твоему совѣту. Мои товарищи въ ссылкѣ

и безъ того уже попрекали меня, будто я сдѣлалась больше сойотка или бельтирка, чѣмъ русская. . .

— 'О, дочь чиновника! — съ почтительностью возразилъ Ангыштай, — не гнѣвайся, что я осмѣлился предложить тебѣ совѣтъ. . . Конечно, ты сама лучше знаешь, какой студень тебѣ ѣсть!

— Какъ разъ въ этомъ то я и сомнѣваюсь, Ангыштай, знаю ли, что буду дѣлать съ собой. . .

— Прости, дочь чиновника, но не такъ ли живетъ каждая дѣвушка?

Зыблется желтый ковыль потому,
Что вѣтеръ колышетъ,
Дѣвушки зыбки умомъ потому,
Что мужняго слова не слышатъ.

— Можетъ быть, Ангыштай, но, и въ правду, не надо больше говорить объ этомъ. Не ускоряй теченія ручья, который и безъ того уже неспокоенъ!

Ангыштай на это радостно засіялъ костяшками и морщинками черно-блиннаго лица своего и низко закланялся.

— Если ты обращаешь ко мнѣ слова нашей пѣсни, позволь пѣснею же отвѣтить тебѣ:

О, заблудившаяся и потерявшая бродъ черезъ рѣку,
Попей чайку у меня, малорослаго!
О, заблудившаяся и потерявшая путь черезъ степи,
Попей чайку у меня, малостоющаго!

Аля приняла приглашеніе съ удовольствіемъ. Ангыштай, счастливый честью столь почетнаго визита, разсыпался въ обычныхъ благодарственныхъ пожеланіяхъ:

— Все, чѣмъ ты одѣваешься, да будетъ шелкомъ! Постель, на которую ты ляжешь, да будетъ теплою. Все, что ты ѣшь, да будетъ сытнымъ, а враги твои пусть кормятся только камнемъ.

И, окидывая толпу одноплеменниковъ гордыми взглядами и провожаемый взглядами завистливыми, провелъ „дочь чиновника“ къ своему становищу. Здѣсь Алю встрѣтили воплями радости Ангыштаевы бабы: жена, двѣ дочери и снохи. За чаемъ Ангыштай напомнилъ Алѣ, какъ онъ провожалъ ее къ святому могильнику за-абаканской степи.

— Если бы ты, дочь чиновника, не спѣшила въ путь и имѣла время пробыть съ нами нѣсколько дней, то я показалъ бы тебѣ еще болѣе древнее и священное урочище, которому поклоняется весь степной народъ всякаго племени и всякой кости. Это недалеко, верхами можно обернуть туда и обратно отъ разсвѣта до заката. Сейчасъ тамъ безлюдно, легче встрѣтить волка, чѣмъ человѣка. Но весною и осенью отъ возсѣдающаго народа утоптана трава и ломаются сучья лиственницъ. Боюсь, однако, что зимняя дорога верхомъ была бы трудна для тебя, мало привычной, а въ саняхъ нельзя проѣхать до самаго святого мѣста. Тамъ — тайга, какъ медвѣдь, стоящій въ снѣгу. . . Впрочемъ, — сказалъ Ангыштай, подумавъ, — если бы ты хотѣла поѣхать, то въ двухъ верстахъ отъ святыни есть зимовка, у которой мы могли бы оставить сани, а тамъ — недолгій трудъ добѣжать на лыжахъ. . .

Когда предложеніе приходитъ такъ кстати и точно впопадъ къ собственному настроенію и желанію человѣка, онъ недолго колеблется.

— Подумай, дочь чиновника, — убѣждалъ Ангыштай, — ты покидаешь нашъ край, можетъ быть, навсегда. Не будетъ ли тебѣ грустно потомъ въ Идегетъ думать, что ты прошла, зажмуривъ глаза, мимо великой святыни и прекраснѣйшаго мѣста, которыхъ ты впослѣдствіи уже не увидишь, какъ бы ни желала твоя душа.

Ангыштаевы бабы хоромъ поддерживали совѣтъ:

— Ты увидишь мѣсто, прекрасное, какъ верховья Бàринка, гдѣ поклоняются Манджу-хутухтѣ. Ты увидишь мѣсто, священное, какъ верховья Кемчика, гдѣ поклоняются святому Цаганъ Гезену. Ты увидишь земную обитель Эрлика, ты увидишь дворецъ могучихъ Айнá.

Немного посомнѣвавшись, Аля уступила уговорамъ и отправилась къ своимъ попутчикамъ, татарамъ — сообщить, что рѣшила остановиться въ пути, чтобы прогостить нѣсколько дней въ знакомомъ кочевьѣ и совершить небольшое путешествіе въ сторону отъ дороги. Кромѣ того, она просила попутчиковъ — какъ скоро они пріѣдутъ въ Ачинскъ, отправить друзьямъ, въ село ея ссылки, телеграмму, что она здорова и благополучна.

— Иначе, если они расчитаютъ срокъ, что я должна быть уже на мѣстѣ, а извѣстій отъ меня нѣтъ, они очень встревожатся.

Телеграмму она сама написала и вручила татарамъ. Вещи ея сгрузили въ юрту Ангыштая. Дружески распростились и разстались съ взаимными пожеланіями счастливаго пути и большого удовольствія.

Чтобы, по обычаю, одарить своихъ хозяекъ, Аля открыла свой сундукъ и раздала имъ весь небогатый запасъ своихъ лентъ, бантиковъ, шарфиковъ, галстучковъ. А сама одѣлась въ туземный костюмъ, какъ прежде, когда разъѣзжала по улусамъ, и причесала волосы въ множество плетеныхъ мелкихъ косичекъ, висящихъ поровну съ висковъ на плечи, черезъ затылокъ на спину. Такъ, чтобы „отъ одного холма шли дороги ко всѣмъ странамъ свѣта“. Три дня прожила она въ юртѣ, чествуемая и угощаемая, какъ царица. На четвертый день, чуть свѣтъ, Ангыштай повезъ ее къ святому урочищу.

Условлено было такъ, что прямо оттуда онъ провезетъ Алю въ Ачинскъ сокращеннымъ путемъ, уже не возвращаясь на покидаемый станокъ. А кочевье его

должно было также сняться и итти, черезъ Абаканъ, по направленію къ своимъ мѣстамъ медленнымъ передвиженіемъ, для котораго Ангыштай тщательно указалъ всѣ ночевки, расчитывая нагнать своихъ послѣ того, какъ доставитъ „дочь чиновника“, благополучно и сохранно, въ Ачинскъ.

Впрочемъ, съ того времени, какъ Аля переодѣлась въ туземный костюмъ, Ангыштай почти пересталъ величать ее „дочерью чиновника“, а началъ называть просто и фамильярно, „дѣвицей“, „дитёмъ“ (чужакъ) и „ягненкомъ“ (анай). Зато — съ прибавленіемъ несчетныхъ комплиментовъ, свидѣтельствовавшихъ, что красота Али, въ ея инородческомъ преображеніи, произвела на него сильнѣйшее впечатлѣніе. Аля была подобна лунѣ, которая исполнилась; солнцу, которое поалѣло; золоту, которое русскіе добываютъ на Алтаѣ; подати, которая поступаетъ въ сокровищницу Эдзенъ-Хана; и даже „узорному кисету, вышитому руками царевенъ, съ самолучшимъ русскимъ табакомъ“ . . . На что Алѣ оставалось отвѣчать только сообразно сильными благодарностями:

— Юрту твою да опояшетъ луна золотомъ, а солнце серебромъ!

— На переднюю полу твою пусть наступаютъ дѣти, на заднюю полу твою пусть наступаетъ скотъ!

Это было, несомнѣнно, ухаживанье, но въ почтительнѣйшемъ духѣ степного рыцарства — безъ претензій на иной отвѣтъ, кромѣ любезности. Ибо Ангыштай памятовалъ, что сказалъ филинъ, когда его спросили, почему онъ не женится на орлицѣ:

— Взялъ бы я за себя дочь царя, да ужъ больно я желтоглазый!

— Взялъ бы я птицу-царевну, да ужъ больно я ногами мохнатъ!..

Дочери Ангыштая были смѣлѣе отца. Онѣ сразу замѣтили его увлеченіе и нисколько не удивились и не огорчились, а, напротивъ, обрадовались и принялись сватать Алю — сперва шутливыми намеками, потомъ все серьезнѣе и настойчивѣе.

— Наша мать стара, — говорили онѣ, — а отецъ въ силѣ и крѣпокъ. Онъ ее почитаетъ, но ему мало ея. Онъ давно собирается взять молодую жену, но жалѣлъ насъ, покуда мы были малы, — чтобы не ввести въ юрту новую хозяйку, обидчицу дѣтей старой. Но теперь мы выросли, невѣсты, и скоро, одна за другою, откочуемъ отъ его очага вслѣдъ за возлюбленными мужьями, которыхъ пошлетъ намъ Пурханъ. Тогда отецъ, конечно, исполнитъ свою волю, потому что ему необходима хозяйка здоровая и родящая, а онъ родовитый человѣкъ хорошей кости и ему неприлично довольствоваться наложницами изъ наемныхъ работницъ. Кто знаетъ, какая женщина привяжетъ его сердце? Быть можетъ, какая-нибудь злая вѣдьма, которая броситъ нашу бѣдную мать себѣ подъ ноги и будетъ ходить по ней въ башмакахъ, подбитыхъ острыми гвоздями? Жестоки молодыя жены, владыки желаній своихъ мужей, и грустно намъ думать, что наша мать не избѣжитъ участи рабыни, стегаемой плетью ... О, если бы небо послало намъ мачеху по нашему выбору — такую прекрасную и добрую, какъ ты, Алымъ!... А еще желаннѣе, если бы ты захотѣла быть нашей мачехой ... Что же ты удивилась и смѣешься?.... Развѣ мы не видимъ, что онъ глядитъ на тебя, какъ голодный дикій котъ на жирную куропатку?... Ахъ, Алымъ! зачѣмъ ты русская, а не наша? зачѣмъ тебѣ надо спѣшить въ Идегетъ вмѣсто того, чтобы остаться съ нами навсегда?... Конечно, ты дитя народа, возвышеннаго надъ нами, и, можетъ быть, твой отецъ былъ въ немъ великимъ начальникомъ, но вѣдь и нашъ отецъ не худо-

родный, онъ помнитъ своихъ предковъ въ семи колѣнахъ. Онъ сильный, онъ добрый, онъ охотникъ, богатъ и конями и овцами, его уважаютъ во всѣхъ племенахъ и родахъ степи, онъ мудръ, съ нимъ совѣщаются старшины и зайсаны, ему открыты тайны священнаго бубна не меньше, чѣмъ иному заправскому вѣщему каму . . . Онъ тебя любитъ и тебѣ будетъ хорошо въ его тепломъ зимовьѣ подъ Салнами. Ты не гляди, что онъ уже не молодъ, — спроси нашу мать, мужчина ли онъ, да, пожалуй, могли бы тебѣ разсказать о томъ кое-что и наши невѣстки, а его снохи . . . Не бойся за свою молодую кровь, Алымъ: за нимъ тебѣ не придется вздыхать, глядя на висящія на стѣнѣ конскія удила . . .

Эти наивные уговоры сначала смѣшили Алю, затѣмъ стали тревожить. Она видѣла, что внезапно полюбившаяся затѣя втайнѣ овладѣла воображеніемъ всей семьи Ангыштая, не исключая старой жены его: эта послѣдняя, — вѣроятно, по тѣмъ же соображеніямъ, что и дочери, — сдѣлалась особенно любезна и предупредительна къ молодой русской гостьѣ . . . Самой Алѣ, несмотря на всѣ ея инородческія симпатіи, конечно, и въ голову не приходила мысль о возможности союза, который ей расписывали такъ соблазнительно, но ей то, лично, онъ казался такъ дикъ, смѣшенъ, невѣроятенъ . . . Однако, она чувствовала, что положеніе ея становится ложнымъ: вокругъ нея быстро сгущается атмосфера опасныхъ двусмысленныхъ ожиданій и желаній. Она знала рыцарство Ангыштая и порядочность его семьи и была увѣрена, что не будетъ жертвою даже какой-либо соблазнительной выходки, не то что неприличнаго покушенія. Но — надо было уходить, — пока не поздно, пока отношенія не напряглись въ слишкомъ ясную прозрачность, пока еще можно разстаться безобидно и для себя, и для друзей . . . И вотъ она заторопила Ангыштая съ посѣщеніемъ святилища. Къ тому же она предвидѣла

въ близкомъ времени свои женскіе дни, которые у нея всегда проходили нѣсколько болѣзненно, и ей хотѣлось попасть въ Ачинскъ раньше ихъ наступленія. Послѣднюю передъ поѣздкою ночь въ душной, угарной юртѣ она провела дурно — сперва въ волнующей нервной безсонницѣ, потомъ въ тяжелыхъ кошмарныхъ сновидѣніяхъ. Снился ей, почему-то воскреснувъ въ памяти, давно забытый самоубійца, ссыльный студентъ Александръ Прямоглазовъ: безобразный собою, какъ при жизни, но не прежній молчаливый и угрюмый скромникъ, а циничный и грязный, какимъ никогда онъ не былъ живой — по крайней мѣрѣ, при людяхъ... только въ своемъ ужасномъ тайномъ дневникѣ!

— Но теперь, Аля, — бормоталъ онъ, безстыдно кривляясь, — я свободенъ отъ всѣхъ человѣческихъ страховъ и предразсудковъ, никого и ничего не боюсь и — какое свинство хочу, то и дѣлаю!

И, обнаженный, прыгалъ и вылъ:

— Я мертвецъ изъ Идегетъ,
На меня управы нѣтъ!..

И лѣзъ къ ней съ наглыми насильными поцѣлуями, и богохульствовалъ, и сквернословилъ, и требовалъ, чтобы она ему отдалась...

Проснулась разбитою, раздраженною, съ развинченными нервами, съ противнымъ воспоминаніемъ о стыдной ночной грезѣ, съ назойливымъ повтореніемъ-стукотнею гдѣ-то въ глубинѣ головы глупаго пѣвучаго двустишія:

— Я мертвецъ изъ Идегетъ,
На меня управы нѣтъ!

Но — чуть не съ первымъ же глоткомъ свѣжаго морознаго воздуха, вдругъ, сразу ожила и охватилась такимъ бодрымъ и радостнымъ возбужденіемъ, что самой странно было: отчего? Словно въ душѣ ея вне-

запно проснулась и звонко-звонко запѣла-зазвучала неожиданная, самою ею не вѣдомая, до сихъ поръ даже не подозрѣваемая, высоко-высоко настроенная струна...

XIII.

Въ чудный солнечный день, сверкавшій крѣпкимъ алмазно-серебрянымъ снѣгомъ, весело было мчаться на быстро несущихся, нѣжнымъ скрипомъ поющихъ, лыжахъ. Еще въ кибиткѣ, голубой день, яркій снѣгъ, въ румяной игрѣ, привели Алю въ странное восторженное состояніе, близкое къ экстазу. Теперь же, летя на быстроносныхъ лыжахъ такъ, что, и въ безвѣтренную тишь, морозный воздухъ вихремъ свисталъ мимо ушей и кололъ лицо, Аля вся охватилась приливомъ радости. И, казалось ей, никогда еще не испытывала она такой полноты силъ и жажды жизни, такой удовлетворенности существованіемъ, такой готовности сказать мгновенію:

— Прекрасно ты, остановись!

Бѣжавшій впереди Ангыштай нѣсколько разъ оглядывался на спутницу, замѣтно изумленный ея счастливымъ лицомъ, ея возбужденными окликами... И, вдругъ, самъ зараженный ея восторгомъ, заголосилъ-завылъ дикую гортанную пѣсню:

О, дѣвица, имѣющая тѣло бѣлое,
Какъ творогъ!
О, если-бъ ты была дѣвица,
Ласки ждущая!
О, дѣвица, имѣющая тѣло мягкое,
Какъ творогъ!
О, если-бъ ты была дѣвица,
До ласкъ охочая!

Ангыштай вопилъ, — тайга ему откликалась, — но Алѣ слышалось, будто онъ и въ голосѣ, и въ эхо, поетъ не одинъ, а кто-то ему вторитъ пронзительно-вы-

сокимъ женскимъ голосомъ... И только потомъ уже догадалась, что этотъ вторящій голосъ — не чей иной, какъ ея самой. Безсознательно подхватила она пѣсню проводника, безсознательно за ней слѣдовала. А онъ, между тѣмъ, голосилъ уже другое:

Кочевье мое
Есть кочевье твое,
Если оно рухнетъ,
Куда дѣнемся мы?

И Аля вторила:

Кочевье твое
Есть кочевье мое,
Если оно рухнетъ,
Куда дѣнемся мы?

Если бы она была въ состояніи слѣдить за собою, то замѣтила бы въ себѣ большую странность: она — безотчетно и машинально — повторяла всѣ движенія Ангыштая. Подастся онъ вправо, — и она вправо; влѣво, — и она влѣво; подниметъ руку, — подниметъ и она; кивнетъ треухомъ, — качнетъ и она. И, вглядываясь въ глаза Али, какъ будто потерявшіе способность видѣть близкое и ушедшіе обостренными взорами въ какую-то невѣдомую даль, Ангыштай сообразилъ, что „дочь чиновника“ начинаетъ „мерячить“... Накладываетъ на нее повелительную руку свою всемогущій демонъ сибирской зимы: снѣжный гипнозъ, оковывающій женскую волю подражаніемъ каждому зримому человѣческому движенію.

По всей вѣроятности, тутъ-то Ангыштай и утвердился въ своемъ намѣреніи увезти Алю въ степь: въ намѣреніи, первый соблазнъ котораго постучался ему въ мысли еще передъ отъѣздомъ съ ярмарки, когда онъ увидалъ „дочь чиновника“ въ костюмѣ дѣвушекъ своего народа.

Углубившись въ тайгу, Ангыштай примолкъ. И Алѣ внушилъ:

— Здѣсь нельзя больше пѣть, потому что близко святое мѣсто: мы въ юртѣ Эрликъ-хана.

Святое мѣсто оказалось простымъ могильникомъ, общаго степного образца, но — громадныхъ размѣровъ, — трехкружнымъ. Такого величественнаго Аля, дѣйствительно, еще не видывала, и онъ произвелъ на нее очень сильное, почти подавляющее впечатлѣніе. Подъ сводами вѣковыхъ елей и лиственницъ, изъ-подъ синей пелены, блестяще испятнанной бѣлыми пробѣгами солнца сквозь пушистый темно-зеленый мѣхъ хвойныхъ лапъ, согнутыхъ тяжестью засахарившаго ихъ и ватою обложившаго снѣга, широко раздвинулись три круга черныхъ, коренастыхъ камней. Они торчали неуклюжими столбами, какъ дюжіе, оцѣпенѣнные морозомъ, богатыри на стражѣ. Нѣкоторые покосились, будто раненые, иные завалились за молодую поросль лиственницъ, будто притаившіеся соглядатаи. А среди круга возвышался гораздо большій и широкій другихъ, красный камень: природный идолъ. Въ менѣе яркомъ свѣтѣ, его, пожалуй, можно было бы принять издали за сутуловатаго и широкоплечаго великана-человѣка. Нѣсколько лентъ и овчинокъ на вѣтвяхъ ближней ели и довольно свѣжія рыжія пятна крови на снѣгу свидѣтельствовали, что здѣсь очень недавно совершено было моленіе и принесена жертва.

Усталость отъ дороги въ кибиткѣ и пробѣга на лыжахъ, таинственность мѣста, тишина беззвучной тайги, блескъ снѣга низвели на Алю какъ бы сонъ на яву. Тупая полудрема-полуявь быстро удаляла отъ нея дѣйствительность и будто обволакивала ее кисеей. Ничто не исчезало изъ сознанія, но меркли краски, расплывались очертанія, приглушались звуки. Въ тѣлѣ, безсильно прислоненномъ къ стволу лиственницы, разливалось

сладкое утомленіе, въ которомъ недавнее буйство жизнерадости погасало, вытѣсняясь свѣтлою грустью небытія. Ангыштай, благоговѣйно понизивъ голосъ, почти шепотомъ толковалъ Алѣ тайну святилища — развалины дворца великаго Эрликъ-хана. Онъ когда-то на землѣ былъ братомъ Эдзенъ-хана (китайскаго императора) и дѣвы Ӧрусъ (русской императрицы), но, оскорбленный и обокраденный ими, ушелъ подъ землю, на дно восемнадцатаго ада, сдѣлался царемъ злыхъ духовъ и основалъ царство смерти, гдѣ люди упокояются отъ всѣхъ земныхъ мученій, обидъ и обмановъ. Аля давно знаетъ этотъ миѳъ, но теперь — здѣсь — онъ беретъ ее, баюкаетъ и чаруетъ особенно глубокимъ захватомъ, какъ греза, воплощающаяся въ жизнь. . . Тихо гаснетъ въ головѣ недавно бурная мысль, дошептывая ласкающую сказку:

— Царство Эрликъ-хана мирное, оно не мучится и не линяетъ. Царство Аза-хана мирное, оно не голодаетъ и не жаждетъ. Царство Эрлика — царство доброты. Царство Азà — царство спокойствія. Кто не переноситъ мученій, пусть идетъ въ землю Эрлика. Когда пустѣютъ дома, наполняется земля Эрлика, когда пустѣютъ улусы, наполняется земля Азà. Весело и пьяно живетъ человѣкъ, когда онъ подъ защитою Эрлика, чай онъ пьетъ и мясо ѣстъ, когда его защитникъ Азà. Только злого грѣшника Эрликъ мучитъ, привязавъ къ пыточному столбу на каменной площадкѣ. Праведный въ царствѣ Эрлика ѣздитъ на коняхъ и одѣвается въ пестрыя шелковыя шубы. О, боги, дающіе низшимъ тварямъ малую жизнь, укажите мнѣ жилище Эрликъ-хана! О, владыки, укажите мнѣ дорогу, какъ вѣрные проводники! О, албысы мои! о, чулбусы мои! о, владыки! . .

А, тѣмъ временемъ, сквозь кисею, покрывшую зрѣніе, киваетъ Алѣ темнокоричневый блинъ съ глазами-

костяшками, подъ мохнатымъ треухомъ, и далекій-далекій голосъ жалостливо спрашиваетъ:

— Дѣвка, зачѣмъ тебѣ ѣхать въ Идегетъ? Ты любишь нашу страну, ты будешь тосковать по ней... Пропадешь безъ нея.

Аля молчала.

Слова Ангыштая дышали къ ней будто изъ подъ снѣжнаго покрова — глухія, чуть внятныя.

— Дѣвка! слышишь? Оставайся у насъ въ степи. Ты будешь какъ дитя у степного народа.

Аля молчала, слышащая, но не понимающая, лишенная мыслей и словъ.

Тогда коричневый блинъ Ангыштаева лица исказился сердитымъ страхомъ.

— Дѣвка, — хриплымъ короткимъ лаемъ окликнулъ онъ, — хочешь, я отвезу тебя въ степь? Мой зимникъ хорошее, теплое мѣсто... Эге-ге! Покуримъ вмѣстѣ табаку, попьемъ вмѣстѣ айрану! Поскачемъ вмѣстѣ на одномъ конѣ, покроемся вмѣстѣ одной шубой...

Аля молчала. Обезсмысленные глаза ея сосредоточились на уставленныхъ прямо въ нихъ, зрачокъ въ зрачокъ, глядѣлкахъ инородца и отвѣчали каждому ихъ движенію, какъ будто водимые на невидимой ниткѣ.

— Дѣвка, — ты мою пѣсню пѣла. Знаешь ли ты, что это значитъ въ моемъ народѣ?

Аля молчала.

Тогда Ангыштай положилъ обѣ руки, съ силою, на грудь ея, и она, какъ заведенная машина, сдѣлала то же. И продолжалъ, попрежнему будто испуганный и въ то же время сердясь:

— Когда дѣвушка отвѣчаетъ пѣснѣ мужчины, это значитъ, что она согласна быть его женой. Дѣвка! Никуда ты отъ меня не уѣдешь. Я тебя замужъ беру.

Ты согласилась. Ты мою пѣсню пѣла. Айда въ степь — къ моему народу, къ моей кости!

Онъ говорилъ и крѣпко жалъ ее, и съ каждой фразой рѣзко кивалъ головой, повелительно повышая голосъ. А она слышала, хотя не слушала, и на каждый кивокъ его отвѣчала такимъ же автоматическимъ кивкомъ и, подъ нажатіемъ его рукъ, тихо опускалась къ снѣжной землѣ, сгибаясь безсильными колѣнями, будто ватою набитая, лайковая кукла . . .

И вдругъ — налетѣлъ Духъ! Вихремъ шатнулъ зеленыя стѣны елей и лиственницъ, взметалъ и вздыбилъ до неба облака снѣга, запылавшія ослѣпительнымъ брильянтовымъ серебромъ, закачалъ дикою пляскою черные столбы могильника, потрясъ и оживилъ средній красный столпъ . . . Острый, пронзительный вопль; будто вскричала огромная водяная птица, коротко зыкнулъ по тайгѣ и побѣжалъ въ ея черную глубь, аукаясь съ демонами вѣковыхъ сосенъ . . . А на снѣгу билась, прыгая тѣломъ, будто огромная мохнатая лягушка, багроволицая, съ выкатившимися изъ орбитъ, бѣлыми глазами, Аля, роняя изо рта бѣлую пѣну, судорожно хватая руками мерзлый снѣгъ.

XIV.

Когда она очнулась отъ своего припадка, первымъ ея впечатлѣніемъ была тьма. Вторымъ — огромный зеленый Сиріусъ въ черномъ звѣздномъ небѣ. Третьимъ — что она лежитъ на спинѣ, забросанная мѣхами, въ чемъ-то трясущемся и движущемся. Затѣмъ разслышала однообразно дребезжащее звяканье бубенцовъ, и поняла, что ѣдетъ въ кибиткѣ. Затѣмъ разглядѣла темный мохнатый призракъ на передкѣ кибитки и сообразила, что это долженъ быть Ангыштай.

Онъ замѣтилъ, что дѣвушка пришла въ себя, и съ живостью обернулся къ ней:

— Лежи, лежи, дѣвка! — быстро приказалъ онъ, — смирно лежи! Тебѣ нельзя двигаться: ты больна. Эрликъ жестоко билъ тебя... Когда мы пріѣдемъ домой, въ свой зимникъ, я дамъ ему „ызыкъ“ — лучшую чернобурую лошадь, чтобы онъ впередъ не обижалъ тебя такъ сильно...

Въ голосѣ инородца звучали новыя почтительныя ноты. Припадокъ, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, внушилъ ему глубокое уваженіе къ увезенной дѣвушкѣ, обнаружившей, съ такою силою, одержимость Эрликомъ.

— Но куда же мы ѣдемъ? хотѣла спросить Аля — и не успѣла, схваченная слабостью и налетѣвшимъ, какъ мягкокрылая пушистая птица, теплымъ сномъ.

И звякаютъ, нѣжно поютъ бубенцы на трусящихъ мелкою рысью мохнатыхъ, степныхъ лошадкахъ, и горитъ въ небѣ исполинъ-изумрудъ Сиріусъ, и ухаетъ кибитка по морознымъ ухабамъ, и качается на ея передкѣ Ангыштай. Качается, куритъ трубку, мурлычетъ себѣ подъ носъ довольную пѣсню:

Когда окружитъ разливомъ вода,
Не пройти человѣку ни туда, ни сюда, —
Какъ спастись изъ потопной черты?
Когда побѣдитъ молодыми красами
Мужчину дѣвица съ толстыми косами, —
Какъ отъ страстныхъ желаній избавишься ты?

Лошади пристали, пошли шагомъ. Звяканье бубенцовъ зазвучало медлительно и грустно, въ жалобной разстановочной ясности. На краю, гдѣ снѣжная степь уходила въ небо, блѣдно замаячило слабое зарево. Это была зимовка, уже посылавшая навстрѣчу глухой лай собакъ. Но Ангыштай, не доѣзжая зимовки, свернулъ съ дороги въ степь и, гикнувъ, шибко погналъ коней по снѣжной цѣлинѣ. Обогнувъ зимовку трехверстнымъ

полукругомъ, онъ опять вернулся на дорогу, и лошади трусили, а бубенцы звякали, пока слѣва отъ дороги не зачернѣло что-то большое, похожее на стогъ сѣна. Ангыштай повернулъ лошадей въ ту сторону. Чернизина ночной степи оказалась заброшеннымъ бревенчатымъ балаганомъ старой, покинутой зимовки. Ангыштай спрыгнулъ съ передка, вошелъ ощупью въ бездверныя сѣни балагана, окликнулъ и, убѣдившись, что въ развалюгѣ никого живого нѣтъ, зажегъ спичку, прошелъ въ оставленное жило. Было оно ветхое и щелистое, покосилось стѣнами и нависло потолкомъ, черными, какъ уголь, отъ сажи, вперемежку съ серебромъ инея и напорошеннаго снѣга; полъ вовсе былъ снятъ и унесенъ. Но свѣжіе остатки курной топки на земляномъ полу, запасъ кизяку и тальника въ углу и довольно крѣпкое состояніе наръ показывали, что тутъ нерѣдко прилучаются на ночлегъ путники, почему-либо избѣгающіе встрѣчъ съ людьми на новой зимовкѣ. Первое, что сдѣлалъ Ангыштай, воскресилъ огонь на очагѣ. Оглядѣвъ, при розовомъ мигающемъ свѣтѣ, помѣщеніе, завѣсилъ его единственное безстекольное окно телячьею шкурою, принесенною изъ кибитки, заткнулъ тряпицами наиболѣе зіяющія щели. А затѣмъ уже развелъ большое пламя, наполнившее балаганъ красною пляскою свѣта и ѣдко-пахучимъ дымомъ, который медленно уходилъ въ верхнее отверстіе. Ангыштай быстро и дѣловито переносилъ изъ кибитки кошмы и шкуры, располагая ихъ на нарахъ такъ, чтобы не очень на нихъ текло со стѣнъ, потому что огонь распылался великимъ жаромъ, и балаганъ тотчасъ же началъ оттаивать. Перетаскавъ на нары всю рухлядь, которою была завалена спящая Аля, Ангыштай толкнулъ ее, будя, но она не почувствовала, не проснулась. Ангыштай подумалъ, рѣшилъ, что, очевидно, русскою дѣвкою еще владѣетъ Эрликъ, водящій ея отсутствующую душу невѣсть въ какихъ

далекихъ краяхъ земныхъ, подземныхъ и надземныхъ, и, бережно поднявъ дѣвушку на руки, понесъ ее изъ кибитки въ балаганъ. Ангыштай былъ маленькій, сухой, тощій, черный; Аля большая, полная, пышная, бѣлая. Инородецъ трудно переводилъ духъ подъ тяжестью повисшаго на немъ безчувственнаго тѣла, но сознаніе, что досталась ему добыча, превосходящая его силы, только ярче пламенило побѣдную радость, которая, конечно, уже изливалась стихами:

Хотя и не малая тяжесть твоя,
Но ты наблюдала ли трудъ муравья?
Когда онъ несетъ въ муравейникъ зерно,
Бываетъ и вдвое, и втрое оно
Тяжеле и больше его самого.
Коль ноша пріятна, — снесу! ничего!

И пылалъ огонь, быстро, спѣшно, широко качая миганія своихъ красныхъ глазъ по чернымъ угламъ, вспотѣвшимъ водою. И бредилось Алѣ, не знающей, спитъ ли она или бодрствуетъ, что лежитъ она глубоко въ нѣдрахъ земли, низвергнутая въ огненное царство, и вѣтеръ, обжигающій то жаромъ, то холодомъ, мчитъ надъ нею бурнопламенныя облака и крутитъ дымные черные вихри. Растопились металлы въ жилахъ земли и падаютъ сверху тяжелымъ, медлительно рѣдкимъ дождемъ. Капли ударяютъ тѣло, какъ пуля, обжигаютъ, какъ молнія, леденятъ, какъ градины. И, конечно, то былъ адъ, потому что сквозь дымъ и пламя метались предъ глазами Али голыя коричневыя фигуры, съ единообразными лицами, искаженными сердитымъ испугомъ, съ сойотскими косами, треплющимися по нагимъ плечамъ. И, конечно, то были гнѣвные слуги Эрликъ-хана: аза, айна, чулбусы, албысы и чельбигены, терзатели грѣшныхъ душъ. А сама она, Аля, — тоже обнажен-

ная, — грѣшная, мертвая душа, прикованная къ пыточному столбу, растянутая навзничь на каменной площадкѣ, обреченная на половину сгорѣть, на половину оледенѣть подъ тяжкою капелью металлическаго дождя. Все это было такъ ясно, просто, естественно, что Алю томило только первое неразрѣшимое недоумѣніе:

— Когда же, какъ и отъ чего я умерла?

Но, вотъ, одно пламенное облако лопнуло, будто проклюнутое яйцо, и выпустило круглое, коричневое пятно, похожее на ржаной блинъ. Пятно плыветъ, оставляя за собою трясущійся хвостъ пламени и сажнаго дыма. Прорѣзались и остолбенѣли бѣлыя глядѣлки, тлѣніемъ дохнулъ звѣрочеловѣческій ликъ...

— Эрликъ-Ханъ! — бросило огненное облако искрумысль въ голову Али и спалило ей мозгъ.

Отъ Эрликъ-хана ползетъ тяжелый духъ, отравляющій чувства, оцѣпеняющій волю. Наползъ, обвилъ облакомъ, раздавилъ и задушилъ.

XV.

Замолчалъ сибирячокъ. Молчали и мы. Но нѣкто кашлянулъ густо и еще гуще пробасилъ:

— Такъ-съ . . . А дальше?

— А что дальше? — возразилъ сибирячокъ. — Дальше вамъ уже разсказалъ ботаникъ. А, если вамъ не прискучила сойотская поэзія, могу прибавить еще моральизъ ея запаса:

Если камень забросилъ ты въ рѣку, онъ
канетъ на дно, —
Не всплыветъ, не подымется.
Если дѣвицѣ красной въ кочевье попасть
суждено, —
Окружится семьей — не отымется.

А вѣдь вы слышали, какъ молодой Алчакъ разсказывалъ ботанику, что, уже по первому году, счастливый Ангыштай, онъ же Мамырка, имѣлъ право пѣть другую пѣсню своего народа:

Какъ поѣхалъ я въ Идегетъ,
Завладѣлъ я тамъ бѣлымъ гусенкомъ,
Мой гусенокъ въ Идегетъ былъ дѣвчонка,
Въ Урянхаѣ онъ женщина съ ребенкомъ . . .

Фактъ примите, а въ психологическихъ недоумѣніяхъ разбирайтесь ужъ сами . . . Вы тутъ и писатели, и ученые, вамъ и книги въ руки . . .

Но мы, писатели и ученые, не успѣли взять въ руки предлагаемыя намъ книги.

Прямо подъ окномъ грянулъ ружейный выстрѣлъ. За нимъ другой . . . третій . . . четвертый . . . Послышался быстрый топотъ безмолвно бѣгущихъ людей , . . Потомъ опять топотъ, но уже людей, во все горло ругающихся крѣпкими словами . . .

Гости мои, въ испугѣ, повскакали съ мѣстъ:

— Что такое? что такое?

Но я, привычный житель петроградской окраины, остался спокойно сидѣть.

— Ничего особеннаго, господа . . . Это на огородахъ . . . По воришкамъ, которые капусту таскаютъ . . .

— Изъ ружей-то?

— А то изъ чего же?

— За капусту?

— За капусту.

Послѣдовало краткое молчаніе.

— Вотъ те и столица, культурный центръ, — проворчалъ сибирячокъ.

— Да-а . . . культура! — задумчиво поддакнулъ нѣкто изъ угла.

Опять послѣдовала пауза, прерываемая только тяжкими вздохами.

— А знаете ли, — съ прежнею задумчивостью началъ тотъ же нѣкто изъ угла, — я, пожалуй, отчасти понимаю вашу Алю Павлову.

— Вы отчасти, а я такъ даже не безъ зависти, — вставилъ еще кто-то.

— Да . . . Чѣмъ слышать подобные культурные сюрпризы . . . ну, конечно, супружество съ коричневымъ Мамыркою въ прокоптѣлыхъ халатахъ и ежегодное производство ребятишекъ, впослѣдствіи тоже Мамырокъ, — это ужъ, пожалуй, немножко слишкомъ, не позавидуешь . . . Но — подумайте! — доитъ она теперь тамъ въ степи кобылъ на кумысъ . . . и горюшка ей до всего здѣшняго мало . . . идиллія!

— Ни то ей дѣла до „Ильича“ съ „великимъ Лейбою“, ни то до Чернова, ни то до Павла Николаевича съ Дарданеллами . . .

— „Учредилкой“ не волнуется, „Интернаціонала“ не поетъ . . .

— Еще и слыхала ли она тамъ про революцію-то!

— А мы-то здѣсь . . . въ свободѣ и культурѣ . . . какъ грѣшники въ пеклѣ, кипимъ! . .

— И стрѣляемъ по голодному человѣку, сгащившему кочанъ капусты!

— Да, знаете . . . культура съ капустой подъ ружейной охраной . . . это — того! . . . Нѣтъ, какъ хотите, а я рѣшительно подаю голосъ за Алю Павлову!

— Вотъ только бурханчики ея . . . — заикнулся одинъ голосъ.

— А что бурханчики? — возразилъ сибирячокъ.

— Да глуповато . . . неловко какъ-то . . .

— Пустяки! Подумаешь, мы-то здѣсь, въ центрѣ культуры, бурханчиковъ себѣ не творимъ и по губамъ ихъ сметаною не мажемъ! . . Только у насъ оно сложно

— съ ухищреніемъ всяческаго вранья, съ краснорѣчіемъ, словоизвитіемъ, съ лозунгами, съ плакатами, а у нея коротко и просто: мазнула пальцемъ по войлоку — и баста! Накормила бога, дѣло кончено, — и никакихъ чертей!

— И никакихъ чертей! — согласился нѣкто изъ угла.

Переглянулись мы между собою и . . . всѣ разомъ разсмѣялись, какъ римскіе авгуры . . . Покачали, покрутили головами и, пожавъ другъ другу руки, простились и разошлись . . .

Бабы и дамы

Притча царя Соломона. — Рюи-Блазъ. — Княжнецовы

Притча царя Соломона

— А я вамъ, сударь, скажу: ужъ на что премудръ былъ царь Соломонъ, а и тотъ осѣкался. Самъ говоритъ: „четырехъ вещей на свѣтѣ не понимаю! Выше моего разума! Не могу постичь!“

— Какія же это четыре вещи, Андрей Семенычъ?

— А вещи эти, сударь, суть: почему птица летаетъ; зачѣмъ змѣя гнѣздится на утесѣ, гдѣ ей пищи нѣтъ: какимъ способомъ корабль находитъ свой путь среди пучинъ морскихъ; и — какъ мужская любовь добирается до женщины. Послѣднее же — изъ всего наипаче.

„Я, сударь, изстари, уже тридцатый годъ, служу въ Петроградѣ то въ малыхъ домахъ управителемъ, то въ большихъ старшимъ дворникомъ. Уже самая наша должность такая, что день деньской ходимъ вокругъ квартирантовъ. Значитъ, волею-неволею примѣчаемъ. И, который дворникъ одаренъ любопытствомъ и охочъ размышлять о дѣлахъ человѣческихъ, то даже удивительно, какъ много онъ можетъ примѣтить. А я долженъ вамъ признаться: пристрастенъ къ этимъ качествамъ даже отъ самыхъ моихъ младыхъ ногтей.

„Ну, вотъ, хоть бы и по этой части, что мы теперь съ вами говорили, насчетъ царя Соломона-то . . . Мало ли чудесъ я навидался, по дворамъ бродючи, у воротъ сидючи?

„Разскажу вамъ, ежели угодно слушать, хотя бы такое происшествіе.

„Было восемь лѣтъ тому назадъ, — въ близкой скорости послѣ засмиренія революціи. Служилъ я у инженера Братанова, на Васильевскомъ острову . . . можетъ-быть, изволите знать? Нѣтъ? Богатѣйшій господинъ и домъ прекраснѣйшій. Шесть этажей, пятьдесятъ восемь квартиръ. Никогда ни одна не пустовала, потому что комфортъ-модернъ и всѣ удобства. А самого домовладѣльца, господина Братанова, квартира — бельэтажъ — была отдѣлана, — ну, развѣ что по мачтабу тѣснѣе, а врядъ ли хуже, чѣмъ царскіе покои въ Зимнемъ дворцѣ И бронзы-то, и мраморы-то, и картины-то заграничныя, и статуи . . . все самое настоящее: поддѣлокъ дешевыхъ или, какъ оно говорится, имитаціевъ, — а ни-ни! не терпѣлъ! Что ни вещь, тысячная, да и тысячи-то плачены не дешевенькія . . . Потому что, сударь, зарабатывалъ этотъ господинъ инженеръ Братановъ, то-есть даже удивительно, какъ деньга къ нему плыла: будто рыба въ неводъ!.. А былъ онъ баринъ души широкой и ни себя на работу, ни денегъ на свое удовольствіе не жалѣлъ: большой размахъ жизни окружилъ, будто владѣтельный князь какой-нибудь . . . настоящій былъ баринъ.

„И вотъ, до сихъ поръ я, сударь, почитаю: сколько людей ни знавалъ я на свѣтѣ, но счастливѣе этого господина Братанова не запомню. То-есть, чего только ему не доставало въ жизни? Собой молодчина, въ цвѣтѣ мужчинскихъ лѣтъ, едва перевалилъ за сорокъ, въ дѣлѣ своемъ умница, отъ людей почтенъ, капиталу полна касса. А ужъ барыню ему, сударь, — такъ ужъ истинно сказать надо, что Богъ послалъ. Потому что, не знаю, много ли подобныхъ не то, что въ Петроградѣ, но и во всей Россіи . . . я же, признаться, другой такой не видывалъ.

„Была она изъ хохлушъ или казачекъ, что ли: русская, но южнаго рода. Такъ что отъ прочихъ госпожъ

въ Петроградѣ красотою своею замѣчательною отличалась даже до чрезвычайности. Вы меня извините: я не описатель какой... да и не пристало мнѣ, въ моихъ совершенныхъ лѣтахъ, вникать въ женскіе прелести и соблазны. Но и ростъ-то! и фигура-то! и бѣлизна-то! и косищи-то чернобурыя, — сразу видать: распуститъ, — тальма! Молчитъ, думаетъ, — глазами, какъ звѣздами, свѣтитъ. Заговоритъ, улыбнется, — такъ зубами и сверкнетъ.

„А нравомъ была серьезная и поведеніемъ строгая. Замужъ взята хотя изъ бѣдной семьи, но по любви, и супруга обожала до безпамяти. Не то, что какія-нибудь художества за нею, а, просто, никому и въ голову мысли такой не приходило, чтобы къ госпожѣ Братановой, въ великой ея любви къ мужу своему, могъ подступиться какой-нибудь хахаль. Мы-то вѣдь, сударь, все видимъ за господами, все знаемъ, — только молчимъ, потому что наше дѣло сторона. А то, пожалуйте: хоть по пальцамъ могу перечесть, изъ этажа въ этажъ, изъ квартиры въ квартиру, которая съ кѣмъ, кто съ которою. Ну, а за Еленой Ивановной было чисто: никакихъ проказъ-шалостей, — примѣрная госпожа!.. Да она и изъ дома-то рѣдко выходила: много-много, что передъ завтракомъ или обѣдомъ дѣлаетъ променадъ для моціону и аппетиту, — а больше сидитъ у себя въ будуарѣ, французскую книжку читаетъ, либо въ залѣ на роялѣ играетъ. Отмѣнно играла. Конечно, мы, служители, не велики судьи, — однако, которые изъ насъ имѣлись любители, чтобы посѣщать оперу въ Народномъ Домѣ и тому подобное, находили, что — заправская музыкантша, могла бы концерты давать.

„Казалось бы, сударь, что, имѣя подобную супругу, только и остается доброму человѣку въ счастьѣ жить да Бога благодарить. Но, видно, нѣтъ предѣла нашему грѣху и мужчинской ненасытности. Барыня-то вела себя

чисто, — какъ стеклышко. Ну, а о баринѣ, господинѣ Братановѣ, при всемъ моемъ почтительномъ къ нему уваженіи, сказать того же на себя не возьму. Что загуливалъ и покучивалъ, того ему въ грѣхъ не ставлю: это ужъ такая ихняя профессія, инженерская, что нельзя безъ проклятаго пойла, — кажный подрядъ въ шампанскомъ, будто въ банѣ, моется. А вотъ шамшурокъ отъ этакой прелестной супруги заводить, это ужъ хорошему господину какъ будто и совѣстно. А у него — одна на Морской, другая на Сергіевской, третья у Тучкова моста. Изволите видѣть, каковъ пѣтушишка. Но прятать свои шуры-муры-амуры былъ ловокъ, какъ самый хитрый плутъ, и, сколько онъ по бабственному дѣлу ни безобразилъ, барыня о томъ не вѣдала ни синь-пороха. Шòферы братановскіе чрезъ то въ золотѣ купались: задарилъ за молчаніе. Но шòферъ, каковъ ни на есть, все же нашъ братъ. Противъ барыни — купленъ: значитъ, секретъ, держи слово свято; а отъ своихъ чего таиться? Не выдадутъ! Очень прекрасно мы всѣ бариновы продѣлки знали и всѣ же барыню Елену Ивановну безмѣрно жалѣли. Но докладывать ей, конечно, никто не докладывалъ. Потому что, кто же ихъ, баръ, въ счетахъ ихнихъ разберетъ? Жизнь господская — и дѣло господское, а наша хата съ краю, ничего не знаю. Доложишь, анъ, они сегодня между собой поругались, завтра помирились. А тебя, докладчика, для обозначенія согласія въ семьѣ, въ три шеи со двора: не становись, дуракъ, между мужемъ и женой! Знай свое мѣсто! Держи языкъ за зубами!.. Мѣстами же своими всѣ въ домѣ дорожили, потому что, я же вамъ, сударь, говорю: служить у господина Братанова, ужъ не знаю, лучше ли у Христа за пазушкой!..

„Однако, что же господинъ Братановъ? Видя, что всѣ его шутки-фокусы такъ просто сходятъ ему съ рукъ, поднялся онъ на новый романъ. Ту, свою прежнюю,

что у Тучкова моста, уволилъ съ наградою, а на ея мѣстѣ поселилъ другую, свѣженькую. И была эта другая, сударь вы мой, не иная кто, какъ барынина компаньонка Надежда Игоревна, которую госпожа Братанова недавно отъ себя отпустила, якобы для поправленія здоровья на Кавказъ . . . Анъ, Кавказъ-то ейный вышелъ не дальше Тучкова моста!

„Ну, тутъ мы, служащіе люди, признаться, ужъ очень вознегодовали. Потому что была эта Надежда Игоревна облагодѣтельствована барыней, какъ не всякая мать свою любимую дочь одаряетъ и балуетъ . . . Это уже у нея такая всегдашняя слабость была, у Елены-то Ивановны; какъ собственныхъ дѣтокъ ей Богъ не послалъ, то она доброту души своей расточала на приближенныхъ дѣвицъ — и ужасъ до чего всѣхъ баловала . . . Бывало, какая горничная отъ насъ отойдетъ, то послѣ ни на одномъ мѣстѣ ужиться не можетъ: все ей господа не по нраву, кажутся слишкомъ сердитыми, требуютъ работы много, свободы не даютъ . . . А вѣдь при всемъ томъ, сударь, никакъ нельзя сказать, чтобы Елена Ивановна якшалась съ прислугой своей, какъ иныя прочія барыни. Многимъ вѣдь — самое это обычное и любимое дѣло шушукаться со своими фрелинами о сплетняхъ по сосѣдскимъ квартирамъ. Нѣтъ, была барыня строгая, держала себя въ отдаленіи, даже какъ бы и до надменности: не очень-то сунешься запанибрата! . .

„Однако, когда пошла у господина Братанова эта канитель съ его Надеждой Игоревной, мы все-таки впервые усомнились:

„— Не доложить ли?

„И особенно на томъ настаивалъ ихній братановскій лакей Владиміръ. Ничего себѣ былъ парень, расторопный и изъ себя довольно благопристойный, для своего званія. Бѣлобрысоватъ маленько и глаза телячьи, а на носу зазубрина отъ оспы. Но, какъ вздѣ-

нетъ пенснэ, да барскую шляпу набекрень, да папироску въ зубы, — кавалеръ!.. Жилъ онъ у господъ Братановыхъ не такъ, чтобы давно, годъ либо полтора, и господа были имъ очень довольны. Хорошій слуга. Честный и исполнительный. Пилъ умѣренно и на тотошку не расточался. Въ свободное врéмя книжки читалъ — и намъ многое пересказывалъ. Какъ пойдетъ, бывало, расписывать про господина Черлока Холмица, да про сыщиковъ, да про воровъ, — заслушивались! Съ образованіемъ паренекъ!

„Такъ вотъ-съ, онъ пуще всѣхъ надсажался:

„— Доложить да доложить!

„— Потому что, — кричитъ, — это свыше силъ моего благородства — видѣть, какъ подобную прекрасную женщину обманываютъ и издѣваются надъ ея довѣрчивой душой...

„Кое-кто съ нимъ согласился, поддерживаетъ. Но другіе, большинство, спорятъ:

„— Коли это тебѣ, Владиміръ, такъ загорѣлось, то ты и докладывай. А насъ-то чего смутьянишь — въ смуту тянешь? Докладывай самъ.

„Отвѣчаетъ:

„— А что-жъ вы думали? И доложу. Я предлагалъ вамъ, потому что разсчитывалъ найти въ васъ сочувствующій и смѣлый коллективъ, но, коль скоро вы трусы и полны жалкихъ рабскихъ чувствъ, то, конечно, я буду дѣйствовать одинъ — и доложу.

„На томъ, обругавши насъ всѣхъ, и отошелъ.

„Хорошо-съ. Проходитъ послѣ этихъ нашихъ совѣщаній недѣля, другая. Въ домѣ все мирно и тихо, по-хорошему. На дворѣ апрѣль мѣсяцъ. До Пасхи недалеко.

„Только — однажды, подъ вечеръ, сижу я у воротъ, лузгаю для скуки сѣмечки. Вдругъ, съ хозяйскаго подъѣзда спускается барыня Елена Ивановна и скорыми-

скорыми шагами проходитъ мимо меня — въ сторону, значитъ, къ Невѣ. Я вскочилъ, картузъ съ головы сдернулъ, а она мнѣ хоть бы кивнула: не замѣтила меня, значитъ, — потому что, въ обычай-то, была превѣжливая. Поглядѣлъ я ей вслѣдъ, а у нея въ правой рукѣ саквояжецъ желтенькій качается, и походка ея какая-то не своя, странная. Ну, вотъ, будто это не сама она идетъ, а буря ее несетъ...

„Ахъ, — подумалъ я, — что это? Барыня-то какъ будто не въ себѣ? И какія же это вещи она куда-то понесла? И почему собственноручно?"

„Погодя немного, выскакиваетъ со двора этотъ самый ихній, братановскій, Владиміръ. Котелокъ на затылкѣ, на ходу пальто надѣваетъ, рукава ловитъ, глаза круглые изъ-подо лба выскочили, лобъ въ поту, какъ въ дождѣ, и волосенки на немъ мокрые прилипли, а подъ правымъ глазомъ красное пятно...

„— Андрей Семенычъ! — кричитъ онъ мнѣ, — барыня Елена Ивановна тутъ не проходила? Не видалъ, въ которую сторону барыня прошла?

„Я ему указываю, а между прочимъ гляжу на его подглазицу.

„— Это кто же тебя угостилъ?

„А онъ уже рукава-то поймалъ и замахалъ руками:

„— Некогда, говоритъ, мнѣ некогда... Послѣ разскажу... А теперь долженъ бѣчь — безпремѣнно догнать барыню...

„И — дёру!..

„А ко мнѣ тутъ подошелъ угловой нашъ городовой, и занялись мы съ нимъ пріятнымъ разговоромъ, а послѣ пошли ко мнѣ же въ квартирку чай пить и въ шашки играть. Проблагодушествовали довольное время. На дворѣ уже стало темно. Приходитъ съ верха мальчикъ съ пуговками.

„— Андрей Семенычъ, васъ баринъ требуетъ. Чтобы немедленно.

„Поднимаюсь. На лѣстницѣ меня перехватила Настенька, любимая барынина камеристка. Хватаетъ за руку и шепчетъ:

„— Ахъ, Андрей Семенычъ! Криминалы!.. Вѣдь отъ насъ барыня ушла...

„Я, было, не понялъ.

„— Какая барыня?

„— Что̀ это вы, — Господи! Наша барыня Елена Ивановна... А Надежда Игоревна сейчасъ пріѣхали, по баринову телефону, и отпаиваютъ барина въ кабинетѣ валерьянкой, по случаю сердечнаго припадка... Господи! Вотъ пальба была, вотъ ругались... въ жизнь того не предполагала отъ своихъ господъ!

„— Стойте, — говорю, — Настенька! По порядку! Что̀ вышло?

„— Ахъ, — отвѣчаетъ, — ужъ какой тутъ порядокъ?.. У меня у самой отъ ихняго скандала произошелъ въ головѣ кашеворотъ, и я передъ вами все не тѣ слова произношу... А причиной всему нашъ дурень Владиміръ...

„— Доложилъ, значитъ?

„— Ежели бы только доложилъ, а то на бумагѣ представилъ барынѣ цѣлое сочиненіе, какъ и съ кѣмъ ее баринъ обманывалъ, — за всѣ шесть лѣтъ, чуть не съ самой свадьбы...

„— Здо̀рово!.. То-то онъ давеча такимъ турманомъ со двора вылетѣлъ... Это подъ глазомъ-то у него — отъ барина, что ли?

„— А Богъ его знаетъ: я не примѣтила... Если есть, то — надо быть — отъ него. Потому что, послѣ барынина ухода, онъ очень дерзко ворвался къ барину въ кабинетъ, и опять между ними былъ большой шумъ... А когда онъ отъ барина выскочилъ, то держалъ въ ру-

кахъ паспортъ и деньги пряталъ: знать, получилъ расчетъ.

„— Такъ! — говорю. — Все — какъ по-писанному. Вотъ оно къ чему доклады-то наши ведутъ, когда мы мѣшаемся въ господскія дѣла.

„Позвали меня въ кабинетъ. Баринъ въ креслѣ сидитъ, въ халатѣ, голова завязана, съ лица желтъ, какъ курослѣпъ, — желчь играетъ. Надежда эта Игоревна примостилась подлѣ него на ручкѣ кресла, — маленькая этакая, тоненькая, блѣденькая, въ кудряшкахъ бѣлокуренькихъ, ножки висятъ, — и голову барину ручками держитъ, компрессъ укрѣпляетъ.

„— А, — сказалъ баринъ, меня завидя, — пожалуйста, Андрей Семенычъ, вотъ, получите и немедленно пропишите видъ Надежды Игоревны Маковцевой . . . Она поселяется здѣсь, и прошу васъ и всѣхъ служащихъ видѣть и почитать въ ней хозяйку дома.

„Она ему на это:

„— Сержъ!

„И, что-то быстро-быстро по-французскому, будто заспорила и отговариваетъ, потому что онъ, въ отвѣтъ, сердито затрясъ головою и тоже было-попробовалъ:

„— Муа . . . ву нонъ . . . туа . . .

„Да, должно-быть, по-французскому-то не прытокъ, такъ опять по-русски заворчалъ:

„— Нѣтъ, Наденька, ужъ ты не мѣшайся, позволь мнѣ.

„И, вытаращивъ глазищи, — а бѣлки, даже жаль смотрѣть, совсѣмъ желтые, — какъ заоретъ на меня, точно я у него родную мать зарѣзалъ:

„— А кто Надеждѣ Игоревнѣ хоть взглядомъ не уважитъ, такъ я того выброшу вонъ изъ дома въ пять минутъ, какъ выбросилъ этого мерзавца, Іуду-предателя, который осмѣлился на меня доносы писать!

„Надежда Игоревна ему опять:

„— Сержъ!

„И опять по-французскому. Онъ утихомирился. Тогда я говорю:

„— Намъ, Сергѣй Борисовичъ, это все единственно. Какъ вы есть хозяинъ и мы отъ васъ жалованье получаемъ, то ваше дѣло приказывать, а наше дѣло исполнять. Въ семейственныя же ваши обстоятельства вникать мы никакъ не можемъ и не желаемъ. Вотъ паспортъ прописать и въ домовую книгу занести — это я обязанъ. А какъ вамъ кто приходится, это — не касающее. Но, коль скоро Елена Ивановна покинула нашъ домъ, то куда прикажете ихъ отмѣтить?

„Нахмурился и отвѣчаетъ съ кислотою:

„— А я откуда знаю, въ какіе предѣлы направилась эта сумасшедшая? . . Когда увѣдомитъ, я вамъ сообщу . . . Вѣдь это можно и послѣ. . . . надъ нами не каплетъ.

„— Да, — говорю, — это конечно, можно и послѣ... А лакея вашего, Владиміра, тоже прикажете выписать выбывшимъ или . . .

„Кончить даже не далъ, затрясся, почернѣлъ весь:

„— Духомъ, — кричитъ, — духомъ этого прохвоста чтобы не пахло въ стѣнахъ моего дома! Вонъ! И вещишки его Іудины сію же минуту всѣ на улицу выбросить! Я ему, Искаріоту, покажу, какъ сочинять ябеды!

„Ну, вещишки Владиміровы я на улицу, конечно, не выбросилъ, а поставилъ къ себѣ въ дворницкую, чтобы возвратить, когда онъ за ними придетъ или пришлетъ. Однако день, другой, третій, — нѣту моего Владиміра, хоть въ участокъ о немъ заявляй. На четвертое утро получаю открытку: проситъ прислать вещи по адресу не позже завтрашняго утра, такъ какъ покидаетъ столицу, получивъ мѣсто въ провинцію. Тутъ, знаете, взяло меня любопытство повидать его и самому

повыспросить въ подробности, какъ это, чрезъ него, у барыни съ бариномъ вышло замѣшательство, а у него съ бариномъ, мало-мало, что, — извините за выраженіе, — не мордобой. А наверху у насъ, надо вамъ сказать, тѣмъ временемъ все уже совершенно успокоилось и по линіи пошло, словно никогда дебошу не бывало, и живемъ не по-новому, а какъ вѣкъ жили. Надежда Игоревна барынины комнаты заняла. И, конечно, изъ прислуги, — хотя многія грозились, будто не станутъ служить послѣ жены любовницѣ, — никто не ушелъ. А иные стали ее предпочитать даже больше барыни. Потому что оказалась госпожею очень пріятною — характеръ веселый, нравъ кроткій. Сергѣя Борисовича она забрала крѣпко въ руки. И по сейчасъ неразлучны, тѣмъ паче, что дѣти пошли.

„А что? — думаю, — дай-ка я вещи-то Владиміру не съ младшимъ дворникомъ отправлю, а самъ отвезу?“

„Сказано, — сдѣлано. Завтра, съ утра, взгромоздилъ его скарбъ на пролетку, ѣду по адресу, на Вознесенскій.

„Подъѣздишко грязный, обшарпанный. Меблирашки — для самаго бѣднаго и сѣраго разночинца: только что не углы. Пёръ-пёръ по лѣстницѣ въ шестой этажъ: дыханія не стало. И кошками-то, и керосинищемъ-то, и чадомъ-то кухоннымъ, и изъ ватеровъ-то . . . Ну, и живутъ же иной разъ въ Питерѣ люди-человѣки! Хуже свиней! Тьфу!

„Нашелъ я номеришко Владиміровъ. Стучу. Отвѣчаетъ хрипло:

„— Не заперто. Входите.

„Вошелъ. Мой Владиміръ, — видать, что сейчасъ съ постели, едва брюки натянулъ, — голова всклочена, въ пуху, пиджакъ на ситцевую рубаху накинутъ, — сидитъ у самовара, чай пьетъ. Номеришко — три раза шагнуть вдоль, три поперекъ — только и простора, а

до потолка голова недостаетъ развѣ на вершокъ какой-нибудь. Почти весь колченогою кроватью заставленъ: кромѣ нея да стола подъ самоваромъ да двухъ стульчиковъ деревянненькихъ, и мебели больше никакой нѣтъ. А у окошка, уставя зеркало къ рамѣ, сидитъ, убираетъ голову, женщина. Въ простотѣ. Какъ вошелъ я, потянула сѣрый платокъ на плечи, а юбка на ней голубая, исподняя. Здороваюсь за руку съ Владиміромъ, самъ на женщину кошусь: что за проява?.. Батюшки! — а изъ зеркала-то, черезъ ейное плечо, смотритъ... нѣтъ, вы, сударь, только подумайте: Елены Ивановны — барыни Братановой — прекрасное лицо!

„Я чуть не присѣлъ: за навожденіе мнѣ почудилось... А Владиміръ вокругъ меня юлитъ и старается показать, что ему все вполнѣ обыкновенно, и онъ нисколько не сконфуженъ.

„— Ахъ, — восклицаетъ, — тебя ли я вижу, другъ Андрей Семеновичъ? Какъ это съ твоей стороны любезно, что ты удосужился меня посѣтить.

„И — къ женщинѣ-то:

— Елена, мой другъ, не стѣсняйся: это Андрей Семенычъ, тебѣ извѣстный... свой человѣкъ...

„Она повернулась отъ зеркала, смотритъ на меня въ упоръ — не моргнетъ, глаза темные, спокойные, въ лицѣ ни одна жилка не шевелится, не зарумянилась, не поблѣднѣла. Одною рукою у горла платокъ придерживаетъ, другую изъ-подъ платка мнѣ протягиваетъ и говоритъ:

„— Да и я нисколько не стѣсняюсь... Здравствуйте, Андрей Семенычъ...

„Голосъ ровный. Бьетъ имъ слова, какъ часы звонкіе.

„Я руку беру, но, по привычкѣ, лепечу — иныхъ словъ не могу найти на языкѣ:

„— Желаю здравствовать, барыня . . . Все ли изволите быть въ добромъ здоровьицѣ?

„Она на мою „барыню“ чуть дрогнула бровью — и сію же секунду возражаетъ:

„— Нѣтъ, вы это оставьте . . . Изъ барынь я вышла . . . Не въ томъ теперь сословіи.

„— Какъ вамъ будетъ угодно, — говорю.

„А самъ — все на нее гляжу, глазамъ не вѣрю, чтобы, въ самомъ дѣлѣ, это она была — Елена Ивановна Братанова . . .

„Она на взгляды мои засмѣялась печально этакъ и будто зло.

„— Я, — говоритъ, — я это . . . не привидѣніе . . . не бойтесь! . .

„И — къ Владиміру:

„— Володя, тебѣ, вѣроятно, надо поговорить съ Андреемъ Семеновичемъ? Такъ выйдите, пожалуйста, на короткій срокъ въ коридоръ, а я тутъ немножко приберусь . . . Ужъ извините, Андрей Семеновичъ: тѣсно живемъ, покуда, — когда-нибудь авось расширимся . . .

„Вышли мы съ Владиміромъ въ коридоръ. Онъ на перила лѣстницы присѣлъ, папироску закурилъ, а я стою передъ нимъ.

„— Владиміръ, другъ, объясни ты мнѣ: во снѣ я или наяву? Что это обозначаетъ?

„Онъ плечами пожимаетъ, — ухарь такой, — хвастаетъ.

— Ничего особеннаго . . . въ нынѣшнемъ вѣкѣ очень даже обыкновенно . . . Видишь: въ гражданскомъ бракѣ состою . . . гражданская моя супруга . . .

„Тутъ я на него маленько осерчалъ, что попалъ дуракъ съ случай — выигралъ двѣсти тысячъ на трамвайный билетъ, такъ и зачванился, будто и впрямь человѣкъ, высоко пустую голову поднялъ.

„— Ты, — приказываю, — дубина стоеросовая, передъ мною не форси, потому что я тебѣ въ отцы гожусь, а изволь разсказать толкомъ, какимъ манеромъ этакое у насъ обернулось?

„Отъ моихъ суровыхъ словъ форсъ съ Владиміра слетѣлъ. Признается:

„— А я и самъ, братъ Андрей Семенычъ, не знаю, какъ оно приключилось. Истинно тебѣ говорю. Не то, что не искалъ и не ожидалъ, — и не мечталъ и не желалъ никогда. Кабы недѣлю тому назадъ цыганка нагадала, обругалъ бы, что вретъ. Такъ вотъ какъ-то... сорвалось яблочко съ яблоньки да и свалилось въ руки прохожему молодцу. Плыло облачко по небу, да сѣло на землю... Вѣрь чести!

„И разсказываетъ онъ мнѣ, сударь, такую исторію.

„Какъ написалъ онъ свою бумаженцію о похожденіяхъ Сергѣя Борисовича и о всѣхъ его подлыхъ противъ Елены Ивановны обманахъ, то письма барынѣ въ руки не подалъ, а послалъ по почтѣ, подписавъ, что сочинитель, молъ, сего — одинъ вашъ домашній человѣкъ, который предъ вами готовъ себя обнаружить, когда вы того пожелаете. Получить письмо Елена Ивановна получила, — Владиміръ самъ его отъ почтальона принялъ и къ ней на подносѣ отнесъ, — но сперва оно какъ будто не произвело на нее никакого дѣйствія. День за днемъ... недѣля, а барыня все остается, по видимости, совсѣмъ спокойною. Только стала чаще выѣзжать изъ дома и подолгу не возвращалась. Наконецъ, однажды утромъ, — требуетъ Владиміра къ себѣ. Сидитъ въ будуарѣ своемъ у бюра и держитъ въ ручкѣ это самое посланіе.

„— Это, — спрашиваетъ, — вы писали?

„Владиміръ отвѣтилъ со смѣлостью:

„— Такъ точно. Я-съ.

„— Это все правда, что вы здѣсь излагаете?

„— До послѣдняго словечка, барыня.

„— И все это вы могли бы повторить въ глаза тому, о комъ вы пишете?

„— Хоть сейчасъ.

„Помолчала она. Потомъ:

„— Не надо. Я сама провѣрила васъ. Все правда.

„Владиміръ стоитъ предъ нею — только диву дается, сколь женщина чувствами своими владѣетъ: сидитъ и — точно о погодѣ съ нимъ бесѣдуетъ, а не о томъ, что ее, можетъ-быть, рѣшаетъ на жизнь или смерть.

„Встала.

„— Ну, хорошо, такъ. Сколько я вамъ должна заплатить за это?

„Владиміра это слово толкнуло. Обидѣлся.

„— Не огорчайте, барыня. Развѣ я изъ денегъ?

„Удивилась.

„— Изъ чего же?

„— Исключительно — по великому моему уваженію къ вамъ. Считалъ противнымъ и оскорбительнымъ для достоинства человѣческаго, что этакая достойная и прекрасная госпожа живетъ въ сѣтяхъ презрѣннаго обмана...

„Смотритъ съ любопытствомъ.

„— Вотъ вы какой... идеалистъ! А, можетъ-быть, все-таки возьмете?

„— Не обижайте.

„— Сто рублей?

„— Нѣтъ-съ.

„— Мало? Двѣсти? Триста?

„— Милліонъ предлагайте, — не возьму.

„— Но почему же, однако?

„— Потому что желаю сохранить къ себѣ уваженіе. Ужъ какой же я буду въ вашихъ глазахъ человѣкъ, если своимъ благородствомъ торгую?

„Долго молчала, смотрѣла. Потомъ пожала плечами, какъ предъ чудомъ.

„— Рѣшительно, идеалистъ... Хорошо. Благодарю васъ за услугу. Можете итти.

„Только и всего. Да еще — уже вдогонку:

„— А денегъ отъ меня вы все-таки напрасно не взяли.

„— Не обижайте-съ.

„— Нѣтъ, я не по сомнѣнію въ вашемъ безкорыстіи, — вы его уже доказали, я убѣждена. А потому, что я не могу скрыть отъ Сергѣя Борисовича, кто его разоблачитель. Вы, несомнѣнно, лишитесь мѣста.

„Владиміръ же принялъ геройскую позу:

„— А хоть бы вѣкъ безработнымъ остаться, лишь бы честнымъ себя чувствовать да ваше хорошее мнѣніе сохранить!

„Съ тѣмъ ее и оставилъ.

„Въ скорости пріѣзжаетъ изъ своей должности баринъ Сергѣй Борисовичъ. Веселый пріѣхалъ, удачливый. Но вошелъ въ кабинетъ — и окаменѣлъ: сидитъ Елена Ивановна у его письменнаго стола, потайной ящикъ открыла и корреспонденцію пересматриваетъ...

„— Лёля! Это что?!

„А она какъ пуститъ ему въ лицо Надежды Игоревны портретомъ.

„— А это что?!

„— А это?!

„— А это?!?!

„Письма, карточки фотографическія, счета изъ модныхъ и цвѣточныхъ магазиновъ, отъ ювелировъ — все бѣдному господину Братанову градомъ на голову! Настенька, камеристка, едва заслышала ихъ сурьезный разговоръ, — сейчасъ же къ дверямъ и ухо къ замочной скважинѣ. Слышитъ, — барыня тигрицею рычитъ:

„— Горько мнѣ, горько, что вы противъ меня сейчасъ подлецъ, а вдвое горше, что и никогда вы честнымъ не были, а я, обманутая дура, любила васъ, какъ порядочнаго!

„Тутъ уже и онъ въ ярость пришелъ. Гордый человѣкъ, повелитель, не привыкъ, чтобы имъ помыкали.

„— Ты, — кричитъ, — сама виновата, что я тебѣ измѣняю. Я жизнерадостный человѣкъ, я люблю, чтобы вокругъ меня все ходенемъ-ходило, живо, весело, а ты со своимъ вѣчнымъ роялемъ скучна, какъ литургія преждеосвященныхъ даровъ!

„Такъ и ляпнулъ, потому что онъ, вообще, ужасно скверный на языкъ богохульникъ и кощунникъ, — и не такія словечки еще вывертываетъ. Барыня ему отвѣчаетъ:

„— Можетъ-быть, вы правы. Ни опереткой ни шансонеткой я быть не могу и не хочу.

„— А мнѣ, вотъ именно, нужны оперетка и шансонетка. Что ты добродѣтелью своею чванишься? Женщина, которая желаетъ, чтобы мужъ ее любилъ, должна прежде всего быть для него интересною. А добродѣтель — дѣло прокислое. Не нужна мнѣ твоя добродѣтель!

„— Не нужна?

„Такъ спросила она, что Настенькѣ почудилось, будто ея въ кабинетѣ и не стало вовсе, ушла она куда-то за семь стѣнъ либо въ подземельный погребъ.

„— Да, не нужна! Плевать я на нее хотѣлъ, на твою добродѣтель!

„Но она уже опять свой голосъ нашла и, тоже съ яростью, бросаетъ въ мужа слова, какъ каленыя ядра:

„— А если такъ, если моя добродѣтель только на то пригодилась, чтобы на нее плевалъ безсердечный и неблагодарный человѣчишка, то — пропади же она, моя добродѣтель. Буду, буду такою, какъ вы желаете.

„— Сдѣлай одолженіе! Очень обрадуешь!

„— Буду! Буду!.. Только не съ вами, презрѣнный вы человѣкъ!..

„— Ахъ, вотъ это, дѣйствительно, становится интереснымъ! Съ кѣмъ же, позвольте узнать?

„— Все равно, съ кѣмъ. У меня вашего гнуснаго выбора нѣтъ. Я, кромѣ васъ, мужчинъ не знала. Первому встрѣчному эту вами оплеванную добродѣтель отдамъ... „Пожертвуйте, что̀ вамъ не нужно“... Ха-ха-ха!.. Топчите! Потѣшайтесь!

„— Милыя намѣренія для порядочной женщины!

„— Я больше не порядочная женщина!

„— Да ты помѣшалась!

„— А развѣ можно съ вами остаться въ своемъ умѣ?

„Тутъ ужъ не знаю, какъ у нихъ перескочило опять на Надежду Игоревну, и барыня Елена Ивановна, въ горячихъ словахъ, обозвала ее „служанкой“:

„— Добро бы — на кого, а то на служанку меня промѣняли!

„Сергѣй Борисовичъ такъ и вспыхнулъ.

„— Не смѣйте клеветать на дѣвушку! Какая она вамъ служанка? Стоитъ десяти такихъ, какъ вы. Я ее обожаю и уважаю. Вы недостойны ботинки ей завязывать.

„— Чего я достойна, — объ этомъ спорить не буду. Но я ей ботинокъ не завязывала, а она мнѣ — десятки разъ.

„И откуда только, сударь, у женскаго сословія, даже у самыхъ смирныхъ, — когда онѣ въ бѣшенствѣ, — берутся слова эти изобрѣтательныя, — тѣ самыя, которыя имъ потребны, чтобы мужчину по щекѣ хлестнуть, и дразнятъ хуже, чѣмъ быка — краснымъ платкомъ. А впрочемъ и то сказать: какъ Еленѣ Ивановнѣ было не взлютовать? Тотъ же царь Соломонъ завѣ-

ряетъ, что даже земля трясется, когда блудница выходитъ замужъ, или служанка занимаетъ мѣсто госпожи своей... Слышите ли? Земля трясется, — такъ сердцу ли женскому не потрястись?

„Въ неистовствѣ мечется Сергѣй Борисовичъ, а Елена Ивановна его, какъ медвѣдя долбяжкой, по лбу да по лбу:

„— Служанка... служанка... служанка...

„Тогда уже разгремѣлась между ними такая буря, что, наконецъ, и разобрать не стало — Елена ли Ивановна отъ супружества отказалась и пожелала домъ покинуть, онъ ли ее изъ дому выгналъ.

„Гремѣли, гремѣли, — и, вдругъ сразу стихли.

„Настенька едва успѣла отскочить отъ двери и присѣсть за кадку съ пальмой, какъ Елена Ивановна — черною птицею — пронеслась по залѣ и скрылась къ себѣ въ будуаръ... А двери въ кабинетъ оставила открытыми. Сергѣй Борисовичъ — у телефона. Слышитъ Настенька:

„— Здравствуй, Надя, милая... Поздравь: все кончено... Сейчасъ мы съ Еленой Ивановной объяснились... Больше жить вмѣстѣ не можемъ... Довольно лжи... Я свободный человѣкъ... Часъ, много два спустя, она покидаетъ мой домъ... Возврата и примиренья нѣтъ... Умоляю тебя немедленно пріѣхать и быть здѣсь полною хозяйкою... До свиданія, дорогая... Обнимаю, цѣлую и жду...

„А голосомъ дрожитъ и пляшетъ, — то хрипнетъ, какъ баранъ, то визгнетъ пѣтухомъ.

„Позвонилъ. Настенька посидѣла еще минутку другую за кадкой, чтобы не замѣтилъ, что она подслушивала, и — вошла. Стоитъ баринъ лицомъ къ окну, на улицу смотритъ, — глаза, значитъ, прячетъ, — и, не оборачиваясь на Настенькины шаги, приказываетъ:

„— Приберите здѣсь, пожалуйста . . . бумаги . . . на столъ . . .

„И вышелъ, такъ и не показавъ Настенькѣ лица, сколько любопытная ни косилась.

„По кабинету же писемъ разбросано — бѣло, словно снѣгъ шелъ. На коврѣ что то блеститъ. Нагнулась Настенька поднять: обручальное кольцо. Надпись внутри: „Сергѣй, 15 мая 1901 года", — значитъ, ея, Елены Ивановны . . . Съ руки сняла и — на полъ ли, въ мужа ли бросила, — кто ее знаетъ . . . Вотъ какая характерная женщина! Настенька кольцо, конечно, — въ карманъ . . . Дескать, — отдамъ потомъ, когда поуспокоится и спохватится.

„Однако, сударь, кольцо это и теперь еще, надо полагать, у Настеньки же лежитъ — не въ карманѣ, такъ въ шкатулкѣ. И не по какому-либо дурному съ ея стороны поступку, насчетъ, то-есть, присвоенія, но потому, что и часа не прошло послѣ буйственной барыниной ссоры съ супругомъ, какъ Владиміръ въ передней видитъ: идетъ барыня Елена Ивановна, одѣтая какъ на выходъ, въ шляпѣ, въ рукахъ саквояжикъ маленькій. Лицо все въ красныхъ пятнахъ, а глаза горятъ, какъ звѣриные, и соболиныя брови сошлись на переносьѣ въ черную смычку . . . Идетъ, а предъ собою будто ничего не видитъ: въ дверяхъ плечомъ о косякъ стукнулась, рукою за вѣшалку ухватилась . . . Владиміръ схватилъ съ вѣшалки манто — подаетъ ей . . . А она смотритъ — будто: зачѣмъ?!. Ни вещи своей, ни его не узнаетъ, понимаете . . . Потомъ:

„— А, — говоритъ, — вы . . . Ну, я васъ предупреждала, что вы своего мѣста лишитесь . . .

„Владиміръ отвѣчаетъ:

„— А я вамъ на это имѣю честь вторично доложить: коль скоро я поступилъ правильно и заслужилъ ваше уваженіе, то дальнѣйшее мнѣ безразлично.

„А она, его не слушая, — свое:

„— Да . . . васъ прогонятъ . . . Но, въ утѣшеніе, могу сказать вамъ: вы не одни . . . Я тоже своего мѣста лишилась . . . Ухожу изъ дома . . . Меня тоже выгнали . . .

„Такъ она бормочетъ, а Владиміръ:

„— Сударыня! Ежели противъ васъ оказана такая жестокость, то позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, сопутствовать вамъ . . .

„Она вскинула на него глазищами мрачными:

„— Куда сопутствовать?

„— А куда прикажете, — на предметъ оказанія первой помощи къ вашему устройству . . .

Она все его глазами испытываетъ, такъ и ѣстъ, суровая, будто лютаго врага. И медленно — не то его, не то себя самое — спрашиваетъ:

„— А если мнѣ приказать-то некуда?

„Владиміра даже дрожью передернуло отъ этихъ ея словъ; до того онъ имъ повѣрилъ, и такъ жаль стало.

„— Въ этомъ случаѣ, — настаиваетъ, — тѣмъ болѣе . . . Потому что вы дама неопытная, человѣкъ балованной жизни . . . Гдѣ же вамъ по Питеру мотаться — пристанища искать? Мало ли въ какую бѣду забрести можете!..

„А дверь на лѣстницу между тѣмъ уже открыта.

„Стоитъ барыня на порожкѣ, — въ недовѣріи:

„— Да вы что за благодѣтель такой?..

„Голосъ сухой, усмѣшка презрительная.

„— Нравлюсь я вамъ очень, что ли? Влюблены вы въ меня?

„Ожгло Владиміра. Отвѣчаетъ:

„— Влюбленнымъ въ васъ быть я никакъ не смѣю а — что почитанію моему къ вамъ нѣтъ конца-мѣры . . .

„Елена Ивановна договоритъ ему не дала — перебила:

„— Полно . . . Теперь въ отношеніи меня всякій все смѣть можетъ . . . всякій!

„И въ сторону покоевъ покинутыхъ жестокими взорами, какъ молніями, блеснула — и на томъ будто успокоилась. Только пятна по лицу ея пуще расходились, сдѣлалось оно худое, ядовитое. Подобралась женщина, будто большущая оса кусачая: берегись, — налетитъ, на смерть ужалитъ!

„— Слушайте . . . какъ васъ? Владиміръ . . . Вотъ, я сейчасъ ухожу — и пойду, пойду по улицѣ . . . Провожать меня или, какъ вы выражаетесь, сопутствовать — спасибо, не надо, запрещаю . . . Ну, а если нагоните, — ваше счастье!

„Засмѣялась дико, качнула головой въ шляпѣ перастой и пошла-побѣжала внизъ по лѣстницѣ.

„А Владиміръ на краткую минутку даже зрѣніе потерялъ: закрутились предъ глазами вихри зеленые и красные. И затѣмъ — ужъ и самъ онъ не помнитъ, какъ очутился предъ бариномъ съ глаза на глазъ. И баринъ на него оралъ и наступалъ, а онъ на барина. И, наконецъ, баринъ выхватилъ изъ письменнаго стола его, Владиміровъ, паспортъ и пачку денегъ, да, не считая, ему въ рожу и запустилъ. Отсюда онъ и подглазицу-то красную себѣ добылъ . . . А Владиміру уже не до того, чтобы съ бариномъ досчитываться. Кубаремъ къ себѣ въ каморку, схватилъ котелокъ, пальтишко, да — по черной лѣстницѣ, да — черезъ дворъ, да — въ ворота . . . Тутъ-то я его, оголтѣлаго, и видѣлъ, какъ онъ мчался.

„— Бѣгу по линіи и всѣхъ встрѣчныхъ спрашиваю: „не видали ли, чтобы вотъ такая барыня прошла, — сама больно видная и красивая, манто и шляпа черныя, на манеръ траура?“ Дама примѣтная, — показываютъ люди, по свѣжему слѣду бѣжалъ . . . По Николаевскому мосту лечу — думаю: „Ежели не догоню, въ

Неву кинусь, потому что теперь тутъ вся моя жизнь...“ Анъ, — гляжу вдаль по Англійской набережной: она! ея черная шляпа перьями мелькаетъ!.. Я — какъ наддалъ... А она, — вижу издали, — лихача-извозчика повстрѣчала, торгуетъ... сѣла... ахти, уѣдетъ! ахти, мнѣ пропадать!.. Да, видно, угодникъ мой за меня добре помолился, — не далъ бѣсу вынуть душу изъ тѣла!.. Вижу: извозчикъ коня оборачиваетъ, ѣдетъ аккуратъ мнѣ навстрѣчу... Я, какъ поровнялись съ тротуара черезъ улицу разбѣжался, — прямо въ пролетку вскочилъ:

„— Вотъ онъ, — говорю, — я. Догналъ.

„А самъ отдышаться не въ состояніи. Никакихъ легкихъ не осталось. Сердце замерло. Въ спину колетъ. Въ седьмомъ поту моюсь.

„— Да, — отвѣчаетъ, — догнали. Значитъ, судьба.

„Тутъ я ее прямо въ эти вотъ номеришки и привезъ...

„— Лучше-то не могъ выбрать! — попрекнулъ я Владиміра.

„Но онъ папироской затянулся, руками развелъ:

„— Милый ты мой другъ, Андрей Семенычъ! Самъ знаю, что нехорошо, яма. Да — какъ быть? Посмотри ты на нее, посмотри ты на меня: куда въ пристойный отель подобную необыкновенную пару пустятъ? Еще если бы при насъ былъ тяжелый багажъ... Но съ нею — одинъ саквояжишко въ рукахъ, а я изъ дома выбѣжалъ, имѣючи только часы на жилетѣ да носовой платокъ въ карманѣ... А здѣсь гостей не разбираютъ, кто зачѣмъ, только деньги плати... ну, и насчетъ паспортовъ не придираются... Развѣ-жъ я не понимаю, что трущоба? Я и предъ Еленой Ивановной, какъ привезъ ее, ужъ извинялся, извинялся... Но она отвѣтила:

„— Все равно, гдѣ жить.

„И вотъ, Андрей Семенычъ, остались мы съ ней вдвоемъ, — и жутко стало: хвать-хвать, а сказать-то ей — мнѣ нечего, говорить-то я съ нею не умѣю . . . Отъ простой души говорить, — боюсь: необразованно складывается. А — что̀ изъ романовъ могу, — стыжусь: которое ни вспомню, глупымъ представляется; — осмѣетъ . . . А она сидитъ на стулѣ, прямая, строгая, въ окно смотритъ, не моргаетъ. И, — хотя ты видѣлъ, каково просторны наши палаты, и я по нимъ изрядно суетился, стараясь придать имъ хоть малое благообразіе, — но сдавалось мнѣ, что она, даже и въ этой тѣснотѣ, меня не замѣчаетъ и едва ли помнитъ о моемъ присутствіи, кто я таковъ . . .

„— Елена Ивановна, — говорю, — можетъ-быть, вы чего-нибудь покушали бы?

„— Нѣтъ, благодарю, не хочу.

„— Хоть чайку не прикажете ли?

„— Чаю выпью.

„Заказалъ я самоваръ, а самъ — фуражку на голову да въ ближній магазинъ: купилъ къ чаю варенья, печенья, прикусковъ разныхъ, икры зернистой полфунтика, балычку, конфетъ кузнецовскихъ фунтъ, яблочковъ, полубутылочку шампанскаго, портерку, — на случай, если обойдется у насъ по-хорошему, чтобы справить новоселье. Возвращаюсь, — Елена Ивановна лежитъ на кровати, какъ была, одѣтая, только шляпу сняла, — оставила на столѣ. Лицомъ къ стѣнѣ и не движется. Думалъ: спитъ. Заглянулъ сбоку: нѣтъ, — глаза открыты. Молчитъ. Предложилъ чаю. Привстала на локоть, выпила чашку и — опять носомъ въ стѣну. Молчитъ.

„— Еще прикажете?

„— Благодарю, не хочу.

„Только и разговора. Ахъ ты, Боже мой! Ну, нѣтъ, — вотъ, нѣтъ и нѣтъ у меня для нея словъ, хоть

ты тресни!.. Съ горя да скуки я — почитай, что всѣ эти прикуски, которые принесъ, поприжевалъ, чаю стакановъ мало, если семь, выпилъ и сдѣлался сытъ ужасно, такъ что даже совѣстно. На дворѣ, между тѣмъ, двѣнадцатый часъ ночи. А она, Елена Ивановна, все та же: лежитъ въ стѣну носомъ, не движется, молчитъ. Неловкость прежестокая. Тѣмъ болѣе, что я, съ дневной тревоги, тоже усталъ и разбился изрядно. Кабы диванчикъ какой, — пяти рублей не пожалѣлъ бы, чтобы ноги вытянуть . . . А стулья-черти крохотные, твердущіе: разбирай, парень, то ли ты свое тѣло покоишь, ли тебя на колъ посадили. Го-о-споди! Неужели до свѣту мнѣ муку сію терпѣть будетъ?!

Полночь перешли . . . половина перваго . . . часъ . . Не выдержалъ я. Всталъ у кровати, кашлянулъ. Не слышитъ. Еще. Не слышитъ. Окликаю со всею почтительностью:

„— Елена Ивановна, а, Елена Ивановна . . .

„Зашевелилась, отняла голову отъ подушки.

„— Вы Елена Ивановна, можетъ-быть, дали бы себѣ покой на ночь?.. Второй часа . . . Что же вамъ такъ себя утруждать — спать одѣтой?

„Она приподнялась — обоими локотками въ подушку оперлась, голову, въ сбившейся прическѣ, назадъ запрокинула, — а лицо-то — камень бѣлый, а глаза-то — ночь ночью . . .

„— Ахъ, да . . . — говоритъ, — простите . . . Вѣдь еще черезъ это надо пройти . . . Хорошо . . . Повинуюсь . . .

„Ну, и — вотъ, какъ ты видѣлъ и слышалъ: нынѣ я ей „ты“, и она мнѣ „ты“, она мнѣ Елена, я ей Владиміръ . . .

„— Такъ, — говорю. — Всякія чудеса бываютъ на свѣтѣ, но и твое, Владиміръ, не изъ послѣднихъ. Значитъ, имѣемъ честь поздравить васъ съ беззаконіемъ!

„— На беззаконіе, — отвѣчаетъ, — наплевать. Гражданскій бракъ нынѣ у всѣхъ въ признаніи паче церковнаго. А бѣда моя — что разговора у меня съ нею недостаетъ. Насчетъ всего прочаго — осмѣлѣлъ, а — чтобы бесѣдою развлечь и вниманіе занять — конфужусь.

„— Неужели такъ и играете въ молчанку по цѣлымъ днямъ?

„— Да, пожалуй, что въ этомъ родѣ... Обидно, знаешь, предъ этакою женщиною себя дуракомъ явить, а на умишко свой необразованный не очень надѣюсь... ну, и липнетъ языкъ къ гортани...

„— Это ничего, — утѣшилъ я, — временное дѣло... Она обтерпится, ты попривыкнешь, — заговорите. А вотъ есть ли у насъ чѣмъ жить?

„Но денегъ у нихъ, сударь, нашлось достаточно. Въ той пачкѣ, что Сергѣй Борисычъ вышвырнулъ Владиміру въ расчетъ, оказалось до тысячи рублей. А Елена Ивановна, хотя отказалась отъ бывшаго своего супруга принять хотя бы одну копѣйку, но вытребовала свои приданыя вещи и, что̀ продавъ, что̀ заложивъ, выручила довольно порядочную сумму.

„— А, сверхъ того, работать собирается: помогать мнѣ своимъ трудомъ...

„— Ну, что̀ она можетъ! Такого ли воспитанія!

„— Говоритъ: „что̀ ты, то и я“...

“— Того не доставало! Ты, Владиміръ, до тридцати трехъ годовъ по господамъ жилъ. Другое что̀ дѣлать врядъ ли и умѣешь: тоже балованный человѣкъ. Такъ неужто же и ее въ люди пустишь?

„— Нѣтъ, это пустое, гдѣ ей ходить по мѣстамъ!.. А вотъ есть у меня въ Курской губерніи братъ трою-

родный, на полустанкѣ буфетъ держитъ. Но, какъ онъ самъ человѣкъ пьяный, а жена его баба глупая, то дѣло у нихъ не спорится, и желаютъ они съ нимъ развязаться. Такъ мы съ Еленой рѣшили попробовать своего счастья: не осилимъ ли?

„— Это туда-то ты, — писалъ въ письмѣ, — и ѣдешь?

„— Туда и ѣдемъ.

„Туда и уѣхали. И послѣ того я, сударь, никогда ихъ обоихъ не видалъ и писемъ отъ нихъ не получалъ. Но отъ знакомцевъ, которымъ тотъ полустанокъ извѣстенъ, случалось слыхать — и даже еще совсѣмъ недавно, что — ничего, живутъ. Домъ купили. Дѣти есть. Стало-быть, прочно. Потому что я, сударь, того мнѣнія, что и съ Сергѣемъ Борисовичемъ-то у Елены Ивановны разорвалось не отъ чего другого, а отъ ихней напрасной бездѣтности. Онъ дѣтокъ имѣть не хотѣлъ, а она, изъ любви къ нему, такой его блажи подчинялась. Небось, были бы ребятки, не такъ-то бы легко обручальными кольцами швырялись . . . Дѣти — они — цѣпь!

„Такъ вотъ, сударь вы мой, — къ концу сея исторіи еще и еще вамъ повторю, что при началѣ сказалъ. Не дуракъ онъ, выходитъ, былъ — царь Соломонъ-то. Истинно, истинно, что — „три вещи непостижимы для меня, и четырехъ я не понимаю: пути орла въ небѣ, пути змѣя на скалѣ, пути корабля среди моря и пути мужчины къ юницѣ“. Послѣдняго же изъ четырехъ — наипаче!“

Рюи Блазъ.

I.

Лакея Лаврентія господа Подтягины уволили, причемъ госпожа Подтягина едва согласилась подписать ему хорошій аттестатъ. Лакей Лаврентій чувствовалъ себя очень обиженнымъ, потому что полагалъ, что его уволили несправедливо. Пропавшихъ серебряныхъ щипцовъ для сахара онъ не бралъ. А между тѣмъ, хотя объ этомъ, по отсутствію доказательствъ, тактично не упоминалось при расчетѣ, но онъ очень хорошо зналъ, что именно щипцы и рѣшили участь его въ домѣ господъ Подтягиныхъ. Что онъ, выпившій, нагрубилъ самой, это онъ признаетъ. Но вѣдь онъ извинился и за грубость, и за нетрезвое поведеніе, — за что же, послѣ того, еще гнать человѣка! Съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ. Наконецъ, если онъ написалъ любовное письмо боннѣ, то кому до этого дѣло? Это его частный интересъ! Письмо было самое почтительное, а влюбляться никому не воспрещается. Обидѣвшись и нажаловавшись, бонна доказала тѣмъ только свою глупость. Подумаешь: велика фря — бонна за столъ и комнату! Только что чисто одѣвается да обѣдаетъ за однимъ столомъ съ господами, а то Лаврентій видалъ и не такихъ толстомясыхъ...

Это все барыня Любовь Ивановна! А барыня противъ него потому, что ее настраиваетъ ея довѣренная камеристка Ланя. А Ланѣ надо было выжить Лаврентія отъ Подтягиныхъ для того, чтобы устроить на его мѣсто своего жениха Федора Картинкина, который шляется безъ мѣста съ тѣхъ поръ, какъ его прогнали отъ Столбоватовыхъ за то, что онъ сталъ пользоваться для прогулокъ господскими шубами... Бабы съѣли Лаврентія! Охъ, ужъ эти бабы... кого онѣ не взлюбятъ, тому, пиши пропало, въ домѣ не житье.

Однако противъ бабъ, его съѣвшихъ, Лаврентій почему-то не былъ такъ зло настроенъ, какъ противъ самого домохозяина, Андрея Александровича Подтягина.

— Я ли его не уважалъ? Я ли ему не служилъ? Я, можетъ, почиталъ его первымъ человѣкомъ въ Россіи... Что для него, что для барышни Елены Андреевны готовъ былъ на всякую услугу... При трудныхъ господскихъ дѣлахъ жалованья мѣсяцами ждалъ, словечкомъ не заикался... Сынъ отца столько уважать не можетъ, какъ я барина Андрея Александровича... Кабы я ему безполезенъ былъ, а то вѣдь и въ хвостъ и въ гриву... Даже на собранія разныя посылаемъ былъ, подъ видомъ акціонера, чтобы подавать голосъ за ихнюю партію... А мое ли лакейское дѣло выдавать господину векселя для учета въ банкахъ? А вѣдь, бывало, какъ денежная заминка въ домѣ, а векселедателя дружественнаго нѣтъ, — кого пишутъ? Потомственнаго почетнаго гражданина Лаврентія Флегонтова Бровкина... А я потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ и не бывалъ отродясь... откуда?.. Изъ бронницкихъ мѣщанъ, унтеръ-офицеръ запаса... всѣ наши чины!.. Конечно, что опасности въ томъ я никакой не имѣлъ, равно, какъ и риску, потому что баринъ въ платежахъ аккуратнѣйшій, а мнѣ, что ни вексель подобный, красненькая, а то, гляди, и четвертная за ус-

лугу... Но все же, случись такой грѣхъ — помри, скажемъ, баринъ въ одночасье, или объявись онъ банкрутомъ, вѣдь я бы оказался обязаннымъ плательщикомъ... Оно, положимъ, что̀ съ меня, гольтепы, взыскать? — взятки гладки... Однакоже, стало-быть, долженъ я тогда принять на свое имя несостоятельный срамъ... и мало ли черезъ то какія помѣхи въ дальнѣйшей жизни!.. И, при всемъ томъ, — безъ всякихъ колебаній! Ни малѣйше!.. А онъ меня промѣнялъ на бабьи сплетни... выдалъ... не заступился... Ему бы горою за меня слѣдовало встать! А онъ подъ бабью музыку запѣлъ... У, подбашмачный насѣкомый! Ладно! Помянешь Лаврентія добромъ! Наживи-ка другого такого!..

Всѣ эти жалобы и соображенія Лаврентій высказывалъ послѣ того, какъ, изгнанный изъ подтягинскаго рая, устроился въ тѣснѣйшей, грязнѣйшей и мрачнѣйшей комнатушкѣ, снятой отъ жильцовъ полуподвальной квартиры на Вознесенскомъ проспектѣ, и облюбовалъ, въ качествѣ клуба, ближайшую, наиболѣе посѣщаемую чайную. Слушателемъ его былъ весьма потертый, и въ платьѣ и во всемъ тощемъ существѣ своемъ, чахоточный длинноносый господинъ, съ безцвѣтною козлиною бородою-мочалою и выпученными, изъ-подъ темныхъ и воспаленныхъ вѣкъ, сѣрозеленными глазами. Изъ жалобъ Лаврентія его наиболѣе заинтересовалъ разсказъ о векселяхъ. Разспрашивая, козлобородый господинъ узналъ еще ту подробность, что, въ качествѣ векселедателя, Лаврентій, вдобавокъ, и не самъ подписывалъ документы.

— Находилъ господинъ Подтягинъ, что почеркъ у меня нехорошъ и правописанія не имѣю: срамъ и подать подобный вексель, невѣроятно, чтобы потомственный почетный гражданинъ такъ мерзко писалъ...

Козлобородый господинъ даже завертѣлся на стулѣ.

— И много такихъ векселей было писано? — спросилъ онъ скромно и сдержанно.

— Прошло много, — отвѣчалъ Лаврентій съ хвастливою небрежностью. — Только я же вамъ докладывалъ, что всѣ выплачены... Одинъ, кажется, еще болтается... — онъ назвалъ банкъ. — Маленькій, на пятьсотъ рублей, — чуть ли не на этой недѣлѣ ему срокъ...

— Такъ-съ, — съ нѣкоторымъ волненіемъ продолжалъ экзаменовать козлобородый и длинноносый. — А позвольте узнать: если господинъ Подтягинъ вашимъ почеркомъ былъ недоволенъ, то кто же за васъ подписывался? Самъ онъ, что ли?

— Нѣтъ, какъ можно, чтобы руки были одинаковыя съ бланкомъ?.. Родственница у нихъ въ домѣ живетъ, призрѣна ими, помогаетъ барину по письменной части, такъ ей поручалъ...

— Ловко! — воскликнулъ козлобородый и судорожно потеръ ладонь объ ладонь огромными, красными, худыми, какъ грабли, руками. — Чрезвычайно ловко это выходитъ для васъ, Лаврентій Флегонтовичъ!.. Какъ погляжу я на вашу простоту, вы сами того не подозрѣваете, что держите въ рукахъ свое счастье... Вы говорите, на сколько — на пятьсотъ, что ли, рублей послѣдній вексель?

— На пятьсотъ.

— А позвольте узнать чрезъ нескромный вопросъ: личныхъ сбереженій у васъ въ ссудо-сберегательной кассѣ наберется на подобную сумму?

Лаврентій хвастливо пріосанился и съ важностью сказалъ:

— Что жъ? Передъ вами, какъ дѣловымъ человѣкомъ, я не имѣю резоновъ скрывать мой секретъ насчетъ средствъ капитала... Человѣкъ я непьющей жизни, на дѣвокъ не трачусь, а жилъ по хорошимъ

мѣстамъ и доходы имѣлъ большіе... До восьмисотъ набѣжитъ.

Тогда козлобородый почтительно коснулся лежащей на столѣ огромной, пухлой, бѣлотѣлой сквозь черные волосы, руки Лаврентія, съ большимъ стразовымъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ, и съ тихою, вкрадчивою довѣрчивостью произнесъ:

— Угодно вамъ рискнуть на флаконъ коньяку? Въ такомъ случаѣ я научу васъ, какъ вамъ, чрезъ этотъ господина Подтягина глупый вексель, обезпечить себя на всю жизнь и получить сумму, можетъ-быть, вдесятеро бо̀льшую... А будете богаты — авось не забудете моего добра, подѣлитесь съ бѣднымъ человѣкомъ... Многаго не спрошу: сотенку выбросите, — я и сытъ.

II.

Андрей Александровичъ Подтягинъ, пятидесятилѣтній петербургскій красавецъ-баринъ, зарабатывающій техническою конторою тысячъ 25 въ годъ, а проживающій, какъ водится, 40 и потому вѣчно вертящійся въ кругу банковаго учетнаго оборота, очень гордился своею платежною аккуратностью. Блюлъ сроки векселей своихъ педантически и никогда ни одного не допустилъ не только до протеста, но даже до платежа у нотаріуса. Это весьма поддерживало и расширяло его кредитъ. Хотя банки отлично знали, что Подтягинъ „вертится“, но слава хорошаго, вѣрнаго плательщика держалась за нимъ крѣпко, равно какъ и вѣра, что рано или поздно Подтягинъ „выкрутится“. Въ безконечномъ оборотѣ учитываемыхъ векселей онъ переплачивалъ банкамъ процентами тысячъ десять въ годъ. Такъ какъ всѣ знали, что это онъ платитъ, и его кредитъ — дѣйствительно его кредитъ, то векселедателями Подтягина въ банкахъ не то, что мало интересовались,

а даже вовсе не интересовались: лишь бы не было фиктивныхъ лицъ.

— А то, — съ добродушнымъ цинизмомъ сказалъ Подтягину директоръ одного изъ солидныхъ банковъ, — если вы, Андрей Александровичъ, представите векселъ кота вашего, и тотъ учтемъ.

Веселый, живой, въ духѣ, разрумяненный морозомъ, сверкая алмазными подъ золотымъ пенснэ очами, вѣя роскошною черною съ просѣдью бородою, вошелъ Андрей Александровичъ въ банкъ. Поговорилъ и пошутилъ со знакомыми служащими, каждому сказавъ нѣсколько пріятныхъ словъ и въ обмѣнъ получивъ таковыя же. И съ радостнымъ чувствомъ человѣка, исполняющаго свой долгъ въ дѣлѣ, по которому ему вѣрятъ, и въ мѣстѣ, гдѣ его любятъ и уважаютъ — прошелъ къ платежной кассѣ.

— Получать-съ? — улыбнулся ему изъ-за рѣшетки давно знакомый артельщикъ-кассиръ.

— Нѣтъ-съ, платить-съ... — комически раскланялся предъ нимъ Подтягинъ.

— То-то какъ будто на ваше имя ассигновокъ нѣтъ... А что платите?

— Пятьсотъ... Векселедатель Бровкинъ...

Кассиръ изъ-за рѣшетки махнулъ рукою.

— Можете спрятать въ карманъ.

— Что такъ? Уже денегъ не берете? — шутилъ Подтягинъ.

Но кассиръ объяснилъ:

— Повезло вамъ, Андрей Александровичъ. По векселю вашему уже сегодня утромъ послѣдовала уплата отъ векселедателя. Пятьсотъ рубликовъ у васъ въ прибыли. Шампанское съ васъ.

Подтягинъ былъ очень удивленъ и недовѣрчиво смотрѣлъ на кассира, продолжая держать пачку сторублевокъ въ недвижно вытянутой рукѣ. Кассиръ замѣтилъ его изумленіе и, истолковавъ по-своему, весело подмигнулъ:

— Что? Не ожидали? Паренекъ-то, видно, того... не изъ надежныхъ? Онъ и съ виду мнѣ показался чудакомъ какимъ-то: порядочное-таки хамло... И гдѣ только вы такихъ достаете?

— Дѣйствительно, не ожидалъ, — оправился и заставилъ себя улыбнуться Подтягинъ. — Уничтоженъ исправностью Бровкина... былъ увѣренъ, что мнѣ за него платить придется... Такъ что вексель мой, значитъ, теперь у него?

— Какъ водится, Андрей Александровичъ, — отвѣчалъ кассиръ съ нѣкоторымъ удивленіемъ на такой недѣловой вопросъ такого дѣлового человѣка. — Все — какъ слѣдуетъ, съ надписаніемъ объ уплатѣ и нашимъ клеймомъ. Не безпокойтесь, вторыхъ денегъ не заплатите.

— Да я и не безпокоюсь, — сказалъ Подтягинъ, медленно укладывая въ бумажникъ свои сторублевки. — Почаще бы подобные сюрпризы... дѣла лучше шли бы.

— А шампанское за вами! — крикнулъ ему вслѣдъ кассиръ, когда онъ уходилъ.

III.

Подтягинъ не замѣтилъ, какъ онъ въ сани сѣлъ, какъ доѣхалъ до своего дома, какъ вошелъ въ квартиру... Холодный ужасъ оцѣпенилъ его столбнякомъ.

Онъ сразу понялъ, что выкупъ векселя Бровкинымъ есть мстительная угроза, которой послѣдствіемъ — что будетъ?

А что̀ угодно Бровкину, то̀ и будетъ.

Отнынѣ Подтягинъ весь въ его рукахъ.

Захочетъ погубить въ конецъ, — заявитъ судебному слѣдователю о подлогѣ своей подписи, и... пожалуйте, Андрей Александровичъ, садитесь на скамью подсудимыхъ! Если даже оправданнымъ съ нея сойдете, то прости-прощай вся ваша служебная и дѣльцовская карьера, все ваше общественное положеніе, весь вашъ кредитъ, весь вашъ семейный комфортъ и укладъ!..

— Нищими, да, да, просто-таки нищими можетъ пустить по міру, подлецъ! — стоналъ Андрей Александровичъ, звѣремъ понурымъ бродя, въ одинокой тоскѣ, по кабинету своему. — Да и нищими-то изъ тѣхъ, предъ которыми захлопываются окна, и добрѣйшіе люди отвѣчаютъ: „Богъ подастъ“.

Покурилъ, отуманилъ мысль, притупилъ нервы, — легче, спокойнѣе стало, заработалъ разсудокъ.

Какая польза Лаврентію Бровкину отъ его, Андрея Александровича Подтягина, конечной погибели? Да и, если бы хотѣлъ погубить, такъ могъ бы уже сдѣлать это, не признавъ своей подписи на самомъ бланкѣ, у кассы, при уплатѣ...

И вновь холодъ протекъ по всѣмъ жиламъ Подтягина, когда онъ вообразилъ всю огромность и громкость скандала, которымъ только-что рисковалъ въ банкѣ, пріѣхавъ туда такимъ безпечнымъ и веселымъ.

— Нѣтъ, это не то... Не погубленіе — другая цѣль... Какая?.. А что̀ можетъ быть на умѣ у прогнанаго лакея?.. Деньги?.. Самъ ли догадался, другой ли кто научилъ, но — сообразилъ, что, рискнувъ пятьюстами рублей, получить въ руки документъ, за который я не пожалѣю многихъ тысячъ... Готовься, Андрей Александровичъ,пѣть въ когтяхъ шантажиста!..

А насколько они тебя исцарапаютъ, — зависитъ отъ аппетита... Если дуракъ, то сорветъ сразу кушъ, а документъ возвратитъ, — значитъ, и кончено... О! если бы только такъ и было! Пусть возьметъ пять... десять... пятнадцать... двадцать тысячъ... У меня ихъ нѣтъ наличными, но займу, заложусь, запродамся... Ничего! когда-нибудь выпутаюсь, выплачусь... такія ли обязательства выплачивалъ!.. Но если онъ не о разовомъ срывѣ мечтаетъ, а наложитъ на меня дань пожизненную, да и примется затѣмъ играть мною, какъ кошка мышью? Сегодня подай ему столько-то, завтра столько-то... Устрой это, сдѣлай то... Кровь вѣдь выпьетъ, негодяй, изсосетъ, какъ паукъ муху, въ паутинѣ, отравитъ жизнь въ каждомъ днѣ и часѣ!.. Рабство? Съ моимъ-то характеромъ!.. Да вѣдь я же не выдержу и недѣли такого наругательства... съ ума сойду!.. убью его, собаку!.. пулю себѣ въ лобъ пущу!.. Гробъ, каторга, камера въ домѣ умалишенныхъ — все лучше висѣнія на этакой дыбѣ пыточной! Ну, а затѣмъ медлить и откладывать нечего, будемъ дѣйствовать!.. Прежде всего надо разыскать этого мерзавца. Я объяснимся сразу и напрямикъ... Адресъ свой онъ, конечно, прислугѣ оставилъ.

Однако, пообдумавъ, Подтягинъ нашелъ, что спрашивать прислугу объ адресѣ Лаврентія неловко и подозрительно: зачѣмъ лично ему можетъ понадобиться мѣсто жительства выгнаннаго лакея, съ которымъ покончены всѣ счеты?.. Вмѣсто того онъ позвонилъ, приказалъ подать лошадь и поѣхалъ въ адресный столъ.

Лаврентія Бровкина Подтягинъ разыскалъ очень скоро, засталъ его пріѣздомъ своимъ врасплохъ, одного, безъ совѣтчика, и очень сконфуженнымъ. Онъ никакъ не ожидалъ, чтобы Андрей Александровичъ, котораго Лаврентій уважалъ и боялся даже и въ те-

перешнемъ своемъ озлобленіи, появился, во всемъ своемъ великолѣпіи, въ грязномъ его полуподвальчикѣ. Будь Андрей Александровичъ болѣе тонкимъ психологомъ, онъ сразу бы покончилъ свой вопросъ, покоривъ Лаврентія нѣсколькими мягкими словами полуупрека, полуласки. Но онъ ошибся. Замѣтилъ смущеніе Лаврентія, истолковалъ его, какъ испугъ, и обрадовался:

— Ага! Да онъ труситъ?! Погоди же, я тебя!

И съ мѣста началъ на Лаврентія „орать".

Лаврентій, по первому началу, дѣйствительно, оробѣлъ-было. Но, вспомнивъ, какую онъ имѣетъ за собою силу, мало-по-малу началъ огрызаться, вошелъ въ азартъ. И вскорѣ повернулось дѣло такъ, что оралъ уже онъ и кулакомъ по столу стучалъ, и ногами топалъ, а Подтягина стало и не слышно... Наконецъ оба надорвались, умаялись, умолкли въ невольной передышкѣ.

— Довольно... — возобновилъ переговоры Подтягинъ, стараясь быть спокойнымъ, — будемъ говорить, какъ разумные люди... Объяви свою цѣну... Сколько ты хочешь за документъ?

Лаврентій, совсѣмъ еще не успокоенный, взглянулъ на Подтягина звѣрь звѣремъ.

— Сто тысячъ.

Подтягина обдало жаромъ и холодомъ.

— Я не въ шутку тебя спрашиваю. Говори серьезную цифру.

— Я и не шучу съ вами нисколько. Сто тысячъ.

— Ты съ ума сошелъ?

— Дай Богъ вамъ такъ въ умѣ быть. Еще мало спросилъ. Да ужъ сболтнулъ языкъ, — отъ сказаннаго не спячусь. Пользуйтесь, ваше счастье!

— Ты знаешь, что такихъ денегъ у меня нѣтъ и быть не можетъ.

— А мнѣ какое дѣло?

— Ты что же — задушить меня хочешь?

— А за что я васъ буду жалѣть?

— Звѣрь же ты, послѣ того, Лаврентій? Подлый человѣкъ!

— Отъ подлеца слышу.

— Убью! — кликнулъ Подтягинъ.

Но Лаврентій проворно отскочилъ отъ него за столъ и изъ-за баррикады зарычалъ, себя не помня:

— А ежели вы такъ, то я на весь домъ закричу, что вы ко мнѣ съ разбоемъ пришли отнимать денежный документъ. Жуликъ несчастный! Смѣетъ на честныхъ людей съ кулаками бросаться.

— Это ты-то честный человѣкъ? — злобно захохоталъ Подтягинъ. — Презрѣнный, низкій шантажистъ! Если въ чемъ почитаю себя виноватымъ, то лишь въ томъ, что былъ дуракомъ — столько лѣтъ довѣрялъ такой предательской гадинѣ.

— Гадина я или нѣтъ, — отвѣчалъ Лаврентій, весь трясясь и даже синій съ лица, — но подлогами не занимался, а вашей подписи бумажка у меня въ карманѣ лежитъ.

И опять загудѣла крикливая ссора, въ которой уже оба не знали, что говорятъ, и не понимали, что другъ отъ друга слышатъ. И вотъ тутъ-то, вдругъ, брякнулъ Лаврентій слова, которыхъ за минуту передъ тѣмъ и въ мысляхъ не имѣлъ и никакъ не ожидалъ отъ себя:

— А ежели вы меня попрекаете, будто я шантажникъ, то вотъ же вамъ: не хочу я никакихъ вашихъ денегъ. Ни ста тысячъ, ни милліона. Наплевать мнѣ на ваши деньги! Мнѣ обида горька. Вы мнѣ тутъ такихъ словъ наговорили, что я родному отцу не простилъ бы, — не то, что вамъ. Поторговались — и будетъ. Я, въ своей амбиціи, самъ себѣ Ротшильдъ.

Имѣю честь кланяться. А векселекъ вашъ я завтра же представлю судебному слѣдователю... Или — нѣтъ! вотъ что! постойте-ка!.. Такъ и быть! Получайте пардонъ... Пусть ваша барышня Елена Андреевна пожалуетъ ко мнѣ сегодня вечеромъ провести время въ радости, — ей я вашъ документикъ даромъ отдамъ!..

Подтягинъ вдругъ почувствовалъ чисто-физическимъ ощущеніемъ, будто чья-то незримая огромная рука съ размаху ударила его по лицу. Онъ, молча, повернулъ Лаврентію спину и, сутулый, пришибленный, чувствуя на себѣ невидимый стопудовый грузъ, пошелъ изъ подвала...

IV.

Госпожа Подтягина была женщина неглупая и мужу другъ. Когда Андрей Александровичъ возвратился домой послѣ переговоровъ съ освирѣпѣвшимъ Лаврентіемъ, одного взгляда на лицо мужа было ей вполнѣ достаточно, чтобы догадаться, что произошло нѣчто важное и грозное. Она немедленно прошла вслѣдъ за Андреемъ Александровичемъ въ дѣловой кабинетъ его и поставила, хотя вѣрнѣе будетъ сказать, усадила его на допросъ:

— Что случилось?

— Случилось то, — отвѣчалъ господинъ Подтягинъ, повалившись на диванъ, какъ лайковая кукла безкостная, — что мнѣ, кажется, надо застрѣлиться. Если мы уже не погибли, то стоимъ на краю гибели, и я не знаю средства къ спасенію. Но я слишкомъ взволнованъ и не могу говорить тихо. Изъ меня рвется крикъ и стонъ. Поди, Люба, удали всѣхъ изъ дома, а въ особенности Лёлю. Она меньше всѣхъ должна слышать то, что я тебѣ разскажу.

Госпожа Подтягина, сколько ни была напугана, выполнила распоряженіе мужа съ большимъ искусствомъ, спокойствіемъ и тактомъ. Елену Андреевну попросила отправиться на Невскій въ фруктовый магазинъ, младшихъ дѣтей услала съ бонной на прогулку, для горничной и лакея тоже нашла спѣшныя порученія. А кухня у Подтягиныхъ отстояла далеко отъ кабинета; туда никакой шумъ изъ господскихъ комнатъ не достигалъ.

Возвратившись къ мужу, госпожа Подтягина нашла его лежащимъ на диванѣ ничкомъ, въ самомъ отчаянномъ, полубезчувственномъ состояніи. Сѣла подлѣ, положила ему руку на голову.

— Полно. Успокойся. Разскажи, легче будетъ. Какая бы бѣда ни стряслась, ты долженъ встрѣтить ее, какъ мужчина. А я, ты знаешь, раздѣлю съ тобою всякое горе пополамъ.

Выслушавъ подробныя признанія Андрея Александровича, госпожа Подтягина, хотя сильно выцвѣла лицомъ, однако сохранила видъ полнаго спокойствія.

— Да, чрезвычайно непріятная исторія, — сказала она, вставая. — Но, все-таки, ты напрасно теряешь голову. И, по-моему, погорячился: тебѣ не слѣдовало ѣздить къ этому мошеннику.

— Да какъ же я могъ оставить дѣло невыясненнымъ?

— Надо было послать къ нему хорошаго адвоката. Это и теперь не поздно сдѣлать. Сейчасъ я телефонирую ***. Онъ нашъ старый пріятель и не откажется помочь намъ въ несчастіи.

— О, Боже мой! Предъ чужимъ человѣкомъ надо признаваться...

— Въ легкомысленномъ и опрометчивомъ довѣріи къ недостойному обманщику. Больше я ничего дурного не вижу въ твоемъ поступкѣ, Андрей.

— Да — ты! А всѣ другіе?

— Во всякомъ случаѣ, порогъ этотъ надо переступить. Я телефонирую ***. Не безпокойся: онъ въ своей практикѣ разрѣшалъ и не такіе щекотливые казусы и умѣетъ хранить тайны кліентовъ. Тебѣ же я посовѣтую сейчасъ одно: если можешь, лягъ и усни... ты весь, дрожишь, и на тебѣ лица нѣтъ. Недоставало того, чтобы ты теперь заболѣлъ!..

Но когда, уложивъ мужа и спустивъ шторы на окнахъ, госпожа Подтягина вышла на цыпочкахъ изъ кабинета, лицо ея исказилось безнадежнымъ отчаяніемъ. Она схватилась за виски и такъ шла черезъ всю квартиру, потому что казалось ей, будто, вотъ, сію минуту въ головѣ ея мозгъ лопнетъ, а волосы уже сѣдѣютъ подъ сжимающими ихъ пальцами...

*** не оказалось дома. Обѣщали изъ его квартиры позвонить, какъ только онъ вернется, предупредивъ однако, что врядъ ли будетъ домой раньше поздняго вечера.

Прошла госпожа Подтягина отъ телефона къ себѣ въ спальню. Сѣла. Раздумываетъ, сколько можетъ, считаетъ... Нѣтъ, ничего не выходитъ!.. Выкрику Лаврентія насчетъ барышни Елены Андреевны госпожа Подтягина не придала значенія.

— Со злости, ради оскорбленія, брошена безпутная фраза. Но сто тысячъ?! Пусть даже запросъ, пусть пойдетъ на уступки... Но вѣдь у насъ никакой наличности, одинъ кредитъ... Полной ликвидаціей имущества можно, пожалуй, наколотить тысячъ тридцать, сорокъ... Но вѣдь это же полное разореніе... Значитъ, такъ ли, иначе ли, впереди — нищета, разница только въ томъ — съ позоромъ или безъ позора...

Въ такихъ тяжкихъ размышленіяхъ застала Любовь Ивановну барышня Елена Андреевна, возвратившаяся

изъ фруктоваго магазина съ покупками. Вошла она къ матери такъ неожиданно, что госпожа Подтягина смутилась:

— Какъ я не слыхала твоего звонка?

— Я прошла чернымъ ходомъ, мама.

— Почему?

— На парадномъ лифтъ не въ порядкѣ... Мама! Я хочу спросить тебя: можно мнѣ сегодня пойти съ Олечкой Спиридоновой въ Маріинскій театръ? Даютъ „Мефистофеля“ съ Шаляпинымъ, у Спиридоновыхъ есть свободное мѣсто въ ложѣ...

Мать едва-едва не вскрикнула:

— До театровъ ли намъ, Лёля?!

Но сообразила:

„И въ самомъ дѣлѣ лучше, если Лёли не будетъ дома, когда пріѣдетъ *** “.

И отвѣчала:

— Конечно, иди, Лёля. „Мефистофель“ — одна изъ лучшихъ партій Шаляпина. Получишь большое наслажденіе.

V.

Лаврентій Бровкинъ, послѣ бурной схватки своей съ господиномъ Подтягинымъ, весьма ослабѣлъ и, чтобы подкрѣпиться, прибѣгъ къ обычному русскому средству: напился. Хмель, на усталые, разбитые нервы, пришелъ къ нему быстрый и тихій. Повалилъ парня на кровать и усыпилъ богатырскимъ сномъ. Очувствовался Лаврентій лишь вечеромъ, отъ свѣта внесенной хозяйкою лампы. Удивило это его: зачѣмъ хозяйка зажгла лампу безъ спроса? А хозяйка строго говоритъ:

— Къ вамъ тутъ пришли и давно ждутъ. Я васъ уже три раза будила, но вы не слышите. Вставайте, пожалуйста.

Взглянулъ Лаврентій, спросонья, по комнатѣ: у стола сидитъ, ручки сложивъ, женская фигурка, въ мѣховой кофточкѣ, въ шапочкѣ...

Барышня Елена Андреевна!..

Весь сонъ съ Лаврентія сразу соскочилъ и замѣнился ужаснѣйшимъ конфузомъ, что барышня застала его въ такомъ безобразномъ видѣ... А какъ могла она здѣсь у него, въ полуподвалѣ, очутиться, — этого и схватить мыслью не можетъ: утрешній крикъ свой онъ заспалъ, — изъ головы вонъ.

А барышня Елена Андреевна встала, ступила къ нему два шага и говоритъ твердымъ голосомъ:

— Вы, Лаврентій, сказали папѣ, что отдадите ему его вексель, если я приду провести съ вами вечеръ. Вотъ я и пришла.

Вспомнилъ Лаврентій — и залился краской ... сдѣлалось ему стыдно-стыдно. Но и злость на господина Подтягина снова вспыхнула:

„Не подлецъ ли? — думаетъ. — За какое шальное слово ухватился! За векселишко свой поганый готовъ дочь родную продать...“

Напустилъ на себя большую грубость, спрашиваетъ:

— Это какъ же, барышня, выходитъ, папенька васъ послалъ?

— Нѣтъ, я сама пришла. Ни папа, ни мама не знаютъ, что я у васъ. Они думаютъ, что я въ театрѣ.

— Значитъ, это вы своей волей? Сами надумали?

— Своей волей. Сама.

Озадачился Лаврентій. А барышня стоитъ передъ нимъ твердая, пряменькая, ясная. Блѣдное личико — спокойное, рѣшительное, въ глазахъ — ни дерзости, ни мольбы...

— Гмъ... — промычалъ Лаврентій, — смѣлы же вы, барышня... Но, если папаша васъ не посылалъ, то откуда же вы про это самое... требованіе мое узнали?

— Подслушала разговоръ папы съ мамой. Они хотѣли, чтобы я ничего не знала, и услали меня за фруктами. Но я догадалась, что меня удаляютъ не спроста, и въ семьѣ несчастіе. Вышла параднымъ ходомъ, вернулась чернымъ, — и все слышала...

— И рѣшились вотъ на это?

— Если нѣтъ другого средства?!..

Съ большимъ удивленіемъ глядѣлъ Лаврентій на Елену Андреевну и только головою трясъ, бормоталъ:

— Ну-ну... бываетъ же!.. Ахъ, ты, Господи! Вотъ притча!.. Эхъ, барышня, барышня! Отчаянная же ваша голова!

А она ему:

— Я исполнила ваше желаніе. Пришла. Ваша воля: что прикажете, то и буду дѣлать. Но съ моей стороны одна къ вамъ просьба: не задерживайте меня долго. Потому что, если я не вернусь въ полночь домой, то мама обезпокоится и позвонитъ къ Спиридоновымъ. И тогда откроется, что я не была въ театрѣ, и будетъ общая тревога...

Еще пуще закачалъ головою Лаврентій:

— Крѣпко же любите вы, барышня, своихъ папу съ мамой!

Она отвѣчаетъ просто, коротко:

— Да, мы всѣ очень любимъ другъ друга.

— Ну, — говоритъ Лаврентій, — ежели такъ, то и не къ чему вамъ задерживаться до полночи. А ступайте вы, барышня, сейчасъ же прямо домой — къ папѣ и мамѣ. Документъ же этотъ окаянный, вотъ, извольте получить. Не надо мнѣ отъ васъ ничего. Я давеча, съ

большого зла, на смѣхъ сбрехнулъ грубое слово, потому что вашъ родитель самъ виноватъ — разбѣсилъ меня до бѣлаго каленія. Передайте ему только, чтобы вернулъ мнѣ деньги, пятьсотъ рублей, которые я внесъ за вексель въ банкъ... Или нѣтъ, погодите-ка, барышня...

Отворилъ дверь, кличетъ:

— Хозяюшка, не найдется ли у васъ листочка чистой бумаги и конвертика?

Нашлось. Подала.

Присѣлъ Лаврентій къ столу, написалъ нѣсколько строкъ карандашомъ чернильнымъ, вложилъ вексель въ записку, а записку въ конвертъ, заклеилъ, надписалъ адресъ: „Его Высокородію Андрею Александровичу Подтягину, тамъ-то и тамъ-то, въ собственныя руки", — и подалъ барышнѣ Еленѣ Андреевнѣ. Та беретъ, — глазамъ, ушамъ, ощупи рукъ своихъ не вѣритъ: изъ этакой-то бѣды — въ счастье... Бредъ! мечта! греза?!.. Лишь не проснуться бы отъ радостнаго сна!..

А Лаврентій ей втолковываетъ:

— Мы, барышня, лучше сдѣлаемъ такъ. Какъ выйдете вы сейчасъ изъ этого дома, на углу стоятъ посыльные. Возьмите вы красную шапку, нумерокъ получите для вѣрности и отправьте папашѣ письмо съ посыльнымъ. А сами ѣзжайте въ свой театръ или къ господамъ Спиридоновымъ, куда собирались, и возвращайтесь домой въ томъ часу, какъ обѣщали мамашѣ... О томъ же, что вы у меня были, не говорите ни папѣ, ни мамѣ. Они люди старые, мнительные... Еще не повѣрятъ вамъ, что я отдалъ вамъ вексель просто такъ, ни за что... Ну, и начнутся между вами недоумѣніе, недоразумѣніе и охлажденіе... А я, узнавъ ваши прекрасныя чувства, для подобной чудесной особы никакъ не желаю хотя бы самаго малѣйшаго худа, а не то, что компро-

метировать васъ предъ родителями въ вашей дѣвической скромности и репутаціи...

У Елены Андреевны руки затряслись, слезами глаза наполнились.

— Боже! — говоритъ она, — ждала ли я!.. Какой же вы благородный человѣкъ! Ждала ли я?

А Лаврентій усмѣхнулся, отвѣчаетъ:

— Хе! Благородный... Какъ же я могу быть благороднымъ, когда меня отъ васъ уволили за кражу серебряныхъ щипцовъ?

Елена Андреевна взволновалась, взметалась.

— Но, вѣдь, это же, очевидно, какое-то чудовищное недоразумѣніе! Развѣ вы способны? Это все надо передѣлать, передъ вами извинятся...

— Нѣтъ, — сказалъ Лаврентій, — на добромъ словѣ спасибо, барышня, но порванной веревки безъ узла не завяжешь... Никакихъ извиненій мнѣ не надо... А вотъ — что вы тутъ намекали насчетъ благодарности — то будьте такъ добры, при случаѣ, скажите барынѣ, мамашѣ вашей, что обидѣла она меня занапрасно. Никакихъ щипцовъ я у нея не бралъ, да и вообще не бывало того, чтобы Лаврентій Бровкинъ въ жизни своей попользовался отъ чужого добра... А засимъ позвольте, барышня, у васъ просить извиненія, что пришлось вамъ побывать въ такомъ безобразномъ мѣстѣ и застать меня въ подобномъ холостомъ неуборѣ... И разрѣшите проводить васъ до извозчика, потому что домъ нашъ грязный, жильцы — озорники, проспектъ въ вечернюю пору архаровскій...

VI.

Присяжный повѣренный *** сидѣлъ у господъ Подтягиныхъ — и общее настроеніе всѣхъ троихъ, хозяевъ и гостя, было невеселое.

— Уладить дѣло безъ скандала мы, конечно, какънибудь уладимъ, — обѣщалъ адвокатъ, — но боюсь, Андрей Александровичъ, что оплошность ваша обойдется вамъ, дѣйствительно, недешево... Ну, какъ можно, ну, какъ можно?! Съ вашими ли сѣдыми волосами, съ вашимъ ли дѣловымъ опытомъ не знать, что гербовая бумага вообще, а вексельная въ особенности, не терпитъ шутокъ?

На этомъ его словѣ звякнулъ звонокъ и, вслѣдъ затѣмъ, горничная Ланя подала Андрею Александровичу письмо на подносѣ:

— Посыльный принесъ. Отвѣта, сказалъ, не надо. Ушелъ.

Видитъ Андрей Александровичъ знакомый уродливый почеркъ. Побѣлѣлъ. Едва вскрылъ конвертъ дрожащими пальцами... Выпали два лоскута... Госпожа Подтягина подхватила одинъ:

— Вексель!..

А на другомъ господинъ Подтягинъ, дрожа и теряя глазами прыгающія строки, читаетъ съ заиканіемъ:

— „Хотя вы обругали меня всякими позорными словами, и слѣдовало бы васъ за то проучить, но я не подлецъ, получите отъ меня вашъ документъ безплатно въ знакъ моего благородства и не поминайте лихомъ Лаврентія Бровкина, а я вамъ ваше давешнее скандальное поведеніе простилъ. А еще скажите барынѣ Любовь Ивановнѣ, что стыдно ей: не отъ меня пропали щипцы, а отъ кого-то другого. Меньше бы вѣрили Ланькинымъ наговорамъ, то и не теряли бы вѣрныхъ людей. Съ почтеніемъ Лаврентій Бровкинъ".

Минуты освобожденія изъ тюрьмы неописуемы. Господинъ и госпожа Подтягины пережили ихъ, находясь въ собственной великолѣпной квартирѣ... Любовь Ивановна, героически сдерживавшая весь день свои нервы, чтобы пріободрять павшаго духомъ мужа, не

вытерпѣла внезапнаго перехода отъ черной скорби къ восторгу спасенія и разрыдалась, какъ малое дитя.

А самъ Подтягинъ, совершенно обезсмысленный, тоже едва ли не до младенческаго состоянія, осаждалъ присяжнаго повѣреннаго блаженными улыбками и безсвязнымъ лепетомъ:

— Ну, что̀ скажете, Владиміръ Никитичъ? Что̀ вы намъ объ этомъ скажете?

— А что̀ скажу? — возразилъ хладнокровно ***. — Скажу, во-первыхъ, что и вексельная бумага иногда бываетъ сентиментальна и допускаетъ амнистіи. Во-вторыхъ, что, несмотря на то, мы съ вами будемъ къ ней такъ жестоки, что немедленно закуримъ сигары — вы векселемъ, я письмомъ... вотъ такъ... пепелъ... чисто!.. Въ-третьихъ, скажу, что бываютъ на свѣтѣ счастливцы, которые даже съ петли срываются. И поэтому повезло вамъ даже въ шантажѣ попасть не на проходимца, а на удивительнаго малаго, который не забылъ, что̀ обозначаетъ слово „совѣсть“, и слушается ея голоса. Прямо, вѣдь, рѣдкость, антикъ! Рюи Блазъ какой-то! Въ четвертыхъ и послѣднихъ; не забудьте послать завтра этому Рюи Блазу пятьсотъ рублей, которые вы ему должны...

— О! еще бы! Первымъ долгомъ! Что̀ пятьсотъ! Тысячу пошлю!..

— И то не грѣхъ будетъ. Потому что — извините, Андрей Александровичъ, но выскочили вы, истинно, какъ Даніилъ изъ рва львинаго.

Новый звонокъ: возвратилась изъ театра Елена Андреевна.

Родителей и гостя она застала въ столовой, за чаемъ. Мирная группа, радостно возбужденные глаза отца и умиленно заплаканное лицо матери сказали ей, что письмо съ векселемъ доставлено... великое событіе свершилось!.. наносная бѣда пролетѣла мимо!..

А родители и гость передъ тѣмъ, какъ Еленѣ Андреевнѣ войти, обмѣнялись многозначительными взорами, и Любовь Ивановна шепнула:

— Лёлѣ — ни слова... Она ничего не знаетъ, и не надо, чтобы знала...

Такъ что, когда Елена Андреевна присѣла къ чайному столу, мать, подавая ей чашку, спросила беззаботно:

— Ну, что? Насладилась? Хорошъ Шаляпинъ?

— Необычаенъ! — отвѣчала Елена Андреевна столь же беззаботно. — Арія Вальпургіевой ночи — это чудо, что такое... Я такъ взволновалась, такъ взвинтилась...

— То-то — пріѣхала ужъ очень блѣдная...

— Ахъ, мама, да если бы вы сами слышали!.. Съ ума можно сойти!

VII.

Тѣмъ и кончилась эта петербургская драма, столь сложно завязавшаяся, столь просто развязавшаяся.

Андрей Александровичъ отослалъ Лаврентію тысячу рублей, съ любезной запиской, въ которой было и извиненіе насчетъ пропавшихъ щипцовъ.

Лаврентій тысячу рублей съ благодарностью принялъ и похоронилъ прошлое въ глубокомъ нерушимомъ молчаніи.

Отецъ и мать хранили свой секретъ отъ Елены Андреевны.

Елена Андреевна хранила свой секретъ отъ отца и матери.

Присяжный повѣренный *** молчалъ профессіонально.

Если всѣ участники драмы молчали, то откуда же сдѣлалась она извѣстною нижеподписавшемуся автору?

Третьяго-дня, въ задушевной бесѣдѣ на тему о безалаберности русскаго человѣка, о той смѣси хорошаго и дурного, которою хаотически претъ его богато и не-

лѣпо одаренная натура, сообщилъ мнѣ все разсказанное присяжный повѣренный *** junior, сынъ присяжнаго повѣреннаго *** senior'а. Самъ же онъ узналъ исторію петербургскаго Рюи Блаза отнюдь не отъ родителя своего. Сей послѣдній пробалтываться и живой не умѣлъ, а теперь, будучи уже восьмой годъ покойникомъ, и вовсе потерялъ къ тому способность. Но отъ нынѣшней законной супруги своей Елены Андреевны, урожденной Подтягиной, которая еще въ невѣстахъ, за нѣсколько дней до свадьбы, сочла своимъ долгомъ посвятить жениха въ это странное свое приключеніе.

Было, есть и будетъ)*

I.

1893 годъ. Москва. Дѣвица Елена (Лиля) Забойкова. Дочь очень богатыхъ родителей. Отецъ инженеръ, родомъ изъ купцовъ, но уже „одворянился“, мать дворянка. Семья интеллигентная, посѣщаемая профессорами университета, литераторами, артистами, художниками. Мать — прекрасная піанистка. У Лили Забойковой чудесный голосъ, драматическое сопрано. Она беретъ уроки у одной изъ самыхъ дорогихъ и извѣстныхъ московскихъ преподавательницъ, и та сулитъ ей блестящую оперную карьеру. Лиля настоящая русская красавица, — кровь съ молокомъ, русая коса, голубыя очи, крупная сценическая фигура. Среди молодежи слыветъ умницей, читаетъ серьезныя книги, любитъ философскіе разговоры, обожаетъ Владиміра Соловьева, очень мечтательна, пишетъ дневникъ и стихи. Нѣкоторые печатались подъ псевдонимомъ и были замѣчены. Лилѣ 19 лѣтъ. Никакого романа у нея еще не было. Женихи сватаются довольно часто,

---

**) Отъ издательства. По обстоятельствамъ случайнаго характера, рукопись разсказа „Было, есть и будетъ“ получена издательствомъ съ значительнымъ опозданіемъ и сдана въ типографію уже по отпечатаніи первыхъ листовъ. Вслѣдствіе этого на стр. 95 настоящей книги заглавіе этого разсказа не могло быть помѣщено.*

но получаютъ отказы. Сердце дѣвушки спитъ спокойно, а родители не торопятъ ее устройствомъ, тѣмъ болѣе, что еще не рѣшено: можетъ быть, вмѣсто семьи, ее, въ самомъ дѣлѣ, ждетъ сцена. Ухаживателей множество, флиртъ идетъ во-всю, но въ приличнѣйшихъ границахъ безупречно выдержанной семьи и хорошаго буржуазнаго общества. Лиля большая любительница танцовать и чудесно пляшетъ русскую. Человѣкъ живой, хохотушка, имѣетъ много пріятельницъ и юнцовъ на дружеской ногѣ; очень мягкое, отзывчивое сердце. Потому въ одиночествѣ почти никогда не бываетъ, дома сидитъ мало.' Пользуется совершенною и безусловною свободою; семья либеральная, дѣтей (кромѣ Лили, еще двѣ дочери и сынъ — подростки) принято ни въ чемъ не стѣснять. Уѣзжаетъ и пріѣзжаетъ Лиля — по желанію, какъ хочетъ, когда хочетъ. Компаньонки нѣтъ, гувернатка уже три года вѣдаетъ только младшихъ сестеръ, провожатыхъ Лиля никогда съ собою не беретъ. Своими лошадьми „принципіально" не пользуется.

Зиму 1893 года Лиля жила особенно весело. Послѣ святокъ и вплоть до масленицы она, буквально, ни одного вечера не провела дома: или въ театрѣ, или въ концертахъ, или танцуетъ у которой-нибудь изъ подругъ. Возвращаться стала чрезвычайно поздно. Это отозвалось на ея здоровьѣ: обнаружилось переутомленіе, — похудѣла, пожелтѣла, глаза обвелись кругами, стала нервная, скучная, оживлялась только ввечеру, когда улетала изъ дома . . . Родители видѣли въ дочери перемѣну и думали: пора замужъ. На всякій случай прослѣдили по знакомымъ, нѣтъ ли влюбленности. Нѣтъ, какъ будто незамѣтно ничего новаго, все какъ было. Рѣшили, что просто дѣвушка слишкомъ затанцовалась, и на томъ успокоились. До великаго поста покрутится, а на второй недѣлѣ — на Ривьеру или въ Крымъ.

Всплывали, впрочемъ, раза два-три нѣкоторыя странности. Уѣхала Лиля въ симфоническое собраніе: полчаса послѣ ея отъѣзда, сосѣдка присылаетъ матери Забойковой свой билетъ туда же: я больна, не ѣду, не желаете ли воспользоваться? Старуха собралась и поѣхала. Сколько ни искала она Лилю въ переполненныхъ публикою залахъ, не нашла. И никто ея не видалъ. И только, когда концертъ кончился, и, немножко встревоженная отсутствіемъ дочери, Забойкова ждала на подъѣздѣ, когда подадутъ ея сани, Лиля вдругъ, подлѣ нея, выросла, какъ изъ-подъ земли. Оказывается, она весь концертъ просидѣла на хорахъ, забившись въ темный уголокъ, потому что спасалась отъ одного скучнѣйшаго и сладкорѣчивѣйшаго господина, для котораго лѣтъ двадцать подрядъ держались двѣ клички въ Москвѣ, извѣстныя всѣмъ и каждому. Одна была — „Отецъ Глицеринъ", а другая — „Липкій Пластырь".

Въ другой разъ обнаружилось черезъ знакомыхъ, что Лиля уѣхала съ одной вечеринки часа на три раньше, чѣмъ явилась домой. Но и тутъ ея исчезновеніе оправдалось безукоризненно: почувствовавъ сильную головную боль, Лиля вздумала прокатиться вдвоемъ съ одною весьма уважаемой въ Москвѣ дамой, дальней родственницей Забойковыхъ, за заставу. Не замѣтили за разговоромъ, какъ заѣхали далеко, чуть не къ Всесвятскому, а затѣмъ, когда Лиля проводила родственницу до дому, лихачъ отказался дальше везти, потому что боялся запалить усталую лошадь, а новый извозчикъ попался прескверный и везъ Лилю по Москвѣ чуть не цѣлый часъ . . .

Еще однажды вышла такая исторія. Опоздниился у товарища братъ Лили, гимназистъ. Забойковы жили довольно далеко отъ центра города, въ глухой и спокойной полудачной его части, въ собственномъ домѣ-особнякѣ, со службами и садомъ. Возвращаясь домой,

тихимъ снѣжнымъ переулкомъ, подъ яркою луною, вдоль забора своего сада, гимназистъ вдругъ заслышалъ дальнее пѣніе и музыку. Онъ узналъ голосъ сестры и очень удивился — не столько тому, что она такъ поздно поетъ, сколько тому, что — гдѣ же она поетъ? Въ окнахъ дома — темно, кромѣ лунной игры въ стеклахъ — ни единаго свѣта . . .

— У насъ гости? — спросилъ онъ, когда, на звонокъ, отворила ему заспанная горничная.

— Помилуйте! Какимъ гостямъ быть? Третій часъ . . .

— Но я же только что слышалъ: Лиля пѣла и кто-то игралъ на концертино.

— Богъ съ вами, баринъ! Что вамъ чудится? Барышни даже и дома нѣтъ: танцуетъ у Нѣмковыхъ... Тамъ хозяева удалые: раньше пяти ее теперь и не жди!

Эта странная галлюцинація гимназиста осталась невыясненною. Сама Лиля ограничилась тѣмъ, что выслушавъ недоумѣніе брата, пожала плечами и сказала съ трагикомическимъ испугомъ:

— Напиши Фламмаріону. Нѣчто астральное!

Какъ-то разъ самъ родитель Забойковъ, въ припадкѣ безсонницы, бродя по комнатамъ, видѣлъ изъ окна своего кабинета, какъ по переулку скользнули извозчичьи санки, остановились у воротъ, высадили какъ-будто Лилю, въ башлыкѣ и шубкѣ, и покатили дальше. Эта манера — возвращаться, не звоня на парадномъ подъѣздѣ, а черезъ дворъ и чернымъ ходомъ, постучавъ въ окно горничной, — тоже была у Лили. Старикъ ждалъ, что вотъ сію минуту онъ услышитъ въ коридорѣ легкіе шаги возвратившейся дочери, — нѣтъ, не слышно Лили. Удивленный, онъ идетъ къ горничной, застаетъ ее спящую, будитъ:

— Вернулась барышня?

— Никакъ нѣтъ.

— Что за чудо? Я десять минутъ тому назадъ видѣлъ, какъ она подъѣхала . . .

— Можетъ быть, стоятъ, заговорились съ кѣмъ-нибудь, — равнодушно сказала горничная, — ихъ часто провожаютъ . . .

Но пробѣжало еще десятъ минутъ: нѣтъ Лили.

— Должно быть, — обознались, — доложила горничная, входя къ Забойкову, въ сѣромъ по разбитымъ волссамъ платкѣ. — Я бѣгала къ дворнику, спрашивала... Онъ съ двѣнадцати часовъ сидитъ на дежурствѣ: не пріѣзжала . . .

Старикъ, въ недоумѣніи, пожалъ плечами и пошелъ спать. Дѣйствительно, лишь часа черезъ полтора слышалъ онъ, какъ прошуршало за дверью по коридору дочерино платье.

Но — какъ во всякой сказкѣ — астральное счастье вывозило Лилю до трехъ разъ, а потомъ сорвалось. И весьма скандально.

II.

Передъ самою масленицей она вдругъ перестала выѣзжать по вечерамъ, жалуясь на инфлюэнцу, засѣла дома и начала рано ложиться спать. Такъ продолжалось дней пять. Во вторникъ, на масленой, она простилась съ матерью и ушла къ себѣ въ одиннадцать часовъ, а немного позже полуночи раздался изъ ея комнаты рѣзкій крикъ. Забойкова, испуганная, поспѣшила къ дочери, окликнула ее, зажгла электричество, но видя, что дѣвушка спокойно спитъ, закрывшись съ головою одѣяломъ, вышла, рѣшивъ, что Лиля бредила во снѣ. Въ это время какъ разъ подъѣхалъ изъ клуба старикъ Забойковъ. Онъ никогда не звонилъ, имѣя свой хозяйскій ключъ отъ подъѣзда. Вошелъ онъ, — видимо не въ духѣ, встревоженный.

— Знаешь, — сказалъ онъ женѣ, насильственно улыбаясь большимъ и краснымъ, пучеглазымъ лицомъ подъ огромною лысиною, — у насъ въ домѣ положительно нечисто . . . Мы тогда засмѣяли Вадима, что онъ галлюцинируетъ . . . Но сейчасъ, подъѣзжая, я самъ ясно слышалъ, какъ Лиля поетъ и кто-то подыгрываетъ ей на концертино . . . Даже могъ разобрать, что́ она поетъ: „Разлуку“ эту глупѣйшую . . .

— Да, ужъ это, дѣйствительно, чародѣйство какое-то! — возразила старуха Забойкова, — Лиля съ одиннадцати часовъ въ постели. Я только что заходила къ ней. У бѣдной дѣвочки, должно быть, жаръ, потому что она вскрикиваетъ во снѣ . . .

— Очевидно, у насъ по сосѣдству завелась другая пѣвица съ хорошимъ голосомъ . . . Но кто бы могъ подумать? Совершенно Лилинъ тембръ . . . Ой! что это?

Изъ комнаты Лили опять послышался пронзительный визгъ, скрежетъ зубами и невнятное бормотаніе. Родители бросились на помощь . . . Вспыхнуло электричество . . . На этотъ разъ фигура на постели не была закрыта одѣяломъ, а валялось оно на полу; въ женщинѣ же, которая, разметавшись въ жару, лежала на кровати, Забойковы, едва вѣря глазамъ своимъ, узнали совсѣмъ не свою Лилю, дочку красавицу, а молодую и могутную прачку Наташу, недавно взятую въ домъ.

— Гдѣ же Лиля?

— Лиля гдѣ?

Въ ужасѣ стояли старики, какъ надъ оборотнемъ, надъ безчувственною дѣвкою, которую тщетно они трясли и разспрашивали: она только мычала, да хлопала безсмысленными дикими глазами . . . Пьяна? . . . Но виномъ въ комнатѣ не пахло, а дотронувшись до лба Наташи, старуха Забойкова такъ и отскочила отъ постели: ей показалось, что она коснулась раскаленной

печки... Очевидно было, что предъ ними лежитъ тяжело заболѣвшій человѣкъ: хорошо еще, если тифъ, а ну какъ оспа?... Но откуда же взялась-то Наташа на Лилиной постели? Какимъ вѣтромъ ее перебросило въ барышнину спальню изъ чуланчика за кухнею, гдѣ она ночуетъ? И, главное, гдѣ сама Лиля? Лиля-то гдѣ?

Трудно было, въ подобномъ смятеніи, не переполошить всего дома, но мать — всегда мать. Она сразу поняла, что, — гдѣ бы ни была теперь Лиля, — найти ее сейчасъ будетъ гибельнымъ скандаломъ, и, чѣмъ меньше будетъ при этомъ свидѣтелей, тѣмъ лучше. Сообразила она также то, что, куда бы ни ушла Лиля, она никакъ не могла выйти изъ дома иначе, какъ по черной лѣстницѣ, и, значитъ, непремѣнно съ вѣдома горничной, которой каморка — какъ разъ подлѣ. Поэтому она уняла отчаяніе мужа, совсѣмъ растерявшагося, уговорила его скрѣпиться и не шумѣть — и пошла будить горничную...

Нѣсколько минутъ спустя, она возвратилась, блѣдная, но спокойная, и, положивъ руку на лысую голову изнеможеннаго, уснувшаго въ креслахъ, старика, сказала:

— Ну, вотъ, все и объяснилось. Напрасно мы горячку пороли. Ничего нѣтъ худого, — напротивъ, все очень хорошо...

Выходило, будто бы, такъ, что Лиля и горничная съ вечера замѣтили, что Наташа сильно нездорова, и — въ случаѣ, если-бы больной къ ночи стало хуже, Лиля приказала разбудить себя непремѣнно, а мамашу не безпокоить. Когда Наташа начала сильно горѣть, горничная разбудила барышню. Лиля приказала дѣвушкѣ перевести Наташу изъ ея чуланчика, гдѣ для больной слишкомъ душно и скверно, въ свою спальню, а сама помчалась за докторомъ и въ аптеку... Горничная же сидитъ на черной лѣстницѣ и ждетъ, чтобы Лилю впустить.

Вся эта, сшитая бѣлыми нитками, ложь была придумана старою Забойковою, покуда прыгала и металась предъ нею по комнатѣ, какъ угорѣлая кошка, захваченная врасплохъ, горничная. Впопыхахъ, она хваталась, за что ни попало, городила какую-то околесицу и дважды зачѣмъ-то нажала, будто бы нечаянно, пуговку электрическаго звонка, проведеннаго изъ дома въ дворницкую... Зоркій взоръ хозяйки все это подмѣтилъ, — и вотъ когда поблѣднѣла-то — мертвецъ-мертвецомъ — старая Забойкова. Вдругъ ясны стали ей слуховыя галлюцинаціи мужа и сына и голосъ дочери, невѣдомо гдѣ поющей „Разлуку“, и концертино, ей подыгрывающій...

Захотѣлось закрыть глаза и упасть, — сердце рухнуло и застыло, — но, какъ встрѣчною пружиною, подхватила его, обмершее, и облила горячею кровью, и заставила жарко заколотиться великая материнская любовь...

— Ну, моя любезная, — сказала старуха такимъ спокойнымъ голосомъ, что у горничной мурашки пошли по спинѣ, и согнулась она предъ хозяйкою, какъ послушница предъ игуменьей. — Что я о тебѣ думаю, завтра скажу. А сейчасъ знай твердить одно: барышня побѣжала звать доктора къ больной Наташѣ. И — если черезъ двадцать минутъ не будетъ въ домѣ барышни съ какимъ-нибудь докторомъ, то я тебѣ, сударыня, крестъ даю: никакого срама на домъ не пожалѣю, а быть тебѣ въ тюрьмѣ.

Какъ прошла въ домѣ Забойковыхъ эта тяжкая ночь, какъ нашлась и вернулась домой исчезнувшая Лиля, какъ встрѣтила ее отчаянная мать и — оставшись съ нею съ глаза на глазъ — какія рѣчи ей говорила, и, въ отвѣтъ, какія признанія отъ дочери выслушала, — объ этомъ говорить, покуда, не приходится.

Однако, — удивительное дѣло! — послѣ столь бурной ночи утро вышло довольно спокойное. Старуха

Забойкова ходила по дому хлопотуньей, какъ всегда, и на лицѣ ея, хотя озабоченномъ, читались не столько гнѣвъ и горе, сколько безпредѣльное изумленіе. Точно она узнала нѣчто такое, чему и рада бы повѣрить въ свое утѣшеніе, да боится, — ужъ больно неправдоподобно... Лиля Забойкова добрую недѣлю не выходила изъ своей комнаты, сказываясь больною, и мать къ ней никого не допускала, сама служила ей. Больную прачку, конечно, отправили въ больницу.

III.

Къ тому дню, когда Лиля оправилась отъ постигшей ее болѣзни, старуха Забойкова получила письмо изъ Петербурга отъ родственницы, приглашавшей ее съ Лилей погостить. Никогда Забойкова ни къ кому гостить не ѣзжала, а тутъ, въ однѣ сутки, собралась — уѣхала и Лилю увезла съ собою.

Сулились пробыть въ Петербургѣ недѣлю, а прогостили мѣсяцъ слишкомъ, и не слышно было, чтобы собирались скоро назадъ... А передъ самою Пасхою, вдругъ, прошли по Москвѣ слухи, что Лиля и не вернется: влюбила, влюбилась, — и не то уже вышла замужъ, не то выходитъ на-дняхъ. Извѣстіе это оживило и развеселило старика Забойкова, который всю зиму, въ отсутствіи жены и дочери, проходилъ туча тучею и, хотя старался, а никакъ не могъ скрыть, что какое-то тайное горе и опасеніе точитъ его и гложетъ... Такъ что по Москвѣ пошелъ было даже слушокъ, что Забойковы собираются летѣть въ трубу, и кое-кто изъ контрагентовъ фирмы успѣлъ на всякій случай пощупать почву — по-московски, сокративъ кредиты и представивъ къ уплатѣ, вмѣсто переписки, неожиданные векселя. Но Забойковъ отсчитался, даже не поморщившись. Тогда сомнѣнія устремились въ другую сторону: почему Забойковы — мать и дочь — уѣхали? почему онѣ такъ

долго не возвращаются? что это за внезапная свадьба дѣвицы, отклонившей столько выгодныхъ предложеній? почему вѣнчаются не въ Москвѣ, гдѣ свой домъ и вся родня, а гдѣ-то въ чужихъ людяхъ? Это не спроста. И, такъ какъ обычное московское предположеніе о купеческой дѣвицѣ, получающей внезапную страсть къ продолжительнымъ путешествіямъ, — что она, увы, рожать поѣхала, — то не избавилась отъ этой молвы и Лиля Забойкова. Однако, въ такихъ случаяхъ, ѣздятъ куда-нибудь поглуше, либо за границу, либо въ города, гдѣ знакомства нѣтъ, — вообще, скрываются, пока — грѣхъ — въ орѣхъ, и находится добрый или корыстный человѣкъ — покрыть повинную дѣвичью голову. А мать и дочь Забойковы въ Петербургѣ, напротивъ, вели жизнь чрезвычайно открытую, всюду бывали и, при встрѣчахъ съ московичами, не являли рѣшительно никакого смущенія, — напротивъ, были очень рады . . .

Въ отсутствіе жены, старикъ Забойковъ, понемножку, да полегоньку, безъ шума и скандала, поуволилъ всю прислугу, ранѣе служившую въ домѣ. Отъ перваго до послѣдняго человѣка. Придерется къ пустякамъ, — и прогонитъ.

Я въ то время жилъ въ Москвѣ и работалъ въ газетѣ „Новости Дня“, какъ ежедневный хроникеръ-фельетонистъ. Газета была бойкая, шла шибко, имѣла обличительную популярность — особенно въ полуинтеллигенціи. На ея столбцахъ, кстати сказать, и появилось впервые это слово. Ходило ко мнѣ народу изъ „полуинтеллигенціи“ этой самой видимо-невидимо. Не знаю, какъ теперь, а двадцать лѣтъ тому назадъ интересное это было занятіе для человѣка, желавшаго узнать бытъ столицы: самъ онъ плылъ къ тебѣ рѣкою, пестрый, разносторонній... какихъ-какихъ людей не насмотришься, бывало, за день-то, какихъ только не наслушаешься, исторій и драмъ... И вотъ, однажды, является ко мнѣ

довольно смазливая дѣвица, лѣтъ 25 — 26, — за версту видать франтоватую горничную, привыкшую жить по богатымъ и интеллигентнымъ домамъ. Желаетъ говорить по секрету. Превосходно. Сдѣлайте одолженіе.

Дѣвица оказалась, дѣйствительно, горничною — недавно уволенною отъ Забойковыхъ. Я подумалъ было, что пришла жаловаться на господъ, ее обидѣвшихъ. Оказалось, — нѣтъ. Наоборотъ, пришла посовѣтоваться со мною, не помогу ли я ей оказать бывшимъ ея господамъ большую услугу.

По разсказу ея, очень смутному и сбивчивому, выходило, что Забойковымъ грозитъ печатный шантажъ по дѣлу, имѣющему видъ весьма соблазнительный, и отъ котораго открутиться имъ будетъ очень трудно. Дѣло заключалось въ томъ, что — „мы завели секту".

— Кто это — „мы"?

Оказалось: три женщины, служившихъ у Забойковыхъ, нѣсколькихъ сосѣдокъ-пріятельницъ, забойковскій же дворникъ Василій и . . . барышня Лиля! . . . Всего душъ десять-двѣнадцать.

— Какую же секту?

— Обыкновенно . . . Богу молились . . . Теперь о насъ по Москвѣ пущены вредные слухи, а мы ничего дурного не дѣлали . . . только Богу молились, псалтырь читали, Василій игралъ на гармоникѣ, барышня пѣла . . .

— Псалмы?

— И псалмы, и всякіе духовные стихи . . . Рѣшительно никакого худа . . . Повѣрьте . . .

— Да вѣрю, вѣрю . . . Она, значитъ, пѣла, а онъ подыгрывалъ?

— Нѣтъ, скорѣе какъ бы наоборотъ: онъ игралъ, а барышня подпѣвала и подбирала слова, чтобы были въ ноту и такту. Потому что онъ, Василій, вѣдь, никакой музыки настоящей не знаетъ, а только — такъ:

пѣсни кое-какія, которыя поются въ простонародьи, либо французскую кадриль . . .

— А вы тоже пѣли?

Дѣвушка застыдилась.

— Что-жъ? Пѣвала и я... Только у меня голосъ слабый и слуха мало . . .

— А мнѣ хотѣлось бы послушать вашихъ пѣсенъ. Не споете ли?

Дѣвушка молчала нѣсколько секундъ въ колебаніи, потомъ быстро согласилась:

— Да, пожалуй, извольте... Что же? Должны вы, въ самомъ дѣлѣ, получить понятіе... А то о насъ срамное говорятъ... А мы — ничего... Повѣрьте!

И она запѣла протяжно довольно пріятнымъ, но жиденькимъ и тоненькимъ, какъ нитка, тихимъ голоскомъ:

Мы землю покидаемъ —
Ко Господу идемъ,
Тѣлесъ одежду сымаемъ
И въ свѣтлый рай войдемъ...

— Это вы на голосъ „Разлуки“ поете, — замѣтилъ я.

— Точно такъ, — радостно возразила она, — на голосъ „Разлуки“ . . . Такъ и называлась у насъ — „Разлука съ грѣхомъ“ ... Васильево сочиненіе . . .

— Такъ онъ у васъ и стихотворецъ?

— Писать не можетъ, но — когда подъ музыку — то всегда стихомъ . . .

— Даже и подъ французскую кадриль?

Дѣвица потрясла головою:

— Нѣтъ, подъ французскую кадриль мы не пѣли, а танцовали . . .

— Ахъ, и танцы были?

— А какъ же? — серьезно и какъ бы учительно возразила она, — когда человѣкъ къ Богу близокъ,

духъ радуется и уста хвалятъ Господа пѣснью, а руки и ноги — пляскою . . .

— Хлыстовщину, значитъ, завели, — мелькнуло у меня въ головѣ: я въ ту пору какъ разъ изучалъ литературу этой секты.

И спросилъ:

— Что же — было у вашей секты какое-нибудь особое названіе или . . .

— Нѣтъ, — прибавила она, — мы просто звали себя „христіанами“ . . . А то еще — это барышня придумала, а Василію полюбилось — „знающіе“... Онъ и велѣлъ намъ такъ называться, — ну, мы и назывались . . .

— Вы говорите: велѣлъ . . . Слѣдовательно, онъ былъ у васъ вродѣ пророка или уставщика?

— А еще-жъ бы! Чай, онъ всѣхъ насъ сектѣ-то научилъ . . . кому же другому и голосить?

— Вотъ это было бы очень любопытно слышать: какъ онъ васъ научилъ сектѣ?

— Да, — что же? Очень просто. Секрета тутъ никакого нѣтъ . . . О насъ всякое срамное разсказываютъ, а мы — ничего . . . Онъ, стало быть, поступилъ къ намъ въ домъ въ февралѣ, въ оттепель . . . Одеженка на немъ была самая худая . . . Смѣялись мы, по дому-то, надъ бѣдностью его, что — этакій молодой, бравый парень, а пріодѣть себя не въ состояніи, зимою ходитъ въ рубищѣ, ажъ въ дыры тѣло видно . . . Люди смѣются, а онъ молчитъ, терпитъ, все молчитъ . . . Только иной разъ, если ужъ очень доймутъ его, — то взглянетъ: ну, и прикусишь языкъ, потому что глаза у него — самые удивительные . . .

— Красивый, значитъ, онъ — пророкъ-то вашъ?

Дѣвушка вспыхнула, потупилась, потомъ приниженнымъ, робкимъ голосомъ возразила, точно размышляя надъ неожиданно ей представившимся и впервые ее озадачившимъ вопросомъ:

— А, право, ужъ и не знаю, какъ вамъ сказать, красивый или нѣтъ... Изъ-за глазъ его лица не помню... Безусый онъ и рябоватъ какъ-будто немного . . . Но глазами всякаго человѣка полонить и покорить можетъ, такъ и тянетъ, будто въ омутъ какой . . . Вотъ, знаете, какъ бываетъ въ хорошую погоду: небеса голубыя въ водѣ отражаются, — вотъ какіе глаза . . .

Помолчала. Потомъ чуть слышно, полная глухого стыда, договорила:

— Изъ-за глазъ-то его мы и въ секту попали . . . Всѣхъ потащилъ, какъ рыбу неводомъ . . .

— Вотъ это-то я и хотѣлъ бы знать, какъ онъ васъ потащилъ?

— А какъ? Отошла оттепель, — ударили морозы... Двадцать градусовъ. Глядимъ, — а Василій, чѣмъ бы пріодѣться, даже и рубище свое съ себя снялъ, ходитъ по двору въ одной рубахѣ... Что движется, работаетъ, — такъ отъ него, по морозу-то, паръ, будто отъ лошади... Тутъ ужъ мы на него смѣяться перестали, потому что поняли, что, ежели онъ такое надъ собою терпитъ, то не спроста онъ такъ, а, стало быть, есть человѣкъ особенный . . . Ну, Наташа-прачка, первая, залюбопытствовала... Улучила время, допросила его: „Что, молъ, ты, Василій, такъ легко ходишь? Простудишься, глупый, можешь здоровье потерять“... А онъ ей въ отвѣтъ — слово:

— Это, Наташенька, не бѣда, что тѣло мерзнетъ: такъ ему и надо, подлому. Вотъ горе — когда въ человѣкѣ душа мерзлая. Ты душу свою грѣй, душу, а не тѣло. Да! Тѣло-то — говоритъ, — раздѣнь, а душу одѣнь, — такъ оно и хорошо будетъ... душу одѣтую да нарядную Богъ любитъ.

Ну, и — пронзилъ... Стала Наташа съ того разговора сама не своя.

— Знаешь, Оля, — говоритъ мнѣ, — вотъ, мы съ тобой Василья на смѣшки брали, а, вѣдь, онъ — святой . . .

Я, было, хохотать:

— Что ты, дурища? Нешто святые въ дворникахъ служатъ?

Но она смѣха моего не слушаетъ, а твердитъ свое:

— Святой да святой . . . Ты поди, поговори съ нимъ, — онъ тебя научитъ, сама узнаешь, что сьятой! . . .

Н-ну . . . любопытно, конечно . . . этакой интересъ! . . . видывали-ль мы святыхъ то? . . . Послушала, пошла, да такъ тамъ и увязла . . . А черезъ Наташу же, за мною, и кухарка наша Авдотья Павловна, почтенная женщина, вдова, при своемъ капиталѣ, и лѣтъ уже будетъ такъ подъ пятьдесятъ, и племянница ея, Ариша-судомойка, и Юлія, вторая горничная, и Катя, подгорничная . . .

— Ну, а барышня Лиля?

Дѣвушка замялась, волнуясь.

— Въ томъ немного моего грѣха есть, — быстро призналась она. — Только немного: что, когда у насъ вокругъ Василія собранія пошли, то барышня запримѣтила, что меня, вечерами, часто дома не бываетъ, и стала допрашивать: ты, должно быть, влюблена? куда пропадаешь, къ кому на свиданья бѣгаешь? Скажи да скажи! . . . А я, какъ много ее любила и была съ нею въ полной довѣренности, возьми да и разскажи ей все, что и какъ у насъ происходитъ . . . Она и заинтересовалась . . .

— Такъ сразу и вошла въ секту?

— Нѣтъ . . . Сперва только ужаснулась: „Ахъ, глупости какія! Что же вы дѣлаете, какъ допускаете? Какъ это возможно, чтобы человѣкъ на морозѣ оставался чуть не голымъ?“ . . . И сейчасъ же даетъ мнѣ сорокъ рублей денегъ, чтобы я купила для Василья тулупъ . . .

Ну, купила я . . . Тридцать семь заплатила, три выторговала . . . Хорошая дубленка, романовская, не то, что дворнику, а хоть и купцу носить . . . Принесла Василью, отдала:

— Вотъ тебѣ отъ барышни . . . Велитъ носить, чтобы не простудился . . .

Улыбается:

— Благодари, — говоритъ, — барышню, что позаботилась о бѣдномъ человѣкѣ. Буду носить ея подарокъ, — не затѣмъ, что опасаюсь холода, а въ уваженіе ея ласковаго сердца и доброй души.

Надѣлъ тулупъ, заворотилъ полу и трясетъ предо мною:

— Это, — говоритъ, — что?

Я отвѣчаю:

— Овчина.

— А съ какой твари овчина снята?

— Съ овцы.

— Такъ вотъ же, — говоритъ, — попомни мои слова, Ольга: какъ надѣваю я новую эту овчину на плечи, такъ будетъ у насъ новая овечка въ стадѣ — всѣхъ прочихъ овецъ драгоцѣннѣйшая . . . Такъ и скажи отъ меня барышнѣ . . . А за тулупъ благодари . . .

Я, какъ онъ приказалъ, такъ и передала . . . Барышня засмѣялась:

— Ну, — говоритъ, — этой овцы вашему стаду долго дожидаться!

Только и всего . . . И моей вины въ томъ, что дальше произошло, тоже только и было . . .

— А что же именно произошло?

— Да оно, по первому-то началу, какъ будто и ничего, — только съ того времени началъ онъ на нее смотрѣть.

— Смотрѣть?

— Ну, да, смотрѣть. Подойдетъ она къ окну, — онъ со двора въ окно смотритъ. Выйдетъ во дворъ, — онъ работу, которую дѣлаетъ, броситъ, смотритъ. Гулять соберется, — онъ по двору бѣжитъ, калитку отворяетъ, картузъ снимаетъ, — смотритъ. Такъ что она запримѣтила — и смущаться начала. Помилуйте! Какъ возможно, чтобы иначе? Сами посудите: уставляется глазищами, а глазищи-то — во все лицо... А словъ никакихъ... Не выдержала она, знаете, что онъ на нее уставляется, — спросила, сгоряча, хотѣла явить сторогость:

— Что вамъ надо, Василій? Почему вы на меня такъ пристально смотрите?

А онъ:

— Потому, что сквозь ликъ вашъ прекрасный хочу душу вашу разглядѣть, — душа-то у васъ такая ли же... И глазищами на нее — зиркъ! зиркъ!... Такъ что она совсѣмъ смутилась, будто дѣвочка малая, и ужъ поскорѣе — уходить, уходить отъ него...

Да еще однажды художнику его показывала, — господину Краснецову, можетъ быть, изволите знать?

— Вотъ, — говоритъ, — посмотрите, какіе глаза... Встрѣчали вы когда нибудь такіе глаза?

Художникъ тоже похвалилъ, сказалъ Василью:

— Вы интересный... Васъ написать бы...

А тотъ, — чѣмъ бы поблагодарить, такъ нѣтъ:

— Что вамъ меня писать! Меня Богъ написалъ, людямъ не переписывать.

— И откуда только вы эти глаза себѣ достали! Отъ роду такихъ голубыхъ не видывалъ...

— А это, — говоритъ Василій, — отъ того, что снизошелъ на меня огонь небесный. Да. Огонь небесной высоты въ себѣ я ношу. Ходитъ онъ во мнѣ по жиламъ и изъ глазъ смотритъ... Не мое, а Божье. Оттого и хорошо. Божье-то все хорошо, человѣческое все плохо...

Такъ-то, сударь. На человѣческое-то поменьше глазѣй, а на Бога, на Бога смотри, — тогда и твой зракъ очистится и просвѣтлѣетъ, и хорошо тебѣ будетъ . . .

И вотъ, все онъ такъ — всегда — всякое слово поворачивалъ въ поученіе. А писанія не зналъ, потому что былъ плохо обученъ грамотѣ. И даже слушать не очень любилъ:

— Что мнѣ, — говоритъ, бывало, — хотя бы и писаніе? Книга. А на что мнѣ, — говоритъ, — книга? Я самъ книга. Во мнѣ, — говоритъ, и по лбу себя бьетъ, — на тысячу тысячъ книгъ ума достаетъ. Видите голову? Это — храмъ Божій. Богъ въ немъ завсегда присутствуетъ, какъ царь на престолѣ сидитъ, а у Бога, сестрицы мои, въ одну секунду, мыслей больше, чѣмъ во всѣхъ книгахъ, которыя люди написали съ начала міра. . . .

Собирались мы у него въ дворницкой, обыкновенно, поздно вечеромъ, когда молодыхъ господъ не бывало дома, а старики у насъ спокойные: баринъ, ежели не въ клубъ, то рано ложится спать, барыня — тоже рѣдко случалось, чтобы не утихомирились къ одиннадцати часамъ. Тутъ мы всѣ — кромѣ одной, которую оставляли за дежурную, чтобы, въ случаѣ какой тревоги, звонокъ намъ дать, — платочки на голову и, какъ мыши, — юркъ къ Василью! . . . Намолимся, начитаемся, напоемся, нагрѣемся, напляшемся, наплачемся . . . радость! . . . Идешь потомъ подъ утречко домой-то — сама не разбираешь: то ли ты пьяная, то ли ты изъ бани жаркой — вспаренная, да чистенькая . . . Хорошо! . . .

IV.

Мѣсяцъ, другой . . . Однажды проводила я свою барышню въ Дворянское собраніе въ концертъ, а оттуда, говоритъ, къ знакомымъ поѣду ужинать, такъ вы меня не ждите . . . Ну, значитъ, гуляй, Ольга! вся ночь —

твоя . . . Такъ . . . Собрались мы въ дворницкую: Наташа, Авдотья, Ариша, я, Юлія, лавочница-сосѣдка къ намъ въ это время тоже пристала, да околоточнаго нашего свояченица... А Василья нѣтъ: сидитъ у воротъ, кончаетъ дежурство... Сидимъ, ждемъ... Часъ уже поздній, къ одиннадцати. И, вдругъ, знаете, распахивается дверь настежь, словно бурей выхвачена, паръ морозный, какъ облакъ, ворвался и зимой дохнулъ, а за нимъ валитъ нашъ любезный Василій, Вася, Васенька въ тулупѣ, барышнею подаренномъ, и въ охапкѣ несетъ нѣкое черное бремя, вродѣ какъ бы большой узелъ . . . Сталъ посередь каморы — спустилъ беремя съ рукъ: мы, всѣ въ голосъ, какъ ахнемъ:

— Барышня Лиля!

Она — въ шапочкѣ котиковой, въ шубкѣ черной плюшевой — блѣдная, глаза обезумѣли, руки, какъ кукла, врозь разставила, — видно, сама не понимаетъ, куда ее занесли, какою силою . . .

А Василій — къ намъ:

— Радуйтесь, сестры благія! . . . Послалъ Господь еще сестрицу въ нашу семью . . . Прибрела къ намъ овечка безцѣнная, бѣлорунная! . . .

Схватилъ гармонику и грянулъ плясовую . . . И ужъ вотъ вамъ, баринъ, честное слово: сама не знаю, чѣмъ насъ охватило, что на насъ всѣхъ нашло, — такъ и завертѣлись, такъ и закружились! И голосимъ, голосимъ, которая во что горазда . . . Гляжу: и барышня уже пляшетъ, слышу: и барышня уже поетъ, да громче всѣхъ! Голосокъ-то ея вы слыхали ли? Соловьиный! Всѣхъ побѣдила, — такъ и заливается . . .

Опамятовалася я отъ угара этого только уже на верху, въ своей каморкѣ: сижу на кровати, и барышня, откуда только взялась, тоже рядомъ сидитъ. И лицо у нея измученное, краше въ гробъ кладутъ, а, между

тѣмъ, улыбается, какъ блаженненькая, и не то она меня видитъ, не то не видитъ . . .

— Барышня! — спрашиваю. — Милая! Какъ это васъ умудрило? Откуда вы къ намъ попали?

— Ахъ, — говоритъ, — Оля! Это что-то удивительное, непостижимое! Ты права: онъ, должно быть, въ самомъ дѣлѣ, святой!

И разсказываетъ, что была она въ концертѣ, слушала музыку хорошую, любезничала съ кавалерами, разными знакомыми, и, вдругъ, ни съ того, ни съ сего напала на нее тоска. Да такая лютая, что хоть биться головой объ стѣну. И, что дальше, то пуще, что дальше, то злѣе. И вдругъ — будто, вотъ, встали предъ нею голубые глаза Васильевы и строго-строго приказываютъ, зовутъ: нечего тебѣ здѣсь дѣлать, — съ праздными людьми грѣшить, праздными рѣчами бѣса тѣшить, — ступай домой, къ Богу иди, — иди ко мнѣ! . . . Она было: глупости! — гонитъ отъ себя прочь эти мысли, а онѣ все пуще, да громче, а глаза Васильевы не отступаютъ отъ нея — такъ вотъ и берутъ ее, такъ и тянутъ, будто на веревкѣ . . . Ну, и не вынесла тоски . . . Не дослушавъ музыки, встала, ушла изъ концерта, гнала извозчика, какъ сумасшедшая . . . Доѣхала къ своему дому, — Василій на дежурствѣ, у воротъ сидитъ . . . Ее къ нему такъ и швырнуло, будто невидимой силой: ни одного слова не сказавъ, на грудь къ нему упала . . . А онъ, тоже слова не уронивъ, подхватилъ ее на руки, тулупомъ прикрылъ, да такъ, въ охапкѣ, къ намъ и домчалъ . . .

Ну, вотъ, съ того времени оно и началось . . . И Богъ вѣсть, когда кончилось бы, если бы Наташка не заболѣла и своею болѣзнью не выдала нашихъ хитростей, какъ мы прикрывали барышню отъ ея родителей. Она уйдетъ, бывало, къ Василью, а мы — либо Наташка, либо я — дежурили на случай, не заглянула бы ночью

къ дочкѣ старая барыня: ложимся въ барышнину постель, носомъ въ подушку, укутаешься въ одѣяло, какъ спеленутая, а волосы у насъ всѣхъ троихъ почти одинаковые, — разбирай, кто лежитъ!.. Кабы Наташку не свалилъ тифъ, то и до сей поры все было бы шито и крыто . . . Не замѣтили, что заболѣваетъ . . . Проморгали . . .

Умолкла.

— Это все?

— Да . . . больше ничего не имѣю . . .

— Хорошо . . . Теперь скажите, почему вы нашли нужнымъ все это мнѣ сообщить?

— Я же вамъ говорю, что господамъ моимъ бывшимъ грозятъ сдѣлать огласку . . . А я — дѣвушка честная, въ подобномъ дѣлѣ участвовать не могу . . .

— Кто грозитъ?

— Да вотъ этотъ же самый Василій съ женой.

— Святой-то?

— Былъ святой, а какъ женился, сталъ, прости Господи, хуже чорта и жаднѣе Іуды . . . Жена, что-ли, его наущаетъ, самъ ли — кто ихъ разберетъ . . . На Авдотьѣ онъ женился-то, — на кухаркѣ, которая тоже съ нами была — въ „знающихъ“ . . .

— Да вѣдь вы говорили: ей подъ пятьдесятъ?

— Такъ что-жъ? У нея — деньги . . . Они же и односельчане, изъ калуцкихъ . . . Теперь затѣяли на родину ѣхать, въ Мещовскъ, — строиться . . .

Помолчавъ, добавила:

— Теперь они собираются требовать съ Забойковыхъ двадцать пять тысячъ рублей. Потому, — Авдотья говоритъ, — есть у нихъ намѣреніе открыть трактиръ и лавку. Не дадутъ Забойковы — грозятъ пропечатать всю исторію въ газетахъ и такъ нехорошо повертываютъ, будто барышня Лиля съ нимъ, Васильемъ, блудно жила и дитя отъ него понесла, а въ Питеръ уѣхала — чтобы

черезъ знакомую акушерку плодъ вытравить . . . А это — все одна клевета. Я присягу готова принять, что ничего такого у насъ не было . . .

— Увѣрены?

— Помилуйте! Мнѣ каждый ихній шагъ былъ извѣстенъ. Что его, что ея . . .

— А проглядѣть не могли?

— Охъ, баринъ, гдѣ тамъ проглядѣть! Мы въ сектѣ — которыя женщины — всѣ, какъ ревнивыя кошки, другъ за другомъ слѣдили . . . Нѣтъ, ужъ можете быть благонадежны: не вру . . . И, если вѣрите и желаете, то, въ случаѣ чего, защитите!..

Княжнецовы

Въ одномъ изъ среднерусскихъ уѣздныхъ городовъ, старозавѣтномъ, торговомъ и хлѣбномъ, существуетъ урочище Княжничи, — окраинная слободка, населенная почти сплошь, изъ дома въ домъ и отъ сосѣда къ сосѣду, мѣщанами — бывшими однодворцами — Княжнецовыми. Будетъ этихъ однофамильцевъ семей двадцать пять, а въ семьяхъ, съ женами и дѣтьми, наберется душъ триста съ залишкомъ. Несомнѣнно происходя отъ одного корня, они тѣмъ не менѣе давно утратили родство между собою. Настолько, что теперь уже свободно брачутся, хотя еще въ предшествующемъ поколѣніи предпочитали брать женъ со стороны.

— Попы-то вѣнчать соглашались, — объясняютъ старики, — потому что правила насчетъ родства намъ вышли. Да своя совѣсть зазрила: а вдругъ обсчитались, и еще родня?

Поэтому большинство пожилыхъ женщинъ въ Княжничахъ чужачки. Но, такъ какъ слобода богата, по-своему культурна, выгодно отличается чуть ли не по всей губерніи трудолюбіемъ, смышленностью, трезвостью и мягкими нравами населенія, то чужачки входятъ въ Княжничи гораздо охотнѣе, чѣмъ свои дѣвушки изъ Княжничей уходятъ. Это обстоятельство, во-первыхъ, подняло и очень благоустроило въ Княжничахъ женскій

монастырь — старинный, гораздо древнѣе и Княжничей, и самого города, ему обязаннаго своимъ происхожденіемъ. Теперь онъ средней руки, ни людный, ни скудный, ни богатый, ни бѣдный, очень рабочій и съ добрыми нравами. Во-вторыхъ, развило въ княжницкомъ обществѣ примацкій бракъ, то-есть съ обязательствомъ зятя войти въ тестеву семью. Благодаря этому обычаю, на слободѣ, кромѣ Княжнецовыхъ, имѣются Ефимовы, Петровы, Кибиткины, Свилягины, два дома Маменькиныхъ и одинъ, основанный перебѣжчикомъ изъ духовнаго званія, Мореходовыхъ. Но обыкновенно женщины въ Княжничахъ не мѣняютъ своего родового прозвища, а, наоборотъ, втягиваютъ въ него и пришлыхъ мужей своихъ. Ибо своимъ прозвищемъ Княжнецовыхъ онѣ такъ гордятся, какъ и въ высшемъ аристократическомъ обществѣ не всякая „урожденная“. И не однѣ онѣ, но и въ городѣ, и даже въ сосѣднихъ городахъ, если мѣщанинъ или мелкій купецъ женатъ на женщинѣ изъ Княжничей, то, говоря о женѣ, никогда не упуститъ похвалиться:

— Она у меня изъ Княжнецовыхъ! Не простая кровь!

Происхожденіе Княжнецовыхъ объясняется близостью къ городу имѣнія князей, ну, скажемъ, хоть Узбекъ-Батыевыхъ. Они и посейчасъ не бѣдны, а въ прошломъ вѣкѣ были милліонщиками, а въ запрошломъ, при матушкѣ Екатеринѣ, владѣли тысячами душъ, землями, какъ герцогства, и несмѣтными капиталами. Поэтому Княжнецовы легко могутъ происходить изъ вольно-отпущенныхъ князей Узбекъ-Батыевыхъ, либо представляютъ собою расплодившееся потомство ихъ крѣпостныхъ наложницъ, получившихъ, въ вознагражденіе альковныхъ услугъ, волю, домъ и земельный надѣлъ. Тѣ, кто не любитъ Княжнецовыхъ, — а такихъ не мало, потому что, будучи зажиточны, они большіе

гордецы и весьма не прочь отъ кулачества и ростовщичества, — такъ именно и утверждаютъ и кличутъ Княжнецовыхъ „подкрапивными князьками“. Но сами Княжнецовы иного, гораздо болѣе высокаго мнѣнія о родѣ своемъ и разсказываютъ о немъ любопытную легенду, въ подтвержденіе которой ссылаются на старую могильную плиту въ Свято-Еленинскомъ, что на Княжничахъ, Дѣвичьемъ монастырѣ. Изъ полустертой на ней надписи коротко слѣдуетъ, что подъ плитою этою покоится тѣло инокини Еликониды. По преданію, тутъ погребена родоначальница всѣхъ Княжнецовыхъ. Легенда же ея такова.

Наиболѣе блестящій изъ князей Узбекъ-Батыевыхъ, вельможа Елизаветина двора, въ царствованіе Екатерины почему-то впалъ въ немилость и былъ удаленъ изъ Петербурга въ свои деревни, близъ того города, гдѣ урочище Княжничи. Здѣсь онъ нашелъ давно забытую имъ семью: немолодую богомольную жену, двухъ сыновей-недорослей, которыхъ онъ немедленно отправилъ въ чужіе края учиться, и четырехъ дочерей-подростковъ, обѣщавшихъ быть одна другой краше. Княгиня вскорѣ по пріѣздѣ князя скончалась, а самъ онъ, захандривъ въ глуши отъ бездѣятельности и тоски по власти, началъ придумывать, какъ бы ему вернуть свой фаворъ и честолюбивыя возможности. Человѣкъ этотъ былъ настоящимъ сыномъ своего вѣка: безнравственный, безжалостный азіатъ-петиметръ, безсовѣстный, холодный авантюристъ, таившій подъ маскою Казановы старомосковское самодурство и злую мстительность татарскихъ предковъ своихъ. Видя красоту подрастающихъ дочерей, князь весьма хладнокровно рѣшилъ, что на этихъ „четырехъ дамахъ“, — онъ такъ карточными мастями и опредѣлялъ ихъ, — онъ отыграетъ обратно всѣ свои придворные ремизы. Дѣйствительно, будучи отправлены въ Петербургъ къ теткѣ, двѣ старшія

княжны — жлудевая и винновая — быстро нашли себѣ браки, не столько блестящіе по мужьямъ, сколько по покровительству Потемкина, которое мужьями было благовидно прикрыто. Князь-отецъ мало что получилъ возможность возвратиться ко двору, но и пошелъ въ гору по дипломатическому вѣдомству, чему много способствовало впечатлѣніе, произведенное третьею княжною, трефовою, на всемогущаго Безбородку. Ей тоже дали подставного мужа съ титуломъ. Всѣ эти три княжны были родительскаго сердца и нрава, поэтому вошли въ цвѣтникъ куртизанокъ Екатеринина двора съ веселымъ духомъ и были, поистинѣ, утѣшеніемъ отцу своему, котораго онѣ тянули на верхи карьеры, какъ добрая тройка. Но въ четвертой своей дочери, младшей, червонной или, какъ тогда говорили, кёровой, бѣлокурой красавицѣ изъ красавицъ, Елизаветѣ, князь нашелъ камень преткновенія. Да такой, что, пытаясь его перепрыгнуть, подобно Васькѣ Буслаеву, сломилъ себѣ буйную голову.

Дѣвушка эта родилась не въ отца, а въ мать, хорошую женщину изъ стараго русскаго дворянскаго рода и съ крѣпкими религіозными правилами, которыя привились къ Елизаветѣ прочнѣе, чѣмъ къ старшимъ княжнамъ.

Потемкинъ увидалъ эту серьезную красавицу, когда ей только-что исполнилось семнадцать лѣтъ, и обомлѣлъ. Зная нравы отца и старшихъ сестеръ Елизаветы, онъ предположилъ, что стѣсняться нечего, и безъ дальнихъ церемоній сдѣлалъ княжнѣ, какъ впослѣдствіи стали говорить, „гнусное предложеніе“.

Княжна его даже не отвергла, — она просто его не поняла. И эта ея наивная и безпритворная невинность такъ изумила Потемкина, что онъ увлекся Елизаветою уже не по развратной прихоти, а влюбясь не на шутку.

Княжна не поняла, но изъ разсказа ея все хорошо понялъ почтенный родитель. Разговоръ между нимъ и свѣтлѣйшимъ вышелъ короткій. Свѣтлѣйшій освѣдомился, что̀ князь возьметъ за дочь. Князь скромно запросилъ одинъ изъ самыхъ важныхъ посольскихъ постовъ. Свѣтлѣйшій сперва протянулъ-было по направленію къ княжескому носу кулакъ съ тр^мя пальцами, сложенными фигой. Но сердце не камень. Тѣмъ же вечеромъ прислалъ онъ къ князю Узбекъ-Батыеву посланца своего:

— Согласенъ.

Но вотъ тутъ-то и сорвался счастливый торговецъ дочерьми. Оказалось, что онъ совсѣмъ не зналъ своего товара.

На родительскіе увѣты княжна Елизавета съ наивностью отвѣчала, что любовное объясненіе Потемкина она можетъ понять только, какъ брачное предложеніе, и, если на то есть родительская воля, то князь Григорій Александровичъ, хотя и кривой, однако ей не противенъ, и она охотно отдаетъ ему свою руку.

Князь опѣшилъ. Потому что, конечно, князю Григорію Александровичу гораздо легче было бы сдѣлать Узбекъ-Батыева не то что посломъ, но даже посадить султаномъ на престолъ турецкій, чѣмъ жениться на его дочери, развѣнчавшись для этого съ императрицей, тайный бракъ которой съ Потемкинымъ былъ неизвѣстенъ только тѣмъ, кто самъ знать не хотѣлъ.

Мудрено было втолковать княжнѣ Елизаветѣ, чего добивается отъ нея свѣтлѣйшій. А когда втолковали, она плюнула и сказала, что это скаредное дѣло, и скорѣе она ляжетъ въ могилу, чѣмъ станетъ наложницею хотя бы и свѣтлѣйшаго.

Мольбы, уговоры, угрозы и даже побои отъ отца и сестеръ не произвели на твердую дѣвушку никакого впечатлѣнія. Она твердила, что въ животѣ и смерти

ея родитель воленъ, а въ чести нѣтъ, и чести своей она никому не отдастъ, кромѣ законнаго богоданнаго мужа.

— Я могу выдать тебя за кого хочу! — грозилъ нареченный посолъ.

Княжна Елизавета отвѣтила полною готовностью повиноваться и безропотно выйти, за кого родитель прикажетъ, но, внѣ брака, она никому принадлежать не желаетъ, а въ бракѣ будетъ принадлежать только супругу.

Трудненько было князю скрывать все это отъ нетерпѣливаго, влюбленнаго Потемкина. Конечно, онъ сейчасъ же схватился за привычное ему средство — бракъ съ подставнымъ женихомъ, вмѣсто котораго всѣ права молодого супруга получитъ свѣтлѣйшій. Но примѣръ первыхъ трехъ подобныхъ браковъ, уже слаженныхъ князёмъ, мало вдохновлялъ на желаніе ему слѣдовать даже куртизановъ Екатерининa двора, честолюбиваго и безнравственнаго. Мужья старшихъ княженъ Узбекъ-Батыевыхъ дѣлали служебныя карьеры, но слыли притчею во языцѣхъ. Екатерина откровенно ими брезговала, и въ Эрмитажъ имъ не было хода.

Потемкинъ былъ не изъ тѣхъ людей, которыхъ можно долго водить за носъ. Слухи о борьбѣ князя съ дочерью вскорѣ дошли до свѣтлѣйшаго и больно ущипнули его за сердце. Онъ былъ человѣкъ развратный, самодуръ, но не насильникъ женскій, не воръ дѣвичій, не понудитель. Приказалъ онъ вѣрнымъ своимъ слугамъ разслѣдовать подъ рукою, въ чемъ дѣло. И вѣрные слуги вскорѣ же донесли:

— Такъ точно. Князь Узбекъ-Батыевъ всячески терзаетъ и мучитъ княжну Елизавету, понуждая ее сдаться на любовь вашей свѣтлости, а она, по глупости, не понимая своего счастья, противится и грозитъ лучше наложить на себя руки.

Потемкинъ сдѣлался чернѣе тучи и, мигомъ превратившись изъ великолѣпнаго князя Тавриды въ Грицка Нечесу, три дня провалялся, гроза грозою, на знаменитой софѣ своего кабинета, въ угрюмомъ одиночествѣ, которое никто не дерзалъ нарушить. Переварилъ любовную неудачу, залѣчилъ рану оскорбленнаго самолюбія и ожилъ. Но на первомъ же своемъ пріемѣ, дойдя до раболѣпно преклонившагося князя Узбекъ-Батыева, даже не взглянулъ въ его сторону, а къ окружающимъ обратился съ громкимъ вопросомъ:

— А что, государи мои, какъ вы судите: справедлива ли пословица, будто яблочко отъ яблоньки недалеко катится?

Ему отвѣчали:

— Ваша свѣтлость! — таковъ гласъ мудрости предковъ нашихъ.

Но Потемкинъ, сверкнувъ единственнымъ глазомъ своимъ, возразилъ:

— А я вамъ скажу: бываетъ брехня и отъ предковъ. Я, вотъ, недавно зазналъ одного князишку. Подлецъ изъ подлецовъ, сводникъ мерзкій, собственными дочерьми торгуетъ, будто баба бубликами на базарѣ. И что же, государи мои? Трехъ дочерей онъ уродилъ въ себя, такихъ же мерзавокъ, какъ самъ, а четвертую Богъ послалъ ему — святую. Вотъ вамъ и мудрость предковъ, государи мои!

И прослѣдовалъ дальше, такъ и не взглянувъ на князя. Зато во всѣ глаза глядѣли на него всѣ, кто слышалъ и имѣлъ уши, чтобы слышать.

Послѣ такого уничтожающаго реприманда, князю Узбекъ-Батыеву не оставалось ничего иного, какъ стремительно убраться прочь съ очей свѣтлѣйшаго и изъ дворца его. А дома онъ нашелъ одного изъ довѣренныхъ секретарей Потемкина, вѣроятно, извѣстнаго Попова, съ приказомъ: выѣхать ему, князю Узбекъ-

Батыеву, немедленно изъ стольнаго города Санктъ-Петербурга въ свои вотчины. И съ предупрежденіемъ: ежели онъ, въ отместку за неудачныя свои каверзы, вздумаетъ княжну Елизавету тиранить какимъ-либо способомъ, злоупотребляя родительскою властью, то пусть помнитъ, что глазъ свѣтлѣйшаго, хотя и одинъ, но смотритъ въ оба и будетъ слѣдить за нимъ повсюду. Да еще и то пусть помнитъ, что есть на Руси такія укромныя мѣстечки, куда воронъ костей не носитъ, а ежели и носитъ, такъ только княжескія.

Убрался князь Узбекъ-Батыевъ изъ Петербурга, несолоно хлебавъ, безъ фортуны и карьеры, и непослушную дочь увезъ съ собою. Лютымъ врагомъ онъ ей сталъ, но, памятуя потемкинскій наказъ и чувствуя надъ собою занесенный потемкинскій кулакъ, не дерзалъ ничѣмъ тѣснить Елизавету. Но злоба кипѣла въ немъ — и не таковъ былъ человѣкъ, чтобы не избыть ее дикою местью.

И вотъ однажды призываетъ родитель Елизавету предъ свои княжія очи и говоритъ ей съ спокойною вѣжливостью:

— Вы, любезная дочь моя, выражали мнѣ въ Петербургѣ готовность вступить въ законный бракъ, по моему родительскому усмотрѣнію. А посему предупреждаю васъ, что я нашелъ вамъ жениха, достойнаго вашего прекраснаго характера, и требую отъ васъ, согласно вашему слову, безусловнаго повиновенія.

— Оно будетъ вамъ оказано, — отвѣчала княжна Елизавета. — Смѣю ли спросить васъ, папенька: кто онъ, избранный вами для меня спутникъ жизни?

— О семъ вы своевременно будете освѣдомлены, — сухо возразилъ князь Узбекъ-Батыевъ и отпустилъ дочь безъ отвѣта.

Но что же онъ, негодяй, тѣмъ временемъ смастерилъ?!

А вотъ что.

Пріѣхалъ онъ изъ вотчины въ городъ и — къ городничему. Тотъ предъ нимъ, вельможею, конечно, распластался, не знаетъ, гдѣ посадить знатнаго гостя. А князь ему:

— Слушай, воинъ. Дошли до меня вѣсти, будто держишь ты у себя подъ началомъ нѣкую приказную строку. Парень буйственный, многократно штрафованный, понеже есть пьяница, мздоимецъ и воръ. . .

Городничій отвѣчаетъ:

— Простите, ваше сіятельство, но невдомекъ мнѣ, о комъ изволите говорить. Не потому, чтобы у меня такового не было, но потому, что они, мерзавцы мои канцелярскіе, всѣ таковы.

— Да, — говоритъ князь, — это само собою разумѣется, гдѣ же они иными бываютъ. Но остальные у тебя — сбродня разночинная, вольноотпущенные да кутейники, а объ этомъ я слышалъ, будто онъ изъ дворянъ . . .

— А! — обрадовался городничій. — Есть такой! Есть! Только долженъ я, ваше сіятельство, предупредить: этотъ всѣхъ хуже, и на него даже собственные его товарищи изумляются, сколько онъ неумѣренъ въ безобразіи. Воистину вмѣстилище всякой скверны и бѣсовскихъ пороковъ.

— Это ничего, — одобрилъ князь. — Мнѣ именно такого и надо. А онъ женатъ или холостъ?

— Гдѣ ему женатымъ быть! Помилосердуйте! Какая сумасшедшая дура за него пойдетъ? Какіе свирѣпые родители за нимъ свое дитя утопятъ?

— А вотъ посмотримъ, — сказалъ князь и приказалъ привести канцелярскаго.

И, надо полагать, остался доволенъ, потому что посадилъ онъ этого самаго пропойцу и безобразника съ собою въ карету и, какимъ обрѣлъ его, такимъ и привезъ къ дочери.

— Вотъ вамъ женихъ, княжна. Прошу любить да жаловать. Угодно вамъ сдержать ваше слово?

Посмотрѣла княжна Елизавета: качается предъ нею чудище, еле на ногахъ держится, рожа красная, въ пятнахъ чернильныхъ, вся побитая, недѣлю небритая, кафтанишка заплатанный, рукавишки на локтяхъ дырявые, весь-то въ салѣ, весь-то въ грязи, весь-то въ пуху...

— Папенька, — говоритъ она, — если вы шутите, то позвольте вамъ сказать, что это непристойная шутка.

— Нѣтъ, — возражаетъ князь, — я нисколько не шучу, но совершенно серьезно требую отъ васъ исполненія даннаго вами честнаго слова. Вы обѣщали безпрекословно выйти замужъ за жениха, котораго я вамъ выберу. Ну, вотъ, я и выбралъ. Онъ, конечно, не такъ блестящъ, какъ князь Григорій Александровичъ, однако такой же дворянинъ и даже смоленскій. Слѣдовательно, вы не имѣете права упрекать меня, будто я понуждаю васъ выйти за неровню. Впрочемъ, если женихъ, мною представленный, вамъ неугоденъ, можете жаловаться на меня вашему высокому покровителю въ Петербургъ: противъ его тиранскаго произвола я безсиленъ. Но тогда я, во-первыхъ, буду знать цѣну вашему хваленому дочернему повиновенію и честному слову. А, во-вторыхъ, тогда уже я вамъ свое честное слово даю и приношу всѣми предками нашими клятву, что, покуда я живъ, не бывать вамъ женою другого мужа, кромѣ вотъ этого. И монастыремъ мнѣ грозить тоже не вздумайте: не пущу.

Княжна выслушала отца и отвѣчаетъ, гордая:

— Слово княжны Узбекъ-Батыевой не гнется и не ломится. Я повинуюсь вамъ.

Такъ и обвѣнчалъ старый негодяй прекрасную дочь свою съ пьянымъ приказнымъ проходимцемъ.

Ничего, даже самой мелкой бисеринки не взяла съ собою бывшая княжна, уходя изъ дома родительскаго

въ новую жизнь. А когда, послѣ вѣнца, подскочилъ было къ ней въ церкви князь-отецъ и, сатанѣ подобный, началъ ее поздравлять, ехидно паясничая и кривляясь, Елизавета обратилась къ богоданному супругу своему и сказала ему со спокойствіемъ:

— Вы теперь мужъ мой, должны меня защищать. Скажите же этому наглому человѣку, что я съ нимъ незнакома и не желаю знакомою быть.

И что же? Проходимецъ-то, купленный и споенный, вдругъ — отъ словъ ея гордыхъ, — человѣка въ себѣ нашелъ. Какъ прибодрится, какъ пріосанится, да и рыкнулъ на князя:

— А слышь-ка, ваше сіятельство! Ты насъ оставь, не замай. Ты свое дѣло сдѣлалъ, я твое дѣло сдѣлалъ, — ну, и квиты, баста! А Елизавету я тебѣ въ обиду больше не дамъ.

Поселились новобрачные на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ урочище Княжничи, и живутъ бѣдно-бѣдно. А князь-отецъ не устаетъ ихъ преслѣдовать. Всякія житейскія бѣды, непріятности, гоненія и нужды чрезъ него на молодыхъ дождемъ сыплются. И все-то онъ справляется о нихъ, точно бѣсъ — насчетъ праведнаго Іова:

— Ну, что? какъ? Круто приходится Елизаветѣ?

Но получаетъ отвѣты:

— А что — круто? Конечное дѣло, не въ золотѣ купается, а ничего, — обернулись кое-какъ, живутъ. Потому что чудотворица она у насъ, былая-то княжна Елизавета. Глядите-ка: пьяница-то ея, подъ ея рукою, пить пересталъ и въ человѣка выровнялся. Прежде былъ первый лѣнтяй и гулена, а сейчасъ нѣтъ лучше его на всякую работу, день-денской въ трудѣ, и прилеженъ, и уменъ, — не нахвалимся.

Повелѣлъ князь городничему:

— Непріятно мнѣ, что Лизаветинъ приказный у тебя служитъ. Приходятъ къ тебѣ разные люди, любопытствуютъ, кто таковъ. Какой ни есть, все-таки зять. Неловко. Выгони его, пожалуйста.

Лишилъ куска хлѣба и чрезъ нѣкоторое время опять справляется:

— Ну — что?!

И опять — отвѣтъ:

— А что? Извѣстно, не пиршествуютъ. Однако распахали вокругъ избенки своей клочокъ земли, огородишко разбили — хозяйничаютъ, кормятся...

Такъ-то, сколько ни лютовалъ старый князь на безвинную дочь свою, а никакъ не могъ доѣхать ее до такой бѣды, чтобы сломались ея твердость и гордость. И воевали они до самой смерти князя, добрыя двадцать пять лѣтъ, когда Елизавета уже не то, что дѣтей вырастила и на ноги поставила, но и внучатокъ дождалась. Мужъ былъ ей добрымъ помощникомъ въ трудахъ, но умеръ много раньше ея. По смерти его Елизавета, уже въ пожилыхъ годахъ, приняла монашество въ мѣстной Свято-Еленинской обители, съ именемъ Еликониды. Какъ звали ея мужа, забылось. Гордые происхожденіемъ отъ княжны, потомки хотѣли помнить только свою родоначальницу и пренебрегли родоначальникомъ. Вотъ почему и стало ихъ мѣсто Княжничи, а сами они Княжнецовы. Могильную плиту инокини Еликониды они чтутъ свято, хотя покрываетъ она, навѣрное, не ту покойницу, которую Княжнецовы подъ нею воображаютъ. Потому что плита эта старше времени, когда, предположительно, могла скончаться бывшая княжна Елизавета, по крайней мѣрѣ, на сто лѣтъ.

Содержаніе:

стр

Отъ автора 5

Зачарованная степь 7

Бабы и дамы:

Притча царя Соломона 97

Рюи Блазъ 124

Было, есть и будетъ 147

Княжнецовы 169